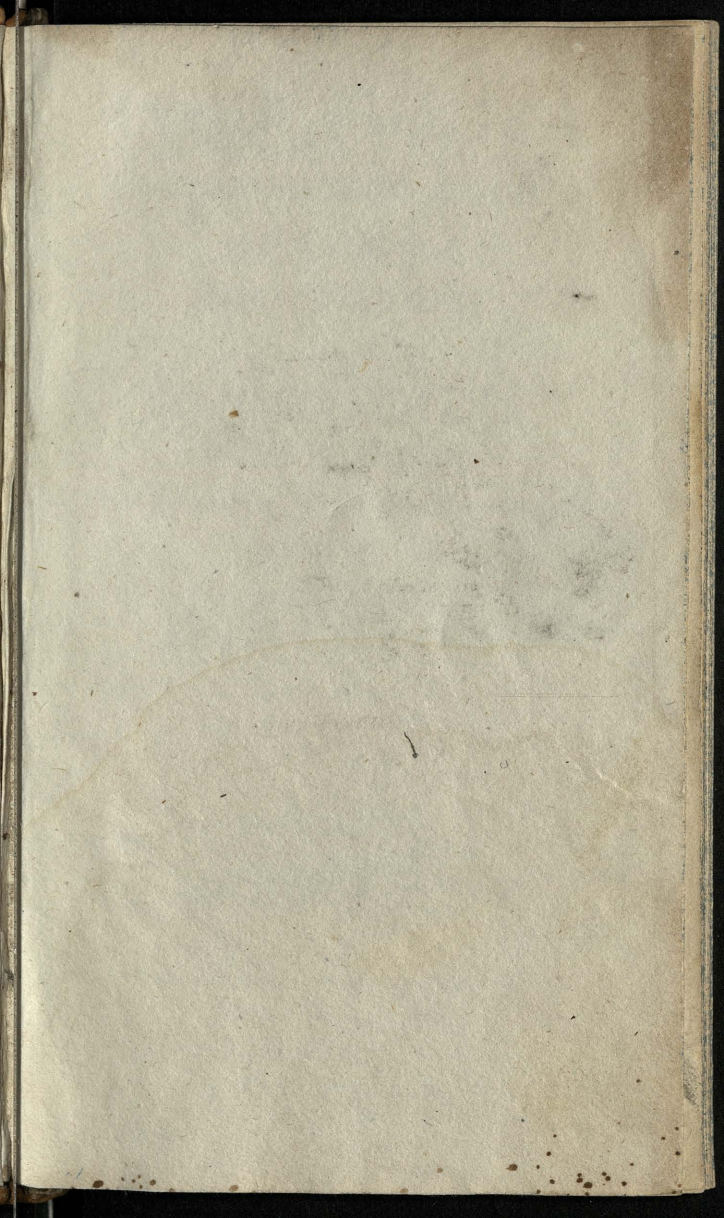
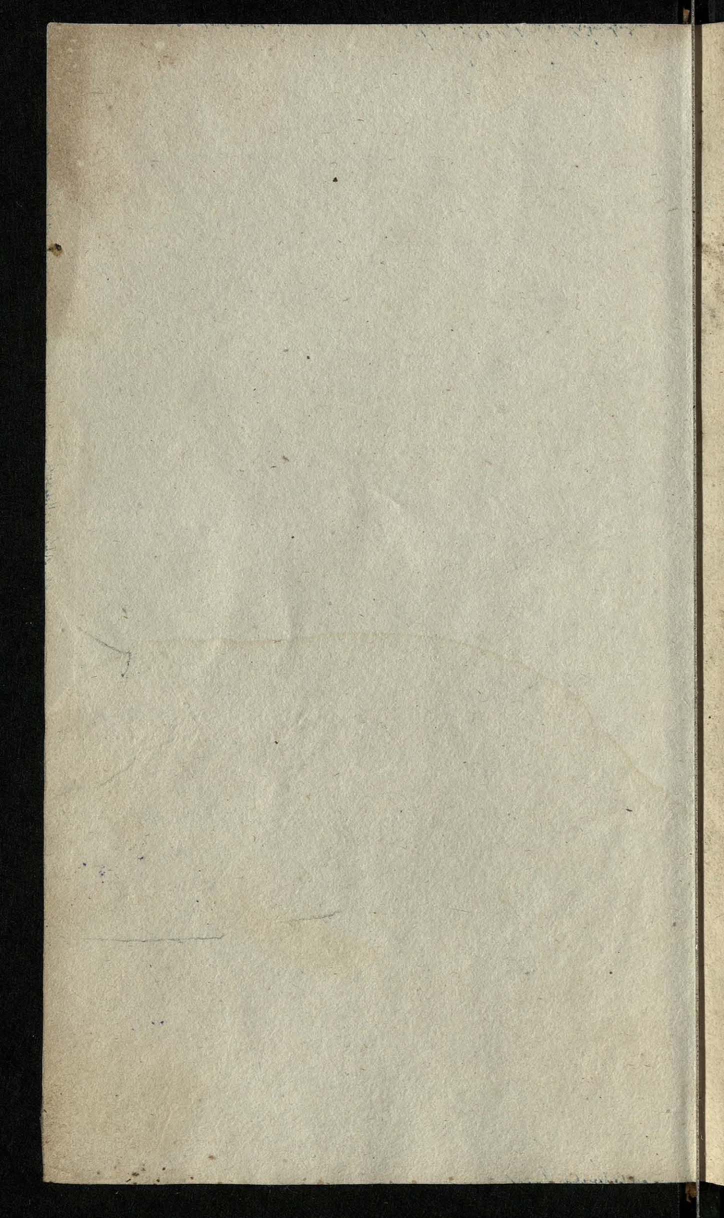






# ЛУЦІЯ АПУЛЕЯ
## ПЛАТОНИЧЕСКОЙ СЕКТЫ
## ФИЛОСОФА
## ПРЕВРАЩЕНІЕ,
или
## ЗОЛОТОЙ ОСЕЛЪ.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ ЛАТИНСКАГО

Императорскаго Московскаго

Университета

БАККАЛАВРЪ

ЕРМИЛЪ КОСТРОВЪ.

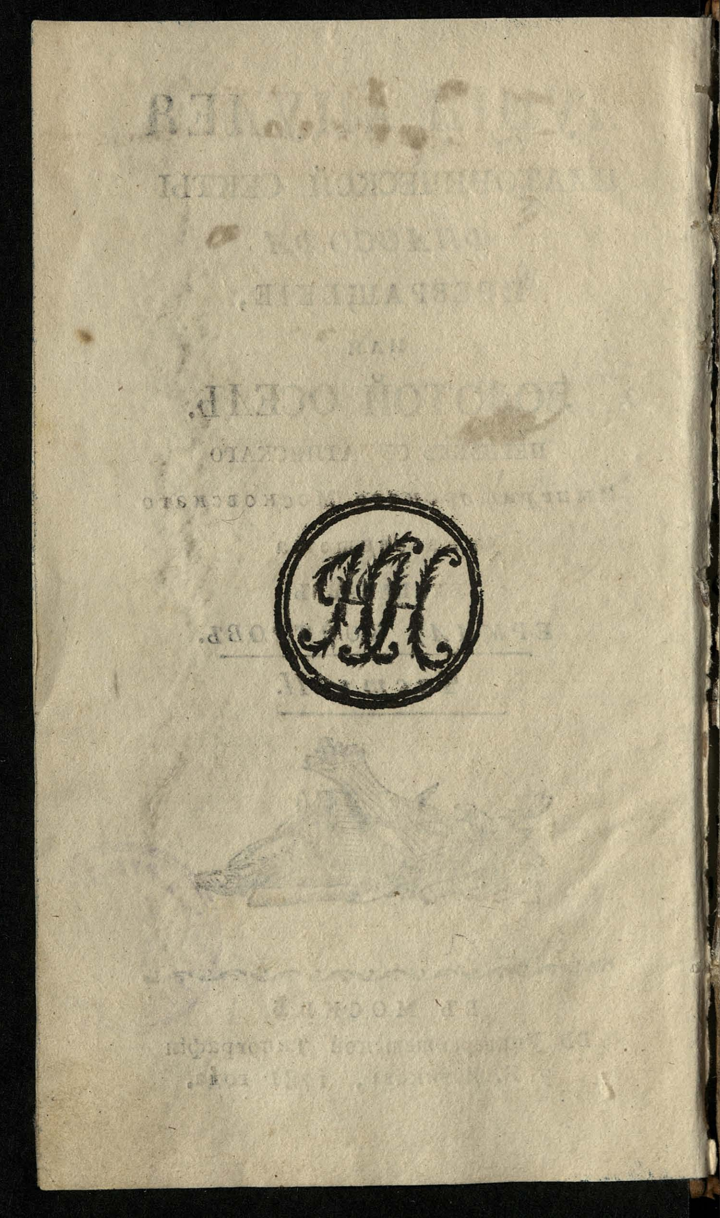
Часть II.



ВЪ МОСКВѢ

ВЪ Университетской Типографіи

у Н. Новикова, 1781 года.





# ПРЕВРАЩЕНІЕ
## ИЛИ
# ЗОЛОТОЙ ОСЕЛЪ.



## КНИГА ШЕСТАЯ.

Въ сіе время Психея протекала многія и различныя страны свѣта, горя желаніемъ въ день и нощь, дабы своего любезнаго обрѣсть супруга. Она льстилась, естьли не утолитъ гнѣвъ его супружними ласками, то по крайней мѣрѣ склонитъ его къ сожалѣнію чрезъ покорность рабскую. Усмотря храмъ на высотѣ горы воздвигнутый, можетъ быть говоритъ она сама себѣ, мое Божество, мой вожделѣнный супругъ обитаетъ въ сихъ мѣстахъ; и немедленно обративъ она стопы свои къ горѣ, восходитъ на нее съ поспѣшностію, не смотря на томной ея духъ и утружденное тѣло, надежда и любовь новыя крилѣ и новыя по-

даютъ ей силы. Едва только успѣвъ востечь на высоту, мгновенно вступаетъ во храмъ неробкою стезею, и тамъ видитъ ячмѣнные и пшеничные класы, иные соединены въ груду, иные сплетенные вѣнками, видитъ также серпы и всѣ орудія употребляемыя для жатвы. Они лежали въ безпорядкѣ и разбросаны на всѣ стороны, какъ обыкновенно дѣлаютъ жнецы, когда они утомясь зноемъ солнечнымъ, возвращаются отъ своихъ трудовъ. Психея съ крайнимъ прилѣжаніемъ устремилась разположить порядочно всѣ сіи вещи, думая, что ни единаго божества не должна пренебрегать она священныхъ храмовъ и обрядовъ благоговѣйныхъ, но чтобъ напротивъ того усердною мольбою и достодолжнымъ почтеніемъ склонить ихъ всѣхъ къ себѣ на милость, и подвигнуть къ сожалѣнію.

Въ сихъ тщательныхъ трудахъ усмотря Психею Церера неоскудная земнородныхъ питательница, возопила къ ней издали: Ахъ нещастная Царевна, или ты не знаешь, что богиня красоты пылая мщеніемъ и яростію

стію ищетъ тебя во всѣхъ краяхъ свѣта, и рѣшилась непремѣнно употребить всѣ возможныя средства, и все свое могущество, дабы изторгнуть тебя отъ среды живыхъ и принесть въ жертву неутолимой своей ярости; а ты напротивъ того печешься о убранствѣ и чистотѣ моего храма, и ни мало не помышляешь о сохраненіи твоей жизни? Тогда нещастная Психея повергнувшись на землю къ стопамъ сея богини, орошаетъ ихъ источникомъ своихъ слезъ, и лобзая отираетъ ихъ своими нѣжными власами и проситъ ея предстательства самымъ чувствительнымъ и жалкимъ образомъ: Заклинаю тебя, говоря ей, сжалься надо мною для щедрой твоей десницы разсыпающей по земли богатство и обиліе златовидныхъ класовъ; для сихъ торжественныхъ праздниковъ и утѣхъ, которыя благодарность жнецовъ составляетъ въ честь твоего имени, сжалься надо мною для святости твоихъ таинствъ сокровенныхъ въ кошницахъ, (а) для плодоносія полей

 Сици-

(а) Сіи кошницы заключали въ себѣ священныя вещи и таинства Цереріны; оні въ тор-

Сицилійскихъ; для крылатыхъ драконовъ, влекущихъ твою колесницу, и для колесницы, на которой похищена дщерь твоя Прозерпина, для земныхъ нѣдръ, которыя отверзлись для сокрытія сея дщери, для мрачнаго жилища, въ безднѣ котораго торжествованъ ея бракъ, для ея пребыванія во адѣ, и для ея возвращенія на землю. Наконецъ заклинаю тебя всѣмъ, что утаевается въ Элевзинскомъ (б) твоемъ храмѣ отъ взора непросвѣщенныхъ; удостой возрѣть очами благими на злощастную Психею, лежащую предъ твоими стопами; позволь, чтобъ я могла на малое время сокрыться подъ сіи класы, доколѣ мстительный столь сильной богини гнѣвъ утоленъ будетъ, или по крайней мѣрѣ, чтобъ силы мои толикимъ бѣдствіемъ истощенныя хотя

торжественный сея богини праздникъ, и когда совершалось ко храму ея шествіе, носимы были женщинами, которыя назывались кошненосницами *Canistriferæ*,

(б) Элевзисъ былъ городъ Аттическій, стоящій между Мегарою и Пиринейскимъ портомъ. Церера имѣла въ немъ великолѣпной храмъ. Сей городъ называется нынѣ Лептиномъ.

шія немного спокойствіемъ обновились.

Богиня жатвы ей въ отвѣтъ: слезы твои и убѣдительныя мольбы чувствительно грудь мою пронзаютъ, и я желала бы вспомоществовать тебѣ; но прилично ли мнѣ быть врагомъ Венерѣ моей ближней сродственницѣ, богинѣ благопріятной и прелестной, съ которою давно ужѐ я соединена узами ненарущимаго дружества. И такъ оставь немедленно мой храмъ; и что я тебя здѣсь не заключила, почитай моимъ снисхожденіемъ. Психея противъ чаянія своего будучи отринута и сугубою стѣснена печалію, выходитъ изъ храма, и возвратившись на прежнія стези, увидѣла при подошвѣ горы среди густой и тѣнистой рощи великолѣпный храмъ, созданный преудивительнымъ искусствомъ. И какъ она вознамѣрилась испытать всѣ пути и средства къ избавленію своему отъ такого злополучнаго жребія, и просить притомъ защиты и милости отъ всякаго божества; то не преминула приближиться ко вратамъ сего пышнаго храма. Она видитъ повсюду несчетное богатство, драгоцѣнные дары

 при-

приносимые усердіемъ поклонниковъ, златотканныя одежды, висящія на вѣтвяхъ древесъ. Впрочемъ на вратахъ сихъ начертанно зрѣлось имя богини, и всѣ благодѣянія изліянныя щедротою сея богини на всѣхъ ей молившихся, и принесшихъ толикіе дары. Тогда несчастная Психея падши на свои колѣна и трепещущими руками обнявши олтарь, еще дымящійся отъ жертвы, недавно принесенной, притомъ отирая слезы текущія по ланитамъ, возсылаетъ мольбы свои къ богинѣ такимъ образомъ.

Сестра и супруга великаго Юпитера, хотябы ты пребывала нынѣ въ древнемъ храмѣ острова Самоса, которой славится твоимъ въ себѣ рожденіемъ и твоимъ воспитаніемъ, хотябы въ пышномъ и счастливомъ Карфагенѣ, гдѣ поклоняются тебѣ во образѣ дѣвы прекрасной восходящей на высоту небесъ на гордомъ Царѣ звѣрей, хотябы наконецъ посѣщала ты въ сіи минуты гордый и возвышенный градъ Аргосъ (в) орошаемый струями

(в) Аргосъ Пелопонескій городъ, въ которомъ первый самой Царь назывался Инахомъ,

ями рѣки Инаха; въ которомъ тебя имянуютъ супругою Бога, мещущаго молніеносные громы и державною богинь небесныхъ Царицею. Ты, каторую чтутъ на всемъ Востокѣ подъ именемъ Зигіи (г) и въ пространномъ Западѣ подъ священнымъ названіемъ Люцины (д) внемли мольбы устъ моихъ, Юнона благотворная, и на гонимую судьбою Психею воззри милосердія очами, исхити меня твоею десницею изъ бездны грозящаго мнѣ нещастія: сея защиты я тѣмъ паче отъ тебя надѣюсь, что ты чревоносящимъ и раждающимъ въ болѣзняхъ вспомоществуешь.

Услышавъ Юнона смиренную сію мольбу, и явившись мгновенно во всемъ блескѣ и величествѣ ея божество окружающемъ, вѣщаетъ ко Психеѣ: я благо-

 во-

хомъ, и далъ свое наименованіе рѣкѣ сего полуострова.

(г Зигіа, соотвѣтствуетъ слову *jugalis*, то есть, брачная, или богиня брака.

(д) Луцина Богиня вспомоществующая разрѣшающимся отъ бремени. Слово сіе происходитъ отъ слова *lux*, то есть, свѣтъ; ибо она помогала младенцамъ исходить на свѣтъ изъ утробы матерней.

волила бы слухъ мой простерти къ твоему воплю и показать тебѣ свои щедроты; но противиться хотѣнію Венеры, которую всегда любила я какъ собственную дщерь свою, запрещаетъ стыдъ мнѣ и благопристойность. Впрочемъ право народовъ и законъ не повелѣваетъ рабовъ отъ Господина своего бѣжавшихъ принимать подъ свою защиту: и такъ наблюдая законъ сей, не могу явить тебѣ милости.

Психея пораженная симъ послѣднимъ ударомъ, лишается всей надежды сохранить жизнь свою отъ погибели. Она уже не видитъ никакого средства, чтобъ крылатаго своего обрѣсть супруга, и потому размышляя сама съ собою: какіе уже, говоритъ, могу предпріять теперь пути, для избѣжанія отъ горестныхъ бѣдствій и отъ злостнаго рока, естьли благоволеніе и воля толь великихъ богинь мнѣ уже безполезны? куда я обращуся, чтобъ избавиться сѣтей отвсюду меня окружающихъ? гдѣ спасительное убѣжище, въ которомъ безопасность меня ожидаетъ? какой мрачной облакъ можетъ

меня сокрыть отъ проницательныхъ очей толь сильныя и мщеніемъ пылающей богини? Нещастная Психея! для чего ты не облечешься въ мужество и не предпріимешь великодушнаго намѣренія? отвергни тщетную надежду; ты ни гдѣ не можешь сокрыться: не лучше ли тебѣ самовольно предаться во власть раздраженной богини, и утолить ея гнѣвъ покорностію и достойнымъ почтеніемъ: и кто знаетъ, можетъ быть искомый тобою супругъ давно уже въ чертогахъ своей матери! Такимъ образомъ Психея вознамѣрясь непремѣнно явиться предъ лице Венеры, чтобъ получить прощеніе, или сказать лучше, принять уже неминуемую казнь, начала пріуготовляться, что должно ей говорить и чѣмъ склонять къ сожалѣнію сію мстящую богиню.

Между тѣмъ Венера не могши нещастную Психею сыскать на земли, восходитъ на небо, думая, что она туда убѣжала въ горнія селенія. Немедленно повелѣваетъ пріуготовить себѣ золотую колесницу, которую Вулканъ подарилъ ей прежде вступле-

нія

нія съ нею въ брачные узы. Сей Богъ дѣлая толь удивительную колесницу, употребилъ все возможное свое искуство; уменьшеніемъ золота пилою острою отнятаго, казалась она драгоцѣннѣе и великолѣпнѣе. Потомъ изъ многихъ голубей летающихъ вокругъ ложницы Венериной выбраны были двѣ пары самыхъ чистыхъ и бѣлыхъ, которыхъ шейки блистали согласнымъ цвѣтовъ различіемъ. Они въ туже минуту нѣжныя свои головки влагаютъ въ ярмо изъ драгоцѣнныхъ камней составленное. Венера восходитъ на колесницу, они подъемлются и разсѣкаютъ крилами воздухъ; несчетное множество воробьевъ и сладкопоющихъ птицъ хоры сопутствуютъ Венерѣ. Носясь вокругъ ея колесницы, и не боясь встрѣчающихся орловъ и прочихъ хищныхъ птицъ, вездѣ пріятностію нѣжныхъ своихъ голосовъ возвѣщаютъ пришествіе Богини. Вдругъ уничтожаются облаки, отверзается небо, какъ своей дщери, и превыспренній Эѳиръ съ веселіемъ въ селенія свои пріемлетъ богиню, она простираетъ стопы свои въ чертоги Юпитеровы, и съ гордымъ видомъ требуетъ

бустъ у него Меркурія, крылатаго небожителей посланника, утверждая, что она хочетъ ему поручить важную въ разсужденіи себя должность. Юпитеръ веселымъ мановеніемъ на прозьбу своея дщери соизволилъ.

Богиня получивъ желаемое, нисходитъ съ небесъ вмѣстѣ съ Меркуріемъ и вѣщаетъ ему тако: любезный братъ рожденый въ Аркадіи, ты знаешь, что сестра твоя Венера ничего безъ твоего совѣта не учинила; и тебѣ извѣстно, я думаю, что ужѐ много протекло времени, какъ я начата искать одну изъ моихъ рабынь, не имѣя впрочемъ желаемаго въ томъ успѣха. И такъ одно только къ моему утѣшенію осталось средство, состоящее въ томъ, чтобъ по всѣмъ странамъ ты объявилъ, что я достойную тому воздамъ награду, кто извѣститъ меня о Психеѣ. И потому прошу тебя, исполнить мою волю безъ всякаго медлѣнія, притомъ всѣ примѣты, по которымъ бы ее узнать, объясню подробно, дабы ни кто не могъ извиняться незнаніемъ, естьли окажется виновнымъ въ ея сокрытіи. Говоря

воря сіе вручаетъ она Меркурію свитокъ, въ которомъ написано было имя Психеино, и всѣ лица ея черты и признаки, потомъ возвращается въ свои чертоги.

Меркурій немедлѣнно повинуется повелѣнію Богини, онъ проходитъ чрезъ всѣ предѣлы свѣта и возвѣщаетъ ея волю такимъ образомъ: *естьли кто Царскую дщерь по имени Психею бѣглую рабу Венерину (е) можетъ поймать, или объявить, гдѣ она скрывается, тотъ пусть придетъ сыскать Меркурія провозвѣстника сего повелѣнія, которой находиться будетъ за Мурційскими (ж) пирами-*

(е) У Римлянъ былъ законъ, что естьли свободная женщина или дѣвица выйдетъ замужъ за раба, то уже должна лишиться своей вольности, но Венера по сему праву не могла назвать Психею своей рабою, ибо Купидонъ не былъ ея рабъ, и потому должно слово сіе брать въ другомъ смыслѣ, оно показываетъ ни что иное, какъ только гнѣвъ и презрѣніе Венерино къ Психеѣ.

(ж) Мурційскія пирамиды были въ Римѣ и стояли при концѣ славнаго полукружія, въ которомъ отправлялось конское ры- станіе,

*мидами. За сей трудъ объявитель беглыя получитъ въ награду отъ самой Венеры седмь пріятныхъ поцѣлуевъ, и осмой толь сладостной, что уста съ устами и языкъ съ языкомъ съ прижимкою сомкнутся.* Едва только слова сіи произнесъ Меркурій, какъ вдругъ всѣ смертные восхитясь надеждою толь пріятныя награды, начали другъ предъ другомъ изыскивать всѣ способы, чтобъ явиться достойнымъ онія. Сіе злое ихъ стремленіе рѣшило Психею немедленно предстать предъ лице Венерино. Когда она приближалась ко дверямъ Богининыхъ чертоговъ, немедленно выбѣгаетъ ей на встрѣчу одна изъ рабынь Венериныхъ называемая *Привычкою* и вопитъ громкимъ голосомъ. Ужели наконецъ, вѣроломная раба начинаешь познавать, что ты имѣешь себѣ госпо-

станіе, находились въ семъ мѣстѣ и другія Пирамиды, посвященныя Нептуну, Марсу и прочимъ богамъ, но Мурційскія посвящены были Венерѣ, ибо слово сіе происходитъ отъ слова Murtia или Mirtus, то есть, Миртовое дерево, которое посвящено было сей Богинѣ, равно какъ оливное Палладѣ и проч.

спожу? можешь ли ты къ невѣжеству и грубости нравовъ своихъ присоединить еще безтыдство, и притворяешься, что будто не знаешь сколько заботъ и трудовъ употребили мы, ища тебя повсюду? Я весьма радуюсь, что ты въ мои попалась руки, подобно какъ въ адскiе челюсти, отъ которыхъ никогда не избавишься, ты немедленно понесешь казнь достойную твоего ожесточенiя; говоря сiе ухватила она Психею за волосы и влекла безчеловѣчно, хотя нещастная Царевна ни мало не противилась. Какъ только Венера узрѣла влекомую сiю жертву, то качая своей головою и злобно усмѣхалась по примѣру бѣсящихся отъ ярости. Ахъ! вопитъ ей со гнѣвомъ, ты удостоила наконецъ притти поздравить твою свекровь? или можетъ быть пришла ты посѣтить больнаго своего супруга? но ничего небойся: я приму тебя и угощу какъ любезную мою невѣстку; гдѣ, продолжаетъ она, *безпокойство и печаль* сiи вѣрныя мои служанки? они предстали, Венера предала имъ Психею на мученiе. Сiи фурiи повелительницы своея исполняя волю, терзали нещастную и прину-

ди-

діяли испытать наижесточайшіе роды истязаній; послѣ сего обратно Венерѣ представили, которая увидѣвъ ея засмѣялась вторично самымъ язвительнымъ и злостнымъ образомъ, говоря предстоящимъ: она думаетъ, что беременостью своею можетъ подвигнуть меня къ сожалѣнію, и что я забуду ея злодѣйство для знаменитаго младенца, которому я должна быть щастливою бабкою, и по истиннѣ кто не можетъ назвать меня стократъ благополучною, когда въ самомъ лѣтъ моихъ цвѣтѣ получу сіе почтенное отъ всѣхъ названіе? И когда сынъ подлой и презрѣнной рабы будетъ имяноваться внукомъ Венеринымъ? но что я говорю! сіе дитя ничего для меня не будетъ значить: ибо состояніе супруговъ, его родителей весьма неравное, притомъ сей бракъ совершенъ въ уединенной долинѣ, безъ всякаго свидѣтеля и безъ согласія родительскаго; такъ можетъ ли онъ назваться дѣйствительнымъ и правильнымъ бракомъ? а потому и младенецъ отъ такаго союза происшедшій не долженъ будетъ почитаться законорожденнымъ; хотябы я и захотѣла, чтобъ мать его

до разрѣшенія отъ своего бремени .... При сихъ словахъ она устремляется на Психею съ яростію, и во многихъ мѣстахъ раздираетъ ей одежду, рветъ ея волосы и обезображаетъ ея лице, наконецъ взявши ячмѣню, пшеницы, овса, маку, чечевицы, бобовъ смѣшала все въ одно мѣсто и составила изъ того великую груду, потомъ говоритъ Психеѣ: ты мнѣ кажешься толь гнусна и безобразна, что ни чѣмъ другимъ не можешь привлечь къ себѣ любовниковъ, какъ только всегдашнимъ трудомъ и рабскими услугами, потому и я, хотя узнать въ чемъ ты искусна, приказываю тебѣ всѣ сіи разнаго рода зерна смѣшанныя вмѣстѣ, раздѣлить и разобрать порознь; такъ чтобъ каждаго рода зерна были въ особливомъ мѣстѣ, но знай притомъ, что трудъ сей должна ты окончать непремѣнно къ вечеру. Приказавъ такимъ образомъ Психеѣ, сама пошла на брачный ужинъ, къ которому была приглашена.

Нещастная Психея будучи внѣ себя отъ такого жестокаго повелѣнія стояла неподвижно предъ сею гру-

дою составленною изъ разныхъ и безчисленныхъ зернъ; она разсуждала, что безполезно будетъ отважиться на такое невозможное дѣло. Тогда муравей, сія маленькая и трудолюбивая тварь сожалѣя о печальномъ состояніи Купидоновой супруги, и проклиная лютость ея свекрови, бѣгаетъ повсюду, собираетъ и созываетъ всѣхъ сосѣднихъ муравьевъ, своихъ знакомцовъ и пріятелей: трудолюбивыя чада и питомцы земли, говоритъ онъ имъ, помогите, помогите прекрасной Царевнѣ, супругѣ великаго бога любви; она въ крайнемъ теперь находится недоумѣніи. Въ минуту стекается отвсюду безчисленное множество, подобно какъ сонмы народовъ, они съ крайнимъ прилѣжаніемъ разносятъ по зерну всю груду, потомъ для каждаго рода зеренъ особенное опредѣля мѣсто, убѣгаютъ немедленно. При наступленіи темноты ночной возвращается Венера съ брачнаго пиршества, дыша Нектаромъ, и отъ своихъ ризъ благоуханныя изливая ароматы, притомъ украшена блестящихъ множествомъ розъ: но увидя съ какимъ раченіемъ толь невозможное

совершенно дѣло; не ты, говоритъ Психеѣ, не ты проклятая своимъ искуствомъ и своими нечестивыми руками исполнила сію трудную должность; но тотъ предерскій младенецъ, котораго ты къ своему нещастію и равно къ его злополучному жребію плѣнила своей красотою. Послѣ сего бросивъ ей съ негодованіемъ кусокъ чернаго хлѣба, удалилась въ свою ложницу.

Между тѣмъ Купидонъ заключенъ будучи въ одномъ покоѣ находящемся среди чертоговъ своей матери, стрегомъ былъ съ великою осторожностію, дабы вылетѣвъ изъ сего мѣста не усугубилъ онъ болѣзни своей чрезмѣрною рѣзвостію и сластолюбіемъ; или не полетѣлъ бы искать свою Психею. Такимъ образомъ сія любящаяся чета въ однихъ находясь чертогахъ, но не имѣя способа къ желанному свиданію, препровождала темноту ночную въ крайнемъ безпокойствіи. Едва только румяная заря, показалась на тверди лазоревой, то Венера призвавъ немедленно къ себѣ Психею, видишь ли ты, говоритъ ей съ яростію, видишь ли ты густую сію рощу простирающую-

щуюся вдоль брега мимо текущей рѣки и сего кристальнаго источника стремящагося изъ подъ твердаго камня. Тутъ пасется безъ всякаго стража великое множество прекрасныхъ овновъ, которыхъ шерсть подобится блестящему злату. Я желаю, чтобъ ты, какимъ бы то способомъ ни было, принесла мнѣ пукъ сего драгоцѣннаго и прелестнаго руна. Психея пошла въ сію рощу немедленно и притомъ съ охотою, не для того, чтобъ исполнить волю своей мучительницы, но чтобъ повергнувшись въ рѣчную глубину, прекратить свои бѣдствія. Но вдругъ услышала она пріятное журчаніе зеленаго куста на брегу рѣки сея растущаго и колеблемаго тихимъ вѣяніемъ Зефира. Сей кустъ вдохновенный лобзаніемъ своего любителя говоритъ нещастной Царевнѣ: воздыхающая подъ тяжкимъ бременемъ неудобьносимыхъ бѣдствій, Психея! не оскверняй водъ моихъ плачевною твоей смертію, и не дерзай также приступать къ страшнымъ симъ овнамъ, доколѣ солнце раскаленными лучами несносный производитъ жаръ: ибо они тогда свирѣпы и неустрашимы будучи

чи остротою рогъ своихъ и ядоносными зубами пронзаютъ всѣхъ приближающихся, и язвы отъ ихъ жестокости полученныя бываютъ смертоносны. Теперь сокройся лучше подъ симъ тѣнистымъ кленовымъ древомъ, которое сія рѣка равно какъ и меня прохладными орошаетъ струями, и когда уже полдневный зной прейдетъ, и сіи животныя не столько будучи люты и свирѣпы возлягутъ вдоль по берегу для отдохновенія на свѣжемъ и прохладномъ воздухѣ, тогда поди въ сей ближній лѣсъ, гдѣ много найдешь злата́го руна́, тобою желаемаго. Ибо сіи животныя ходя между густыми древами и колючимъ терномъ, зацѣпляются шерстью за вѣтви суковатыя. Такимъ образомъ простосердечной и человѣколюбивой кустъ полезные давалъ совѣты томимой Психеѣ; она послѣдуя имъ и наблюдая все съ возможною осторожностію, набрала премножество золотой шерьсти безъ всякой опасности, и потомъ отнесла сей драгоцѣнной даръ Венерѣ. Однако и симъ вторымъ и весьма бѣдственнымъ своего послушанія опытомъ не могла она утолить злобы и нена-

висти

висти сея Богини, которая съ гнѣвнымъ видомъ и негодованіемъ, являя притомъ язвительную усмѣшку ея не удовольствіе показующую: мнѣ извѣстно, говоритъ Психеѣ, кто вспомоществовалъ тебѣ и подалъ довольныя средства къ исполненію воли моея и въ семъ равно толь пагубномъ случаѣ. Но я еще хочу испытать благоразуміе твое и неустрашимую бодрость; видишь ли ты сію гору и на ней возвышенный, утѣсистый холмъ, съ котораго черные стремятся источники и разливая свои мрачныя воды на ближней долинѣ, напояютъ Стикскія болота и усугубляютъ волны Коцица? поди немедленно, и въ семъ сосудѣ принеси мнѣ сея воды почерпнувъ ея въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ начинаетъ она свое теченіе. Въ туже минуту подаетъ она Царевнѣ христальной сосудъ сдѣланной весьма искусно и претитъ самымъ жестокимъ образомъ, естьли не исполнитъ ея повелѣніе.

Психея стремясь туда съ поспѣшностію, восходитъ на холмъ крутой горы, надѣясь тамъ прекратить всѣ свои мученія. Но приближась къ сему страшному мѣсту, видитъ не избѣжную

ную себѣ гибель, и что не возможно исполнить предпріятаго намѣренія. Ибо страшный по своей величинѣ, притомъ неприступный по причинѣ крутыхъ утѣсовъ камень отрыгаетъ изъ своихъ разсѣлинъ и челюстей ужасныя воды, которыя изъ вершины въ минуту упадая изъ пространнаго жерла, и стремясь притомъ по скату горы, теряются въ глубокой стези весьма узкаго прохода и непримѣтно изтекаютъ на ближнюю долину. Изъ двухъ пещеръ находящихся по обѣимъ сторонамъ сего источника два страшные дракона простираютъ свои головы; обманчивый сонъ никогда не могъ сомкнуть ихъ недремлющихъ очей, и они вѣчно бодрствуютъ въ семъ ужасномъ мѣстѣ. Наконецъ воды сіи по видимому сами себя защищаютъ какъ своимъ быстрымъ теченіемъ, такъ равно и шумнымъ гласомъ, повторяющимъ въ волнахъ ужасныя слова: *удались, что дѣлаешь? страшися, что предпріемлешь? бѣги, спасайся, ты стремиться къ погибели.* Непреодолимою сею трудностію смутилась Психея и стояла подобна каменной статуѣ. Она присутствовала въ семъ мѣстѣ единымъ только тѣломъ,

но




не душа ея и чувства, какъ будто уничтожились. Впрочемъ несноснымъ сей опасности бременемъ столь была отягощена, что отъ чрезмѣрной печали не могла она пролить ни единой слезныя капли, для своего утѣшенія.

Но сія невинно страждущая и гонимая дѣва не могла сокрыться отъ всевидящихъ очей божественнаго промысла. Ибо Скиптроносецъ Юпитеровъ быстропарящій орелъ мгновенно распростерши крилѣ свои ниспускается съ высотъ холмистаго Олимпа, и твердо помня оказанную себѣ Купидономъ важную услугу, когда онъ подъ руководствомъ сего бога любви похитилъ щастливо прелестнаго для небожителей виночерпца Ганимеда, прилетаетъ къ Психеѣ съ желанною помощію, и почитая величество и честь Купидонову въ лицѣ нещастной и угнѣтаемой его супруги: *Любезная* Психея, говоритъ онъ ей, ты весьма простосердечна и еще не имѣла ни какихъ опытовъ на свѣтѣ къ своему наученію, естьли надѣешься, что изъ сего священнаго и не меньше ужаснаго источника можешь тайнымъ образомъ похитить хотя

 одну

одну каплю воды, Знай, ты не можешь къ нему и приближиться: или ты ни отъ кого не слышала, что сіи Стикскія воды не токмо другимъ небожителямъ, но и самому державному Юпитеру страшны, и что боги клянутся Стиксомъ, равно какъ живущіе на земли клянутся богами. Но дай мнѣ изъ рукъ твоихъ сосудъ. Въ туже минуту пернатый сей орелъ прiявъ его отъ Психеи и воскрилившись на высоту, стремится къ источнику, гдѣ летая то по сію, то по другую сторону между зіяющими драконовъ челюстьми почерпаетъ въ сосудъ воды, которая противится ему и остерегаетъ впрочемъ, дабы отлетѣлъ безвреденъ, но онъ утверждаетъ, что сама богиня любви и красоты повелѣла ему исполнить такую должность, и что сія вода ей отнесется. Чрезъ сію удачную хитрость успѣлъ онъ въ своемъ предпріятіи съ меньшею трудностію: онъ отлетаетъ и въ руки Психеѣ отдаетъ сосудъ наполненной водою. Она принявъ его съ радостію возвращается къ Венерѣ съ симъ желаннымъ даромъ. Однако и сіе не дѣйствительно было для утоле-

нія

нія мстительной ярости сея богини, которая съ вящшею досадою и огорченіемъ угрожаетъ Психеѣ, что она ее подвергнетъ новымъ и лютѣйшимъ напастямъ: безъ сомнѣнія, говоритъ ей, ты хитрая волшебница, когда могла толь удачно и безъ всякаго себѣ вреда исполнить мои повелѣнія. Однако еще должна ты мнѣ показать нѣкоторую маловажную услугу: возми сію коробочку и поди съ нею въ царство мертвыхъ, въ самыя глубокія Плутоновы селенія, и представь предъ лице владѣтельницы ихъ Прозерпины, подай ей сію коробочку и скажи: Венера проситъ тебя, чтобъ ты послала ей не много своея красоты, которая нужна ей на одинъ только день, ибо она печалясь о болѣзни Купидоновой собственной красоты лишилась. Получивъ сіе, возвращайся немедленно; я должна употребивъ для себя ея красоту явиться въ собраніе боговъ.

Психея возчувствовала тогда всю жестокость своея судьбы, она ясно видитъ, что скорая и неминуемая гибель для ней готовится, и могла ли она помышлять иначе, когда ее прину-

нуждаютъ самовольно повергнуться во мрачной тартаръ? Не теряя времени спѣшитъ она къ одной превысокой башнѣ, желая съ высоты стремглавъ броситься на землю. Она разсуждала, что сіе средство самое лучшее и способнѣйшее для схожденія во мрачность адскую. Но вдругъ башня сія говоритъ ей: Для чего нещастная Психея хочешь ты прекратить свои дни такимъ постыднымъ образомъ? для чего съ такою слабостію отчаеваешься ты при семъ послѣднемъ уже бѣдствіи, которому Венера должна тебя подвергнуть? Естьли душа твоя единожды разлучится съ тѣломъ, безъ сомнѣнія сойдешь ты во адъ, но уже оттолѣ никогда и никакимъ образомъ не можешь возвратиться. Послушай меня Психея: знаменитый Ахейскій городъ Лакедемонъ отстоитъ не далеко отъ сего мѣста, поди къ нему и близь его предѣловъ, притомъ въ мѣстахъ сокрытыхъ и удаленныхъ въ сторону, сыщи Тенарь, (з) которой не

(з) Тенарь Лаконической мысъ, близь котораго находится пещера, почитаемая отъ стихотворцевъ дорогою во адъ.

не что иное, какъ только адское отверстіе и врата къ Плутону, ты увидишь тамъ непроходимой и узкой путь, которой прямо тебя поведетъ въ царство тѣней. Впрочемъ знай, что не можешь ты въ сіи темныя жилища безъ всякаго итти запасу, но должна имѣть въ обѣихъ рукахъ по одной ячмѣнной лепешкѣ испеченной съ медомъ, и притомъ неси во рту своемъ двѣ монеты, хотя самой нискской цѣны. Будучи уже почти на половинѣ сего смертоноснаго пути, увидишь ты хромаго (и) осла везущаго дрова и за нимъ погонщика также хромаго, которой будетъ тебя просить, чтобъ ты подняла упадшихъ съ возу нѣсколько полѣнъ, однако ни говоря ему ничего проходи мимо. Ты приближишься наконецъ къ рѣкѣ мертвыхъ, гдѣ перевощикъ Харонъ ожидаетъ себѣ отъ приходящихъ достойной платы, ибо онъ безъ того ни единаго мертвеца не перевозитъ на другой берегъ рѣки . . . —— Какъ! прервала

рѣчь

---

(и) Сія басня до нашихъ временъ не дошла, и потому, что значитъ, совсѣмъ не извѣстно.

рѣчь сію Психея, уже ли сребролюбіе и въ самомъ адѣ обитаетъ? Уже ли Харонъ, и сильной Царь тѣней, толь впрочемъ великій богъ за ничто ничего не дѣлаетъ? бѣдной человѣкъ умирая долженъ ли пещися о деньгахъ, и естьли не будетъ оныхъ имѣть, уже ли ни кто умереть ему не позволитъ? —— Ты сему златолюбивому и гнусному перевощику отдай одну монету, но съ тѣмъ только, чтобъ онъ самъ взялъ ее изъ твоего рта. Плывя чрезъ сіи печальныя воды увидишь ты страшный призракъ мертваго старика (і) подъемлющій къ тебѣ свои согнившія руки и просящій, чтобъ ты приняла его въ лодку, не слушай его и не будь сожалительна къ его нещастію; иначе сама невозвратно погибнешь; переправившись черезъ рѣку и не много прошедши дороги, увидишь ты престарѣлыхъ женщинъ ткущихъ разныя полотна; они будутъ тебя просить, чтобъ ты имъ помогла хотя

(і) И сія басня такожъ отъ насъ скрыта.

тя на одну минуту, не слушай ихъ прозьбы и не дерзай ниже перстомъ прикоснуться къ ихъ рукодѣлію: ибо искушенія сіи ни что иное, какъ сѣти распростертыя для тебя Венерою, дабы ты хотя одну лепешку изъ рукъ своихъ упустила; и не думай, чтобъ потеря одной лепешки была маловажна; ибо лишившись ея уже никогда солнечнаго не увидишь свѣта. Предъ вратами чертоговъ Прозерпининыхъ лежитъ треглавный Церберъ видомъ и величиною престрашной; онъ изъ трехъ своихъ челюстей ужасный испуская лай, вотще старается устрашить мертвецовъ, которымъ никакого зла не можетъ сдѣлать. Онъ днемъ и нощію хранитъ врата сихъ мрачныхъ и печальныхъ чертоговъ, бросивъ изъ рукъ своихъ одну лепешку минуешь ты его безъ всякаго страха и опасности, потомъ достигнешь Прозерпининыхъ чертоговъ, которая приметъ тебя весьма благосклонно и просить будетъ учтиво, чтобъ ты сѣла на мягкой златотканной коверъ, и притомъ представитъ тебѣ великолѣпной столъ. Однако ты ни единой ея прозьбы не исполняй,

на-

напротивъ того сядь просто на землю и для пищи своей потребуй кусокъ чернаго хлѣба. Наконецъ изъяснивъ ей причину твоего прихода въ царство мертвыхъ, прими отъ нее, что она тебѣ дастъ и возвращаясь обратно повергни оставшуюся лепешку Церберу, чтобъ вторично избѣжать его свирѣпства, потомъ сребролюбивому Харону послѣднюю отдавши монету и переплывъ рѣку, возвращайся тѣмиже стезями, которыми шла ты во адъ, и такимъ образомъ безъ всякаго себѣ вреда увидишь ты обратно согласное свѣтилъ небесныхъ расположенiе. Но паче всего берегись ты открывать несомую коробочку, и не будь толь слаба, чтобъ любопытствовать и смотрѣть какое сокровище божественной красоты бубудетъ въ ней заключаться. Симъ образомъ башня вдохновенная свыше научила Психею, и давала совѣты, какъ ей должно поступать во адѣ.

Немедленно Психея, спѣшитъ къ Тенару, и приуготовя двѣ лепешки и двѣ монеты, вступаетъ на дорогу, ведущую къ тѣнямъ мертвыхъ, она проходитъ въ безмолвiи храмаго ослова

по-

погонщика, отдаетъ одну монету Харону за перевозъ, не внимаетъ прозьбамъ гнуснаго старика, плавающаго въ волнахъ Стикса, презираетъ всѣ убѣжденія коварныхъ старухъ, ткущихъ различныя полотна; и усыпивъ ярость Церберову, бросивъ ему одну лепешку, входитъ она въ чертоги Прозерпинины, гдѣ отрекшись отъ мяхкаго для сидѣнія ковра, и отъ великолѣпнаго съ Богинею обѣда, садится она просто на землю и довольствуется кускомъ чернаго хлѣба, изъясняетъ ей причину, для которой она послана Венерою. Владѣтельница ада наполняетъ коробочку, заключаетъ ее, и отдаетъ обратно въ руки посланницѣ. Психея бросивъ оставшуюся лепешку Церберу, и отдавъ послѣднюю монету Харону, выходитъ изъ мрачнаго Эреба съ великою радостію. Увидѣвъ обратно свѣтъ солнечной, и ощутивъ въ чувствахъ своихъ животворныя силы, хотя поспѣшала она окончать повѣренную себѣ должность, но безумное любопытство вдругъ ея мыслію овладѣло. Не безразсудна ли я, говоритъ она сама себѣ, естьли, имѣя въ рукахъ своихъ небесную красоту, не употреблю, хотя нѣ-

нѣкоторую изъ нея часть для умноженія моихъ прелестей, дабы чрезъ то больше понравиться моему супругу, и преклонить обратно сердце его къ утѣхамъ любовнымъ. Въ тужъ минуту открываетъ она коробочку, но вмѣсто красоты изходитъ изъ нея черный паръ, зловонный запахъ адскій, которой распространяется, какъ мрачное облако, и со всѣхъ сторонъ окружаетъ Психею, и во всѣ ея чувства не преодолимый изливаетъ сонъ. Она падши на самой дорогѣ, лежала неподвижна, подобно, какъ бездушное тѣло. Но Купидонъ исцѣлясь отъ язвы, и не могши болѣе терпѣть Психеина отсутствія, вылетаетъ чрезъ окно изъ чертога, въ которомъ толь строго былъ стрегомъ; и какъ его крилѣ отъ долговременнаго покоя довольно укрѣпились, то быстрѣйшимъ полета своего усиліемъ мгновенно прилетаетъ къ Царевнѣ: онъ соединя весь сей паръ толь скоро усыпляющій, заключаетъ его въ коробочку, потомъ легкимъ прикосновеніемъ одной стрѣлы, воставляетъ отъ сна Психею. Нещастная, говоритъ онъ ей, ты по своему любопытству едва опять не погибла, но

не медли, спѣши исполнить повелѣніе моей родительницы, а о прочемъ я самъ буду стараться. Произнесши слова сіи возлетаетъ на высоту крылатый любовникъ, но Психея стремится съ поспѣшностію къ Венерѣ, дабы вручить ей даръ принесенной отъ Прозерпины.

Между тѣмъ Купидонъ пылая любовію и страшася, чтобъ Венера не предала его во власть противной ему *трезвости*, прибѣгаетъ къ своимъ обыкновеннымъ хитростямъ. Онъ устремляетъ полетъ свой превыше тверди небесной, и тамъ повергается къ стопамъ Юпитеровымъ, изъясняя ему свое нещастіе. Тогда отецъ боговъ приложивъ къ своимъ устамъ его нѣжную руку, и облобызавъ ея съ горячностію: любезный сынъ! говоритъ ему, хотя не имѣешь ты никогда достойнаго ко мнѣ почтенія, какое воздаютъ мнѣ прочіе боги, хотя сердце мое, правящее законами естества, учреждающее порядокъ и теченіе планетъ, смиряющее распрю всѣхъ стихій, толь многими уязвлялъ ты стрѣлами, что имя, честь и слава моя поругана явились


лась

лась между живущими на земли, хотя, говорю, многократно воспламенялъ ты грудь мою прелестьми земныхъ красавицъ, и чрезъ то противу благопристойности, противу всѣхъ законовъ и учрежденій, принуждалъ меня ко многимъ прелюбодѣйствамъ, хотя, наконецъ, скрывалъ ты божественное мое величество подъ видомъ огня, зміевъ, птицъ, скотовъ и другихъ животныхъ; но я, внемля только гласу моего снисхожденія, особливо, что ты въ объятіяхъ моихъ воспитанъ, потщусь прозьбу твою исполнить, и удовольствовать притомъ все твое желаніе, но только съ тѣмъ, чтобъ снисходилъ ты всѣмъ подобнымъ тебѣ любовникамъ, и при томъ, естьли находится нынѣ какая нибудь прелестная на земли красавица, то пусть она дѣйствіемъ стрѣлъ твоихъ почувствуетъ ко мнѣ любовный пламень. Сіе должно быть знакомъ твоей ко мнѣ благодарности за ту мою услугу и благосклонность, которую тебѣ въ присутствіи всѣхъ боговъ показать я намѣренъ.

Условясь такимъ образомъ, повелѣваетъ Юпитеръ Меркурію немедленно

созвать всѣхъ боговъ въ общее собраніе, и объявить, что всѣ, которые не явятся, должны будутъ заплатить по десяти тысячь златницъ. Страшась толь важнаго наказанія, стекаются боги со всѣхъ сторонъ и занимаетъ каждой свое мѣсто. Юпитеръ возсѣвъ на свой возвышенный престолъ, вѣщаетъ имъ съ величественнымъ видомъ: О боги! которыхъ имена чистымъ перомъ Музъ начертаны на скрижалѣхъ Парнасскихъ, вы знаете всѣ отрока сего, воспитаннаго въ моихъ объятіяхъ. Я хочу обуздать стремленіе кипящей его младости: вседневный слухъ и повсемѣстные разговоры о его любовныхъ шуткахъ, о безпорядочной жизни, довольно уже помрачили его честь и славу. Должно прекратить всѣ пути, ведущіе младость его къ распутству, должно юношества его дерзость связать брачными узами. Онъ избралъ себѣ любовницу, похитилъ цвѣтъ ея дѣвства; и такъ пусть ею владѣетъ, пусть сочетается со Психеею, и въ нѣжныхъ ея объятіяхъ вкушаетъ любовныя утѣхи. Потомъ обратившись къ Венерѣ, а ты дщерь моя, вѣщаетъ ей, ты не сѣтуй и не печалься, не-

страшися, чтобъ сынъ твой, сочетавшись бракомъ со смертною, помрачилъ блескъ своея породы. Я хочу, дабы ихъ состоянїе было равное, и Гименеевъ между ими союзъ не будетъ противенъ гражданскимъ правамъ и законамъ. Въ то же мгновенїе повелѣваетъ онъ Меркурїю вознесть на высоту Эфира прекрасную Психею. Воля его исполняется, онъ узря предъ трономъ своего божества сїю Царевну, подаетъ ей сосудъ исполненный Амврозїею, (к) прими, вѣщаетъ ей, прими Психея и будь безсмертна, уже никогда прелестный Купидонъ съ тобой не разлучится. Я васъ соединяю узами вѣчнаго брака. Немедленно прїуготовляется великолѣпное брачное пиршество. Купидонъ и Психея занимаютъ первыя мѣста, по нихъ сидѣли Юпитеръ и Юнона, и наконецъ всѣ боги, каждой по своему чину и достоинству; державный Юпитеръ принимаетъ Нектаръ изъ рукъ Ганимедовыхъ, но прочимъ небожителямъ подносилъ питїе сїе Бахусъ. Вул-

---

(к) Амврозїя была пища боговъ, и значитъ безсмертїе.

Вулканъ старался пріуготовлять (л) всѣ ѣствы. Часы и минуты, неусыпные вратъ небесныхъ стражи, повсюду разсыпали благовонные цвѣты, прелестныя Граціи, разливая благовонные ароматы, наполнили все пріятнымъ оныхъ запахомъ. Чистыя Музы громкимъ и сладостнымъ пѣсней своихъ гласомъ, подвигли къ радости всѣ круги свѣтилъ небесныхъ. Аполлонъ игралъ на звучной лирѣ, и прекрасная любви Богиня въ угодность новобрачныхъ, согласовала тону его пріятностію своей пляски; и когда уже девять Музъ соединили свои голоса и составили мусикійскій хоръ; то Сатиръ игралъ на своей флейтѣ, и веселый Панъ на сладкой свирѣли. Такимъ торжественнымъ образомъ сочетался Купидонъ со Психеею; въ приспѣвшее время родилась имъ дщерь, имянуемая Сладостію. (м) Такую басенку расказы-

 ва-

(л) Вулканъ богъ огня, или самой огонь и потому прилично ему было варить и готовить кушанье.

(м) Сія богиня имѣла храмъ въ Римѣ, ея статуя представляла молодую и прекрасную особу съ видомъ и осанкою приличною Царицѣ, которая добродѣтели имѣла подъ своими ногами.

вала плѣнной дѣвицѣ сія безумная и полупьяная старуха. Я стоя отъ нихъ неподалеку, и слыша всѣ ея слова, весьма сожалѣлъ, что не могъ при себѣ имѣть ни письменной трости, ни дщицы, чтобъ написать сію пріятную повѣсть. Не много спустя времени, возвращаются разбойники отягощены добычею. Можно было примѣтить, что они кровавое съ кѣмъ нибудь имѣли сраженіе: ибо многіе изъ ихъ были опасно ранены; однако прочіе, будучи здоровы и отважны, оставляютъ въ злодѣйской своей пещерѣ немощныхъ товарищей, дабы лечились они, и перевязывали свои раны, а сами поспѣшаютъ принесть остаточную добычу, которую, по ихъ разговорамъ, сокрыли они въ одномъ потаенномъ мѣстѣ. И такъ отобѣдавъ наскоро, выводятъ они меня и коня моего на дорогу, и ударяя палками, принуждаютъ насъ итти чрезъ непроходимыя и пустыя мѣста; утомясь толь труднымъ странствованіемъ, пришли мы подъ вечеръ къ одной пещерѣ, изъ которой они взявши премножество похищеннаго сокровища, обременяютъ насъ онымъ, и не давши намъ отдохнуть ни мало,

на-

назадъ погоняютъ. Они съ такимъ страхомъ и поспѣшностію возвращались, что я не могши терпѣть учащаемыхъ ударовъ палочныхъ, споткнулся и упалъ на большой близъ дороги лежащей камень, гдѣ уязвилъ я себѣ правую бедру и лѣвое копыто, не смотря на то поднимаютъ они меня весьма неучтиво. Долго ли намъ, говоритъ изъ нихъ одинъ, кормить сего презрѣннаго, а теперь уже хромаго осла? онъ принесъ къ намъ одно только нещастіе, отвѣтствуетъ ему другой, и мы доселѣ ни какой пользы отъ него не получили, кромѣ смерти и ранъ сотрудниковъ нашихъ; кленусь вамъ, прерываетъ рѣчи ихъ третій разбойникъ, кленусь Марсомъ, что я, какъ только привезетъ онъ въ пещеру къ намъ сію добычу, брошу его съ превысокой горы и онъ пріятною будетъ пищею хищнымъ птицамъ.

Между тѣмъ, какъ сіи милостивые и добросердечные разбойники столь благосклонно обо мнѣ разсуждали, ужè достигли мы до своего убѣжища: ибо страхъ смерти придалъ мнѣ быстрые крилѣ. Тогда они облегчаютъ насъ поспѣшно отъ бремени, притомъ

не заботясь о нашемЪ голодѣ, и позабывЪ такЪ же умертвить меня, какЪ обѣщались на дорогѣ, берутЪ съ собою раненыхЪ товарищей, говоря имЪ, что спѣшатЪ они принесть остаточное сокровище, которое неблагоразумная нашихЪ ногЪ медленность, и притомЪ недостатокЪ мѣста на утомленныхЪ нашихЪ спинахЪ взять имЪ съ собою не дозволили. Однако вЪ крайнемЪ находясь безпокойствіи, разсуждая о предложенной мнѣ погибели, говорилЪ я самЪ съ собою: чего ты ожидаешь, Луцій? самая жестокая смерть по согласному разбойниковЪ опредѣленію тебѣ назначена, и сіе исполнить имЪ весьма удобно: видишь ли ты на сихЪ утѣсахЪ острые камни, которые тѣло твое, вЪ какое бы ты мѣсто ни палЪ, разрушатЪ на мѣлкія части, СверхЪ того Фотиса твоя любезная Волшебница дала тебѣ только видЪ ослиной и подвергла трудамЪ свойственнымЪ истинному ослу, но кожа твоя и все тѣло ни мало не соотвѣтствуетЪ своею твердостію тѣлу сего животнаго: (н) оно весь-

(н). ВЪ 3. кн. сего сочин. Апулей говорилЪ о себѣ, что кожа его отвердѣла подобно ос-

весьма нѣжно и мяхко, и такъ для чево ты не предпріимешь геройскаго намѣренія, и при толь удобномъ случаѣ не стараешься о самомъ себѣ? не имѣешь ли ты къ бѣгству самаго удобнаго и благопріятнаго случая, когда здѣсь нѣтъ разбойниковъ? или боишься ты стрегущей тебя полумертвой старухи? ее однимъ хромой своей ноги ударомъ повергнуть и умертвить можешь. Но куда устремишь свое прехвальное бѣгство, и въ какомъ сокроешься убѣжищѣ? ахъ! это смѣшное сомнѣніе приличное прямому Ослу. Ибо кто изъ прохожихъ, нашедши толь изряднаго для себя бѣгуна не обрадуется и не возметъ его съ собою? Въ туже минуту съ возможнымъ усиліемъ прерываю ремень, которымъ былъ я привязанъ, и на всѣхъ четырехъ ногахъ пускаюсь въ бѣгство. Однако не могъ я утаиться отъ ястребиныхъ глазъ проклятой старухи, которая увидя меня на свободѣ, прибѣгаетъ поспѣшно, и употребляя силу и отважность боль-

шую

ослиной, но здѣсь напротивъ описываетъ ее мяхкою. Я не знаю, какимъ образомъ согласить сіи противныя мѣста.

шую, нежели сколь лѣта ея и полъ дозволяли, хватается за конецъ моего повода, и всѣ силы истощаетъ, чтобъ удержать и привесть меня обратно: однако, помня жестокое разбойниковъ намѣреніе и вредный противу моей жизни умыселъ; не имѣлъ я никакой учтивости и снисхожденія къ сей старухѣ, напротивъ того, отвѣтствуя заднихъ ногъ ударами, повергъ ее на землю. Будучи въ толь смѣшномъ положеніи, сія проклятая не упустила однако изъ рукъ своихъ повода, но держала крѣпко и за бѣгущимъ мной влеклась нѣсколько времени по земли; она крикомъ и жалкимъ воплемъ призывала въ помощь къ себѣ кого нибудь сильнѣйшаго; но тщетны были всѣ ея жалобы и слезы: ибо никого не было, ктобы могъ ей подать желаемую помощь, кромѣ плѣнной дѣвицы, которая услышавъ крикъ выбѣгаетъ и видитъ достопамятное зрѣлище: видитъ она другую престарѣлую (о) Дирцею уже не быкомъ но хра-

(о) Дирцея была супруга Тебанскаго Царя Ликуса, сей Государь женился на ней разведшись съ Антіопою, отъ которой имѣлъ

храбрымъ и смѣлымъ осломъ влекомую. Сія дѣвица рѣшась на мужественное предпріятіе вырвала изъ рукъ старухиныхъ поводъ, притомъ лаская и поглаживая меня, чтобъ удержать мое стремленіе, сѣла на мою спину весьма проворно и совѣтуетъ бѣжать изъ всей мочи. Собственная моя охота къ бѣгству, и желаніе избавить отъ плѣну толь прекрасную дѣвицу, притомъ удары по моимъ бокамъ учащаемые сдѣлали меня уже не осломъ но быстрымъ конемъ достойнымъ рыстаній Олимпійскихъ; я старался впрочемъ ржаніемъ своимъ соотвѣтствовать ласковымъ ея словамъ, которыми она увѣщевала меня употреблять возможную скорость, и притомъ уклоняя голову на сторону, притворяясь будто хочу почесать свои бока или спину, цѣловалъ я какъ любовникъ нѣжныя дѣвицы сея ноги.

Тог-

---

имѣлъ двухъ сыновей Зетя и Амфіона, которые отмщѣвая безчестіе своей матери, убили невѣрнаго Ликуса, а Дирцею привязали ко хвосту свирѣпаго быка, которой бѣгая повсюду раздробилъ ее намѣлкія части. Боги надъ ней сжалились и превратили кровь ея въ источникъ тогоже имени.

Тогда она воздыхая изъ глубины сердца и подъемля къ небесамъ томные очи: щедрые небожители, вѣщаетъ печальнымъ гласомъ, ниспошлите помощь нещастной дѣвицѣ, гонимой несправедливымъ рокомъ, изторгните меня изъ бездны отверстой для поглощенія моей жизни! а ты жестокая судьба престань разить грудь мою стрѣлами твоей свирѣпости. Или еще недовольно понесла я бѣдствій тобою мнѣ опредѣленныхъ? а ты услужливый и человѣколюбивый оселъ пекущійся о моей свободѣ и жизни, естьли ты благополучно со мною достигнешь моего дому и возвратишь меня печальнымъ моимъ родителямъ и моему дражайшему жениху; то какую благодарность могу тебѣ воздать за сію услугу? гдѣ найду достойныя тебя почести? какія сладостныя пищи могу изобрѣсть для тебя, какъ для своего избавителя? вопервыхъ твою гриву, разчесавъ искусно, украшу своими перлами, шерсть на твоей головѣ разобравъ, завью кудрями, притомъ волосистой, но по не радѣнію противной взору твой хвостъ не премину расчесать и сдѣлать пріятнымъ: словомъ, весь на тебѣ позлащенный

ный уборъ сіять будетъ какъ звѣзды, и когда ты явишься на стогнахъ въ такомъ великолѣпіи, весь народъ устремится за тобою съ радостнымъ восторгомъ, всякой день сама буду приносить тебѣ въ шелковой корзинѣ самую лучшую пищу, которая бы достойна была моего несравненнаго благодѣтеля. И при сихъ сладостныхъ ѣствахъ при семъ безмятежномъ спокойствіи честь и слава безсмертная соединятся съ твоимъ именемъ: ибо я оставлю достопамятный знакъ моей судьбы и божескаго къ намъ снисхожденія: я прикажу бѣгство наше изобразить на картинѣ самою лучшею живописью, и поставлю ее въ большой залѣ нашего дому; всѣ будутъ на нее смотрѣть и удивляться; и сія повѣсть пронесется во всѣ предѣлы свѣта, позные потомки будутъ ее читать въ книгахъ славныхъ сочинителей; гдѣ будетъ написано: *рожденная отъ знаменитой крови дѣвица, сидя на ослѣ избавляетъ себя отъ плѣну.* Сіе приключеніе почитаться будетъ въ числѣ древнихъ и чудныхъ рѣдкостей. Ты примѣромъ своимъ докажешь всѣмъ, что Фриксъ преплылъ чрезъ море,

Арі-

Аріонъ избавился отъ волнъ на хребтѣ Дельфиновомъ, и Европа точно похищена тельцомъ, и естьли истинно, что Юпитеръ превратился въ образъ тельца, то можетъ быть также подъ видомъ моего осла сокрытъ какой нибудь смертной, или небожитель.

Когда сія дѣвица соплетала мнѣ толь лестныя похвалы, и проливая мольбы къ небесамъ, стѣсняла грудь свою воздыханіями, достигли мы одного мѣста раздѣляющаго дорогу на двѣ стороны. Она взявши узду обращала меня въ право, ибо дорога сія лежала къ дому ея родителей, но я зная, что разбойники симъ же путемъ пошли за остаточною своею добычею, противился ей упорно: что ты предпріемлешь нещастная дѣвица, говорилъ я самъ себѣ, что дѣлаешь, для чего съ такою поспѣшностію и притомъ самовольно устремляешься во адъ? для чего меня понуждаешь на путь ведущій насъ обоихъ ко вратамъ смерти? споря такимъ образомъ, какъ будто о предѣлахъ царства, или о наслѣдственной землѣ, встрѣчены были мы разбойниками, которые возвраща-

лись

лись тогда съ похищеннымъ сокровищемъ: они при лунномъ свѣтѣ узнавъ еще издалека, кто мы таковы, и приближась поздравили насъ самымъ язвительнымъ образомъ: куда вы поспѣшаете, говоритъ одинъ изъ нихъ, куда стремитесь въ толь поздное время? или ни мало не страшатъ васъ злые духи и разныя привидѣнія, которыя обыкновенно бѣгаютъ повсюду во время темноты ночной? или сія добродушная дѣвица хочетъ тайно посѣтить своихъ родителей? но мы ей дадимъ спутника и притомъ кратчайшую покажемъ дорогу, по которой можетъ возвратиться въ домъ свой. Окончавъ сіи слова, хватаетъ онъ меня за узду, и поворачиваетъ назадъ, не забывая притомъ награждать спину и бока мои толстой и суковатой дубиною. Тогда, видя, что насильно меня влекутъ на смерть, вспомнилъ я о своемъ раненомъ копытѣ и началъ храмать. О! о! бездѣльникъ сказалъ онъ мнѣ, ты храмлешь теперь еще больше, нежели какъ прежде? твои благоразумныя ноги весьма быстры для бѣгства, но чтобъ итти къ пещерѣ нашей, ужели они совсѣмъ ослабѣли?

бѣли? давноли скоростію своею превосходилъ ты крылатаго Пегаса? между тѣмъ какъ забавной сей спутникъ шутилъ надо мною и гладилъ меня палкою безъ милосердія; продолжали мы путь свой далѣе и приближились наконецъ къ первой убѣжища ихъ оградѣ: мы увидѣли тамъ на высокомъ кипарисѣ висящую старуху, которая обыкновенно жила въ разбойничей пещерѣ. Они ее отвязавъ бросили съ высокой горы въ стремнину вмѣстѣ съ веревкою, которою она удавилась. Потомъ нещастную дѣвицу крѣпкими связавши узами, немедленно, какъ голодные волки, устремились они къ мясу, которое пріуготовляла для нихъ старуха, и пожирая все то съ великою жадностію начинаютъ между собою разсуждать, какимъ бы образомъ и съ вящею лютостію насъ умертвить, и чрезъ то отомстить намъ за наше бѣгство. Но мнѣнія были несогласны, какъ обыкновенно бываетъ въ собраніи грубыхъ и буйныхъ людей: одинъ говоритъ имъ, чтобъ плѣнницу должно сожечь живую, другой совѣтуетъ бросить ее на расхищеніе звѣрямъ, третій утверждаетъ, что она достойна висѣлицы,

на-

наконецъ четвертаго мнѣніе было, чтобы разнаго рода истязаніями наказать ея невѣрность, и умертвить ее мучительнымъ образомъ. Кратко, хотя ихъ мысли были различны, но всѣ единогласно поносную и жестокую смерть сей плѣнницѣ опредѣлили. Тогда одинъ изъ нихъ, подая знакъ къ молчанію началъ говорить такимъ образомъ: какъ правамъ нашего общества, такъ равно и милосердію каждаго во особенности, сверхъ того и моей кротости весьма неприлично, чтобъ наказывать сію дѣвицу толь немилосердо, а особливо когда погрѣшность ея такой свирѣпости не заслуживаетъ; звѣри, висѣлица, огонь и другія истязанія, притомъ скорая смерть не должны быть участью нашей плѣнницы; и такъ послушайте, прошу, моего совѣта, позволимъ наслаждаться жизнію сей коварной дѣвицѣ, однако такою, какую она заслуживаетъ: вы помните, я думаю, любезные товарищи, то намѣреніе, которое предпріяли мы въ разсужденіи сего лѣниваго осла, но впрочемъ великаго прожоры, и которой недавно быстротою ногъ своихъ спосиѣшествовалъ къ бѣгству нашей

плѣнницѣ, и послѣ притворился хромымъ, и потому совѣтую вамъ умертвить его завтра и вынять изъ желудка всю внутренность, а послѣ дѣвицу сїю, которую онъ намъ предпочелъ, посадить въ его пустое брюхо нагую, такимъ образомъ, чтобъ одна голова ея была наружи, а все прочее тѣло зашито накрѣпко въ желудкѣ. Потомъ взнесемъ начиненнаго осла на гору и поставимъ противъ зноя солнечнаго, и такъ оба они претерпятъ все, что вы ни опредѣлили своею справедливостїю: оселъ умретъ, чего уже онъ давно достоинъ, а дѣвица будетъ пищею звѣрямъ, ибо ея заѣдятъ черви, будетъ также подвержена свирѣпости огня, поелику солнечный жаръ сожжетъ ея лице, испытаетъ наконецъ мученїе свойственное повѣшеннымъ, когда псы и плотоядныя птицы растерзаютъ ея утробу. Представте себѣ и другїя мученїя, которымъ она подвержена будетъ: заключится живая въ желудкѣ мертваго осла, непрестанно будетъ ощущать несносный и зловонный запахъ. Всегдашнїй голодъ изнуритъ ея все тѣло, притомъ не имѣя своихъ рукъ на свободѣ, не можетъ она

само-

самовольною и насильственною погибнуть смертію. Толь убѣдительные и толь справедливые совѣты и доказательства слыша прочіе разбойники со всей охотою и безъ всякаго сомнѣнія ихъ подтвердили. Но я слыша долгими своими и отвѣсными ушами толь человѣколюбивое предпріятіе, оплакивалъ только нещастный свой жребій и тѣло свое, которое въ слѣдующій день должно быть презрѣннымъ трупомъ.

КОНЕЦЪ ШЕСТОЙ КНИГИ.





# ПРЕВРАЩЕНІЕ
## или
# ЗОЛОТОЙ ОСЕЛЪ.



## *КНИГА СЕДЬМАЯ.*

Какъ только мгла ночная возвратомъ багряныя зари уничтожилась, и быстрая Фебова колесница блескомъ своихъ лучей освѣщала твердь небесную; вдругъ приходитъ къ нашимъ мучителямъ одинъ разбойникъ, которой былъ ихъ товарищь, какъ видно было по взаимнымъ и дружескимъ ихъ привѣтствіямъ. Онъ сѣвши при самомъ входѣ пещеры, и собравъ свои силы чрезъ малое отдохновеніе, ободряетъ ихъ сею вѣстію: Въ разсужденіи Милонова дому, недавно въ Гипатѣ нами разграбленнаго нѣтъ никакого страха, и мы безъ всякаго сомнѣнія

нія находимся теперь въ безопасности: ибо, какъ только вы, прехрабрые мужи взявъ съ собою все похищенное богатство, возвратились въ сіе наше убѣжище, то я, вмѣшавшись въ толпу народную и притворясь печальнымъ и соболѣзнующимъ о такомъ нещастномъ приключеніи, съ крайнимъ вниманіемъ слушалъ все, и чтобъ васъ подробно и точно по вашему приказанію о всемъ послѣ увѣдомить, примѣчалъ, какія предпріимутъ мѣры, дабы узнать виновниковъ такого злодѣйства, и какія употребятъ средства и способы для ихъ поисковъ; однако по щастію нашему весь народъ общимъ согласіемъ, утверждаясь впрочемъ на слабыхъ догадкахъ; но представляя убѣдительныя и вѣрныя доказательства и знаки, обвинялъ въ семъ грабежѣ какого-то Луція: всѣ говорили, что сей Луцій за нѣсколько дней прежде пришедши съ ложнымъ о себѣ одобрительнымъ письмомъ къ Милону, и показывая себя притворно честнымъ и добрымъ человѣкомъ, вкрался къ нему въ любовь, и будучи принятъ, какъ желаемой гость, жилъ въ домѣ сего простосердечнаго старика свободно, и почитался

 искрен-

искреннимъ его другомъ; но препроводивъ нѣсколько времени въ семъ домѣ обольстилъ онъ служанку Милонову, и притворяясь въ нее влюбленнымъ, примѣчалъ всѣ замки и запоры дверные, и притомъ кладовую, въ которой заключалось Милоново серебро и все прочее сокровище. Къ симъ доказательствамъ присовокупилось еще важнѣйшее: ибо всѣ говорили, что Луцій въ ту же самую ночь и въ самое время сего злодѣйства убѣжалъ, и доселѣ неизвѣстно, гдѣ онъ находится; и притомъ для поспѣшности въ своемъ бѣгствѣ, дабы скорѣе въ потаенномъ и безопасномъ укрыться мѣстѣ, чтобъ его не догнали посланные сыщики, увелъ съ собою своего бѣлаго коня. Наконецъ нашли его слугу спящаго въ Милоновомъ домѣ, и заключили въ градскую темницу, чтобъ показалъ онъ сообщниковъ и товарищей, которыхъ господинъ его Луцій имѣлъ въ семъ злодѣйствѣ: въ слѣдующій день мучили сего нещастнаго самымъ жестокимъ образомъ и подвергли въ сей строгости правосудія, однако онъ ни въ чемъ не захотѣлъ признаться, и доказывалъ себя нимало невиновнымъ. Впрочемъ

мно-

многихъ градскихъ служителей послали въ отечество Луцiево, дабы сыскать его и наказать сразмѣрно его злодѣйству.

Слыша такiя вѣсти отъ разбойника, и сравнивая предтекшую благополучную жизнь Луцiеву съ жизнiю и состоянiемъ презрѣннаго и нещастнаго осла, во образъ котораго превратилъ меня рокъ непредвидимый, воздыхалъ я изъ глубины моего сердца. Я разсуждая самъ съ собою видѣлъ ясно, что древнiе наши мудрецы справедливо *фортуну* именовали *слѣпою* (а): ибо она благодѣянiя свои на беззаконныхъ и недостойныхъ людей изливаетъ, и

(а) Язычники почитали фортуну божествомъ, имѣющимъ во своей власти всѣ счастливые и несчастливые случаи. Но Философы называли ее слѣпою и безумною: *слѣпою*, поелику она благопрiятствуетъ недостойнымъ людямъ, и не имѣетъ никакого уваженiя къ заслугамъ и добродѣтели; *безумною*, поелику она всегда летаетъ, и ежеминутно разрушаетъ свои собственныя дѣла. Въ Аѳинахъ сдѣлана ей была статуя, которую Плутонъ, Богъ сокро-

и безъ всякаго разсудка и различія избираетъ себѣ любимцовъ. И что я говорю? она съ тѣми только обращается, и тѣмъ благопріятствуетъ, которыхъ, естьлибы имѣла очи, должна вѣчно презирать и ненавидѣть; но что всего несноснѣе, и лютѣе, она различныя и совсѣмъ противныя о смертныхъ разглашаетъ мнѣнія: честной и добродѣтельной человѣкъ почитается нерѣдко преступникомъ и злодѣемъ; но порочной и злостію дышущій часто славится именемъ добраго и невиннаго чоловѣка. Наконецъ я, несправедливымъ и жестокимъ ея ударомъ поверженъ будучи въ толь презрѣнное и бѣдственное состояніе, въ какомъ нахожуся нынѣ, и которое въ самомъ порочномъ и свирѣпомъ сердцѣ можетъ воспламенить ко

---

сокровища и богатства держалъ въ своихъ объятіяхъ. На медаляхъ изображалась она богинею стоящею на олтарѣ и держащею въ одной рукѣ рогъ изобилія, а въ другой корабельной руль, и сіе значило, что она всѣмъ свѣтомъ управляетъ. Индѣ изображали ее также сидящею, имѣющею подъ лѣвымъ плечомъ рогъ изобилія, но правымъ локтемъ оперщуюся на колесо: такой видъ означалъ ея непостоянство!

ко мнѣ искру сожалѣнія, и чувствительности, я вижу себя обвиняема въ разграбленіи дому такого человѣка, котораго я почитаю своимъ гостепріимцемъ и своимъ искреннимъ другомъ. Сіе злодѣйство, естьлибы я въ немъ былъ виновенъ, не разбойничествомъ только, но отцеубійствомъ бы назвать должно было. Но къ вящшему несчастію не могъ я защищать себя, или хотя однимъ словомъ доказать свою невинность. Однако потерявъ все терпѣніе, и чтобъ совѣсть не терзала меня, будто я молчаніемъ своимъ признался въ толь жестокомъ поступкѣ хотѣлъ я произнесть одно сіе слово: *невиноватъ*. Однако первой только слогъ повторялъ я нѣсколько разъ громкимъ голосомъ, а послѣднихъ не могъ докончать, сколько ни изгибалъ свои отвислыя губы; и такъ остановился на семъ слогѣ, *не*, *не*, и повторялъ его многократно. Но могули я изчислить всѣ жестокости фортуны, когда она во злобѣ своей не устыдилась подвергнуть меня тойже участи и томуже рабству, которому и конь мой подверженъ?

Волнуясь такими о свирѣпствѣ фортуны размышленіями, ощутилъ я

въ

въ сердцѣ своемъ еще чувствительнѣйшую печаль: ибо вспомнилъ я намѣреніе и совѣтъ разбойниковъ, по которому рѣшились они принесть меня въ жертву тѣни младой дѣвицы, участницы моихъ бѣдствій. Я посматривая на свое брюхо, мечталъ, что уже разрѣшаюсь отъ бремени сею нещастною плѣнницею. Но разбойникъ, которой принесъ имъ вѣсть, какимъ образомъ, и сколько впрочемъ несправедливо и ложно меня обвинили, вынявши тысячу золотыхъ, которые были зашиты въ его платье, отдалъ ихъ въ общую казну, какъ человѣкъ щедрой и некорыстолюбивой, говоря притомъ что онъ сіи деньги отнялъ у разныхъ путешественниковъ. На конецъ спрашиваетъ ихъ о здоровьѣ прочихъ товарищей, и узнавъ, что многіе изъ нихъ и самые мужественнѣйшіе погибли при разныхъ случаяхъ, гдѣ показали они безсмертные храбрости своей опыты, совѣтуетъ на нѣсколько времени прекратить разбойническое свое искуство, и не производить грабежей на большихъ дорогахъ; но помышлять лучше, и стараться, какъ бы новыми товарищами наполнить и замѣнить число погибшихъ, и неустрашимое свое воин-

воинство привесть чрезъ то въ такуюже силу, какою оно цвѣло прежде; кто не захочетъ съ нами соединиться, продолжалъ онъ, того страхомъ и угрозами принудимъ; но кто самовольно пожелаетъ вступить въ наше общество, того ободримъ обѣщаніемъ награды. Впрочемъ много найдется такихъ людей, которые не могши терпѣть несносной подати и рабскаго своего состоянія, и не хотя зависить отъ тиранской власти, съ охотою согласятся на ихъ предложенія. Что касается до меня, говорилъ онъ; то я стараясь о пользѣ нашего сообщества, уже давно разговаривалъ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, которой собою высокъ, здоровъ всѣмъ тѣломъ и храбрости удивительной; я ему совѣтовалъ, и наконецъ убѣдилъ, чтобъ онъ свое мужество и силы тщетною празностію истощаемыя обратилъ къ чему нибудь лучшему, притомъ пользовался бы крѣпостію своего здоровья, доколѣ еще время дозволяетъ; и чтобъ рожденную къ геройскимъ подвигамъ десницу употребилъ онъ лучше для разхищенія сокровищъ, нежели для принятія бѣдной милостыни. Всѣ разбойники

ники толь благоразумной совѣтъ похвалили, и вознамѣрились принять въ свое сообщество такого достойного юношу, а притомъ общимъ согласіемъ опредѣлили искать и другихъ ему подобныхъ, дабы число ихъ воинства наполнилось.

Тогда сей разбойникъ выходитъ немедленно вонъ, и спустя нѣсколько времени, возвращается обратно, ведя съ собою юношу, котораго онъ обѣщалъ, и съ которымъ ни кто изъ находившихся разбойниковъ въ пещерѣ не могъ сравниться: ибо сверьхъ того, что былъ онъ толстъ, силенъ и здоровъ, превышалъ въ разсужденіи роста своего, цѣлою головою всѣхъ тутъ бывшихъ разбойниковъ, и притомъ такъ молодъ, что едва еще начали у него показываться усы. Но платье на немъ было изъ многихъ и разноцвѣтныхъ лоскутковъ сшитое, и столь уское, что не могъ онъ имъ прикрыть всего тѣла, но грудь его и брюхо, будучи на ружи удивляли всѣхъ своей тучностію и толстотою. Въ такой великолѣпной одеждѣ вшедши, здравствуйте, говоритъ онъ, храбрые мужи,

мужи, не устрашимые питомцы Марсовы. Я васъ почитаю уже своими вѣрными товарищами, удостойте принять благосклонно такого человѣка, которой, исполненъ будучи мужества и неустрашимости съ сердечнымъ желаніемъ хочетъ повиноваться законамъ вашего общества, и которой охотнѣе подвергаетъ тѣло свое стрѣламъ и острію меча, нежели принимаетъ деньги своими руками, и котораго самая смерть, толико прочихъ устрашающая, дѣлаетъ безстрашнѣе и отважнѣе. Наконецъ не думайте, чтобъ я былъ какой нибудь нещастной и презрѣнной бѣднякъ, не судите о мужествѣ моемъ по сей раздраной и гнусной одеждѣ. Я имѣлъ подъ своимъ предводительствомъ храброе войско, и опустошилъ всю Македонію, словомъ, вы предъ собою видите Гема (б) славнаго Ѳракійскаго разбойника, единымъ именемъ своимъ приводящаго въ трепетъ всѣ окрестные предѣлы, рожденнаго при-

(б) Слово сіе Гемъ произходитъ отъ Греческаго αἷμα, что значитъ кровь, и потому оно весьма прилично кровожаждущему разбойнику.

притомъ знаменитымъ Терономъ, (в) разбойникомъ безсмертной славы достойнымъ, которой воспиталъ меня среди кровопролитія, и убійства, и учинилъ достойнымъ наслѣдникомъ своей неустрашимой храбрости. Но я по нещастію въ краткое время потерялъ всѣхъ своихъ мужественныхъ воиновъ и лишился безчисленнаго сокровища пріобрѣтеннаго собственною моею отважностію: ибо я по своей безрасудной неосторожности на однаго Вельможу, которой сбиралъ оброкъ для Кесаря съ его провинцій, напалъ въ то самое время, когда онъ, будучи завистною гонимъ фортуною, ѣхалъ въ сылку въ назначенное мѣсто. Но чтобъ лучше объяснить вамъ сіе происшествіе, дозвольте мнѣ начать его, и продолжить до конца.

При дворѣ Кесаря былъ одинъ человѣкъ знаменитъ породою, достоинствомъ и заслугами, и котораго самъ Кесарь любилъ паче прочихъ и оказывалъ всегда ему особенные знаки своей мило-

---

(в) Теронъ значитъ *звѣря*, или *жестокаго*.

милости и благодѣяній. Но злобою завистниковъ будучи оклеветанъ предъ Государемъ, лишился онъ своего счастія и посланъ въ ссылку. Его супруга, именемъ Плотина, женщина рѣдкаго цѣломудрія и вѣрности, которая уже десятымъ отъ бремени своего разрѣшеніемъ умножила домочадство, вознамѣрилась ему сопутствовать: она презрѣвъ роскошь и забавы градской жизни восхотѣла быть участницею его изгнанія и бѣдствій, для сего обрѣзавъ свои власы и переодѣвшись въ мужеское платье, опоясала себя многими поясами наполненными золотомъ и драгоцѣннымъ каменьемъ. И въ семъ состояніи слѣдовала за нимъ безъ трепета посреди воиновъ его стрегущихъ и среди мечей обнаженныхъ; она пріемля супружнее участіе во всѣхъ его напастяхъ, и бодрствуя неусыпно о безопасности его жизни, претерпѣвала съ мужественнымъ великодушіемъ всѣ печали, гоненія и вседневное сѣтованіе. Уже испытавши разныя бѣдствія и трудности на сухомъ пути встрѣчающіеся, и подвергаясь ужасу и опасности морскихъ волнъ, плыли они къ Зацинту, ибо на сей островъ по-

посланЪ былЪ нещастной вельможа на временную ссылку; и присталЪ ко брегу Акційскому, на которомЪ мы производили вЪ то время свои грабежи оставя Македонію; вышли они изЪ корабля на твердую землю, и чтобЪ лучше успокоиться, вознамѣрились препроводить ночь вЪ нѣкоторой хижинѣ стоящей на брегу не подалеку отЪ моря. Мы безЪ всякаго труда вломившись вЪ сей домЪ все разграбили, однако вышли изЪ него вЪ великомЪ страхѣ и опасности. Ибо какЪ только услышала Плотина первый стукЪ разрушенныхЪ дверей, то устремившись во внутренность спальни весь домЪ наполнила крикомЪ, призывая на помощь кЪ себѣ воиновЪ и своихЪ служителей поимянно, притомЪ не забыла она и ближнихЪ сосѣдей. Но по щастію никто не отважился противиться нашей храбрости, и всякЪ старался вЪ потаенное укрыться мѣсто, чтобЪ собственной свой спасти животЪ, и такЪ мы безЪ всякаго себѣ вреда вышли изЪ дому.

Между тѣмЪ сія великодушная и добродѣтельная женщина: (ибо я дол-

должен говорить о ней справедливо) рѣдкими своими качествами, заслужа отъ всѣхъ почтительное уваженіе, достигла наконецъ до того, что убѣдительными и справедливыми своими прозьбами исходатайствовала у Императора скорое прощеніе своему супругу, а намъ достойную казнь за дерзкій нашъ противу ихъ поступокъ. Кесарь хочетъ, чтобъ войско мое было истреблено, его воля исполняется. Толико сильно едино мановеніе Великаго Императора! и такъ всѣ мои храбрые товарищи посланнымъ отъ него полкомъ изрублены были на части; я одинъ только едва могъ избавиться отъ острія меча и то чуднымъ образомъ: ибо въ самой скорости переодѣлся я въ женское платье, которое весьма было широко и потому сразмѣрно стану моего тѣла, притомъ голову свою покрылъ сегоже пола уборомъ, и надѣлъ на ноги свои легкіе сему полу приличные башмаки; такимъ образомъ преобразясь въ женщину и сѣдши на осла, которой везъ ячменные снопы, спасся я отъ смерти, ѣдучи впрочемъ чрезъ войско непріятельское: ибо солдаты почитая меня поселянкою, дозволили

 мнѣ

мнѣ свободный путь и тѣмъ съ меньшимъ подозрѣнiемъ, что я былъ тогда еще весьма молодъ и не имѣлъ бороды; снося великодушно сiе нещастное приключенiе ни мало не помрачилъ я славы прiобрѣтенной моимъ родителемъ, и не измѣнилъ также моей прежней неустрашимой храбрости: ибо хотя я былъ не безъ опасности находясь толь близко къ полкамъ Государевымъ; не преминулъ однако подъ прикрытiемъ женской одежды разграбить въ городахъ и селахъ нѣсколько домовъ, и собрать для себя сiе малое имѣнiе. Въ туже минуту вынимаетъ онъ изъ своей гнусной одежды двѣ тысячи золотыхъ; и бросивъ ихъ на средину, вотъ говоритъ, подарокъ, или сказать лучше приданое, которое привезъ я вамъ съ собою, и я не отрицаюсь быть вашимъ предводителемъ, естьли вы признаете меня достойнымъ сея чести. Сiе каменное наше убѣжище въ краткое время превратится въ золотое. Разбойники не сомнѣваются, не медлятъ, но всѣ единогласно избираютъ его своимъ полномочнымъ начальникомъ и выносятъ ему лучшее платье приличное власти его и достоинству. Онъ его,

ен

надѣвши обнимаетъ и цѣлуетъ всѣхъ своихъ новыхъ товарищей. Потомъ садятся за пріуготовленной столъ, и новому полководцу опредѣляютъ первое мѣсто, всѣ они пьютъ и ѣдятъ много, и чрезъ сіе торжествуютъ принятіе власти толь храбрымъ и безстрашнымъ мужемъ.

Между прочими разговорами увѣдомляютъ они его о бѣгствѣ моемъ съ дѣвицею, и о страшномъ способѣ, которымъ вознамѣрились казнить насъ обоихъ: спрашиваетъ ихъ, въ какомъ мѣстѣ заключена плѣнница; его къ ней приводятъ; онъ ее увидя связанну и обремененну оковами выходитъ съ пасмурнымъ негодованіемъ. Я не столько безуменъ, говоритъ онъ имъ, и не столько грубъ, чтобъ захотѣлъ противиться вашимъ намѣреніямъ, воспріятымъ по общему совѣту: но я буду терзаться угрызеніемъ совѣсти, естьли сокрою отъ васъ полезную мысль, касающуюся до вашей выгоды. И такъ позвольте мнѣ старающемуся о вашихъ выгодахъ, говорить свободно, и объявить свое мнѣніе; когда оно вамъ не понравится, вы можете обратиться къ сво-

своему первому намѣренію: я увѣренъ, что всѣ благоразумные разбойники ничего, и даже самое мщеніе часто для нихъ самихъ и для прочихъ пагубное, не должны предпочитать своимъ выгодамъ; и такъ заключа въ ослиной желудокъ дѣвицу вы только удовольствуете справедливой свой гнѣвъ и не получите себѣ ни малаго прибытку: я вамъ совѣтую лучше продать ее въ какомъ нибудь городѣ: толь пригожая дѣвица будетъ стоить не малой цѣны: я имѣю довольно знакомцевъ, торгующихъ толь прибыточнымъ товаромъ; и одинъ изъ нихъ, какъ я думаю, заплатитъ намъ за нее весьма дорого, дабы для вящшей своей пользы водить ее въ блудничьи домы, изъ которыхъ она не захочетъ уже бѣгать; впрочемъ чрезъ сіе постыдное состояніе и чрезъ сей гнусной родъ ея жизни удовольствуется нѣкоторымъ образомъ вашъ гнѣвъ и мщеніе. Вотъ мой искренній вамъ и чистосердечный совѣтъ. Но вы имѣете вольность располагать всѣмъ, что касается до вашихъ мыслей и до вашей пользы. Такимъ-то образомъ сей краснорѣчивой разбойническихъ дѣлъ стряпчей, пред-

ставлялъ себя защитникомъ осла и плѣнной дѣвицы.

Между тѣмъ долговременное ихъ разсужденіе рѣшится, или нѣтъ, на предложенной новымъ полководцемъ совѣтъ, приводило меня въ крайній страхъ и ужасъ; наконецъ къ щастію нашему они его единогласно подтверждаютъ, и немедленно разрѣшаютъ плѣнницу отъ узъ, которая увидя молодаго сего человѣка, и помня его рѣчь о блудничьихъ домахъ, и о тѣхъ людяхъ, которые по просту называются сводниками, радовалась и смѣялась отъ всего сердца столько, что я по справедливости всѣхъ женщинъ началъ почитать достойными презрѣнія. И можноль было иначе мнѣ думать, когда я видѣлъ дѣвицу, притворявшуюся прежде сожалѣть о своемъ молодомъ любовникѣ, съ которымъ надѣялась скоро брачными совокупиться узами, а теперь столько радостну отъ единаго имени безчестнаго дому?

Не много спустя времени оборотясь къ разбойникамъ безтрепетной ихъ начальникъ, для чего мы гово-

ритъ имъ, чтобъ благополучно отправиться въ путь для снисканія новыхъ себѣ товарищей, и чтобъ продать молодую и пригожую дѣвицу, для чего не принесемъ достойной жертвы Марсу, неусыпному нашего сообщества покровителю, и не почтимъ его великолѣпнымъ пиршествомъ? но какъ я вижу, не имѣемъ мы ни одного животнаго для жертвы, и нѣтъ также вина довольнаго для сего торжества, то пошлите со мною десять человѣкъ, съ которыми я безъ всякой опасности могу въ ближній устремиться замокъ, и принесть вамъ все нужное для толь знаменитаго праздника. Въ туже минуту отправляется онъ съ десятью товарищами; оставшіеся разбойники возгнѣщаютъ великой огонь, и ставятъ изъ зеленаго дерну жертвенникъ въ честь побѣдоносному богу Марсу. Не много еще протекло времени, и уже посланные возвращаются неся три мѣха наполненные хорошимъ виномъ, и гоня предъ собою стадо скота, изъ котораго выбравъ престарѣлаго и мохнатою шерстью покрытаго козла, закалаютъ его на жертву своему защитнику Марсу, и немедленно стараются

прі-

пріуготовить себѣ великолѣпной обѣдъ. Тогда новый ихъ начальникъ, не токмо, говоритъ имъ, достоинъ я быть предводителемъ въ храбрыхъ вашихъ предпріятіяхъ и въ мужественныхъ въ брани подвигахъ, но будьте увѣрены, что не съ меньшею похвалою могу начальствовать при самыхъ вашихъ забавахъ и увеселеніяхъ. Въ тожъ время принимается за работу, и дѣлаетъ все съ удивительнымъ проворствомъ. Онъ мететъ полъ, готовитъ скамьи, разстилаетъ ковры, варитъ и жаритъ мясо, и ставитъ на столъ съ превеликимъ искуствомъ, но болѣе всего не забывалъ онъ во время обѣда наливать большіе сосуды виномъ и подносить ихъ своимъ товарищамъ, дабы ихъ упоить до пьяна. Между тѣмъ вымышляя различныя нужды, выходилъ онъ нѣсколько разъ вонъ, и приближившись къ плѣнницѣ съ видомъ веселымъ подавалъ ей самыя вкусныя части мяса, тайнымъ образомъ отъ разбойниковъ унесенныя, и подноситъ притомъ вина, которое онъ прежде самъ предъ нею отвѣдывалъ; дѣвица все сіе принимала съ удовольствіемъ; взаимныя съ обѣихъ сторонъ непринуж-

 денныя

денныя ихъ лобзанія, терзали меня досадою и негодованіемъ: дщерь недостойная, говорилъ я самъ съ собою; уже ли ты вѣчному предала забвенію твоего дражайшаго любовника, и тѣ священныя узы, которыми желала ты съ нимъ навсегда соединиться. Уже ли ты сего пришельца, сего кровожаждущаго убійцу хочешь предпочесть любезному жениху опредѣленному тебѣ родителями? Или не чувствуешь мучительнаго совѣсти угрызенія, и презрѣвъ законную любовь, хочешь среди кровавыхъ мечей, среди безчеловѣчныхъ разбойниковъ препровождать жизнь студную и безчеловѣчную? Что, естьли прочіе разбойники усмотрятъ по случаю такіе твои поступки, не обратятся ли къ первому своему намѣренію и не будешь ли ты вторично причиною моей смерти, по истиннѣ ты любишь повеселиться на счетъ ближняго, а нещастіе прочихъ ни мало тебя не трогаетъ. Разсуждая толь строго и съ толикимъ притомъ гнѣвомъ о сей нещастной дѣвицѣ, познаълъ я изъ ихъ разговора, хотя сомнительнаго, но для разумнаго осла довольно понятнаго, что сей юноша не Гемъ, оный знаменитый Ѳракійскій

кійскій разбойникъ, но самъ Тлеполемъ (г) любезный ея женихъ: онъ не опасаяся моего присутствія и продолжая рѣчь свою, говоритъ ей уже довольно ясно: бодрствуй и мужайся прекрасная Харита; ибо въ скоромъ времени всѣ сіи твои жестокіе непріятели будутъ твоими плѣнниками. Послѣ сего, будучи самъ трезвъ не престаетъ онъ поить разбойниковъ, уже и безъ того весьма пьяныхъ, самымъ крѣпкимъ виномъ, которое онъ для лучшаго успѣха растворялъ не много теплою водою. И я сказать истинну весьма подозрѣвалъ, не усыпительный ли какой нибудь ядъ примѣшивалъ онъ въ сіе толь крѣпкое вино: ибо всѣ разбойники упившись имъ поверглись наполъ и лежали подобно бездушнымъ трупамъ. Тогда Тлеполемъ связавъ ихъ по своей волѣ самыми крѣпкими узами, и посадя на мою спину прекрасную Хариту, отправился немедленно въ свой городъ, котораго жители увидя сихъ любовниковъ возвращающихся толь щастливо, устремляются къ нимъ на встрѣчу. Ихъ роди-

(г) Тлеполемъ также Греческое слово, и значитъ храбраго, или, которой не утомляется воинскими трудами.

дители, друзья, питомцы и рабы всѣ тѣснятся вокругъ насъ, и не вмѣщая радости въ сердечныхъ предѣлахъ, изъясняютъ ее лицемъ и голосомъ. Какое новое и достопамятное зрѣлище видѣть прекрасную дѣвицу торжественно ѣдущую на ослѣ, и сопровождаемую безчисленнымъ множествомъ народа! я самъ наконецъ имѣя большее право къ удовольствiю и радости, и желая притомъ общему соотвѣтствовать веселiю, разширилъ мои ноздри и поднявъ отверстыя уши прокричалъ изъ всей мочи; всѣ безъ изъятiя громъ страшнаго моего гласа внимали со удивленiемъ. Харита предана была во объятiя своихъ родителей, которые отведши ее въ свой домъ не могли насытиться ея лицезрѣнiемъ; но Тлеполемъ не теряя времени возвращается со мною къ разбойнической пещерѣ, взявъ притомъ довольное число гражданъ и коней. Я шелъ весьма охотно; ибо сверьхъ того, что я отъ природы былъ любопытенъ, желалось мнѣ чрезвычайно видѣть плѣненiе разбойниковъ, толь свирѣпыхъ моихъ мучителей, которыхъ застали мы еще спящихъ, и связанныхъ больше крѣпостiю вина, нежели

ли веревками. Тлеполемъ и спутники его похитивъ изъ пещеры золото, серебро и все прочее сокровище обременили насъ онымъ; потомъ устремившись къ разбойникамъ повергали ихъ съ высокихъ горъ въ стремнины, и нѣкоторыхъ на томъ же мѣстѣ пронзали собственными ихъ мечами. Послѣ толь праведнаго мщенія возвратились мы въ городъ съ удовольствіемъ и радостію. Все нами привезенное отъ разбойниковъ сокровище положено было въ градскую казнохранительницу, и Тлеполемъ по праву законовъ вступилъ въ желанное супружество съ похищенною изъ рукъ разбойничьихъ Харитою, которая съ сего времени оказывала мнѣ всѣвозможныя услуги, называя меня всегда своимъ избавителемъ, и въ самой день бракосочетанія ихъ приказала она своимъ служителямъ положить въ ясли мои столько сѣна и овса, сколько не можетъ съѣсть самой большой Бактріанской верблюдъ. Но я въ сіе время какія ругательства, какія достойныя проклятія могъ изобрѣсть для Фотисы за то самое, что она превратила меня не во пса щастливаго, но въ презрѣннаго осла: ибо я весьма завидовалъ,

что

что сіи острообоняющіе животные похитивъ тайно премножество кусковъ мяса и притомъ всѣ остатки великолѣпнаго пиршества получивъ себѣ въ награду, дѣлали для себя весьма богатой ужинъ, отъ котораго ихъ желудокъ тучнѣе раздувался. Послѣ первой ночи, по закланій жертвы въ честь Тименею и Венерѣ, не престаетъ новобрачная упоминать своимъ родителямъ и своему супругу, о той величайшей благодарности, которую она воздать мнѣ была обязана. Ея убѣжденія возъимѣли желаемой успѣхъ: всѣ обѣщаются ей возвысить мое состояніе и почтить меня несравненною честію. И такъ призвавъ своихъ сродниковъ и пріятелей совѣтуютъ съ ними, какимъ бы образомъ наградить по достоинству мои достохвальныя услуги. Одинъ заблаго разсуждалъ, держать меня въ самой чистой конюшнѣ, и не обремѣняя ни какой работою кормить хорошимъ ячменемъ и бобами; но другаго мнѣніе превозмогло, которой ходатайствуя о моей вольности, совѣтовалъ имъ отвесть меня въ деревню и пустить вмѣстѣ съ кобылицами въ поле, утверждая, что скоро они будутъ имѣть благород-




родныхъ муловъ. И такъ призвавши одного служителя, которому препоручено было смотрѣніе надъ конскими стадами, приказываютъ отвесть меня въ деревню, прочитавъ ему сперва пространное предисловіе о моихъ заслугахъ. Я отправился въ дорогу съ невѣроятною радостію, мечтая, что уже никогда спина моя не будетъ никакою тягостію обремененна, и что наконецъ при наступленіи весны могу на цвѣтущихъ поляхъ свободно сыскать себѣ желаемыя розы. Сверьхъ того воображалъ я, что естьли подъ видомъ осла толикую благодарность и толь лестныя почести получилъ я отъ супруги Тлеполемовой, то безъ сомнѣнія большихъ благодѣяній удостоился бы отъ нее, возвративъ себѣ человѣческій образъ.

Но приведенъ будучи въ деревню, не нашелъ я тамъ ни любовныхъ забавъ, ни желаемой свободы: ибо жена того служителя, которому я съ толикимъ одобреніемъ препорученъ, будучи скупа, безчеловѣчна и зла, немедленно подвергнувъ меня ярму, принудила обращать мельницу, и ударяя меня весьма

часто

часто суковатой палкою, готовила для своего дому пищу на щетъ моей кожи. Но не довольствуясь трудомъ моимъ для одной себя, молола она жито и сосѣдей своихъ, съ которыхъ получала за мои услуги не малую цѣну. Впрочемъ при толь несносномъ моемъ трудѣ не получалъ я бѣднякъ и того ячменю, которой мнѣ въ пищѣ опредѣлила Харита: ибо я его только мололъ, а проклятая оная женщина продавала его ближнимъ поселянамъ; напротивъ того мнѣ утомленному чрезъ цѣлый день вертѣнiемъ мельницы давала подъ вечеръ гнилые и непросѣянные отруби, смѣшенные съ крупнымъ пескомъ. Среди толикихъ напастей и мученiй, которыми отягощенъ я былъ отвсюду, свирѣпая Фортуна еще новыя мнѣ прiуготовила нещастiя, дабы, какъ говорятъ, и въ мирѣ и въ войнѣ могъ я прославиться своими подвигами: ибо неусыпный конныхъ стадъ попечитель, исполняя повелѣнiе господина своего, впрочемъ хотя весьма поздно, выпустилъ меня въ поле съ кобылицами.

Получивъ толь желанную свободу, прыгалъ я и скакалъ отъ радости, и

ужѣ

уже готовился достойную себѣ изобрать любовницу. Однако въ семъ случаѣ надежда моя превратилась въ вящшее для меня бѣдствіе. Ибо жеребцы уже давно ходящіе на паствѣ съ сими кобылицами для причины всякому извѣстной, будучи весьма тучны и сильнѣе притомъ самаго лучшаго осла, опасаясь меня, какъ своего соперника, и боясь, чтобъ знаменитое и благородное ихъ конское племя не переродилось въ гнусныхъ муловъ, съ яростію противу меня ополчались, не имѣя никакого уваженія къ священному праву гостепріимства. Одинъ ставши на дыбы, и притомъ поднимая гордую свою грудь бьетъ меня передними ногами, другой обратившии ко мнѣ тучный задъ, ударяетъ меня копытами съ удивительнымъ искуствомъ, третій наконецъ злостнымъ и свирѣпымъ ржаніемъ устрашая меня, и опустя уши терзаетъ мои бока и спину изощренными зубами. Подобное сему приключеніе читалъ я нѣкогда въ исторіи о Ѳракійскомъ Царѣ, (д) которой нещаст-



(д) Сей царь назывался Діомедомъ. Геркулесъ его побѣдилъ, и поступилъ съ нимъ также

щастныхъ своихъ гостей и пришельцовъ предавалъ на растерзание свирѣпымъ конямъ: ибо сей страшный тиранъ столь былъ скупъ и сребролюбивъ, что безмѣрную коней своихъ алчность хотѣлъ человѣческимъ лучше насытить мясомъ, нежели овсомъ или сѣномъ; такимъ образомъ я будучи терзаемъ свирѣпостію моихъ товарищей, началъ сожалѣть и о томъ времени, въ которое принужденъ я былъ вертѣть мѣльницу.

Но фортуна бѣдственнымъ моимъ состояніемъ еще не насытясь, изобрѣла новое для меня мученіе: ибо выбрали меня какъ проворнаго осла для перевозки дровъ насѣченныхъ на одной превысокой горѣ; и погонщикомъ былъ у меня одинъ мальчикъ, злѣйшій впрочемъ изъ всѣхъ мальчиковъ; я не только труднымъ восходомъ на толь высокую и утѣсистую гору утомленъ былъ до чрезвычайности, и притомъ по твердымъ и острымъ ступая камнямъ изломалъ всѣ свои копыта; но сверьхъ

также, какъ онъ поступалъ съ пришельцами, т. е. отдалъ его на снѣденіе свирѣпымъ конямъ.

сверьхъ того частыми ударами будучи посѣщаемъ, чувствовалъ несносную боль въ самой внутренности моихъ костей; а проклятой мальчикъ, какъ будто играя палкою и любя одно только мѣсто на правой моей бедрѣ, ударялъ по немъ непрестанно, и пробивъ наконецъ кожу, здѣлалъ превеликую рану, или сказать лучше, широкое отворилъ окно, изъ котораго кровь текла струями, и которое не преставалъ онъ навѣщать ударами. Не довольствуясь сими недозволенными забавами, отягощалъ онъ меня толь легкимъ возомъ, что всякой видя сїе бремя почелъ бы оное прїуготовленнымъ не для осла, но для мочнаго слона. Естьли когда случалось, что возъ потерявши равновѣсїе покачнется на одинъ бокъ; то негодной сей плутъ, вмѣсто того, чтобъ сложить нѣсколько дровъ съ стороны, на которую онъ уклонялся, или по крайней мѣрѣ перенесть ихъ на сторону легчайшую, дабы сдѣлать тяжесть равновѣсную, клалъ напротивъ того камни, и чрезъ сїе хитрое искуство умѣлъ помочь неравенству бремени: впрочемъ не смотря онъ на мое несносное мученїе и притомъ нимало

не думая о безмѣрной на мнѣ лежащей тягости, когда намъ нужно было переходить чрезъ мѣлкой источникъ, то не хотя замочить своихъ ногъ, вскакивалъ и самъ ко мнѣ на спину, какъ легкій прибавокъ къ тягостному возу, напротивъ того, когда дорога по причинѣ грязи была скольска, и я не могши держаться на ногахъ отъ несноснаго и безмѣрнаго грузу падалъ на землю; то храбрый сей предводитель не мысля о томъ, чтобъ помочь мнѣ встать, поднимая меня за узду, или за хвостъ, или чтобъ уменьшить нѣсколько дровъ пока я не соберусь съ силами, не преставалъ меня, начиная съ головы и до ногъ, утомлять суковатою палкою; и въ семъ единственно состояла его помощь; доколѣ я самъ не встану проснувшись отъ сильнаго восчувствованія мучительныхъ ударовъ. Но сей маленькой змій выдумалъ еще новую для меня шутку: онъ сдѣлавъ изъ колючаго и ядовитаго терну пучекъ, привязалъ его къ моему хвосту въ томъ намѣреніи, чтобъ онъ во время скораго моего бѣгу острыми своими иглами кололъ мои ноги. И такъ принужденъ я былъ претерпѣвать сугубое зло: ибо,

не

не ожидая палокъ, и стремясь съ возможною быстротою уязвляемъ я былъ терномъ; остановившись напротивъ того для утоленія мучительной болѣзни, уже чувствовалъ я непреодолимую силу палочныхъ ударовъ, совѣтующихъ мнѣ бѣжать безъ всякой лѣности. И мнѣ казалось, что сей негодной мальчикъ умыслилъ меня погубить, какимъ бы то образомъ ни было, въ чемъ однажды и клялся, угрожая, что намѣреніе свое исполнитъ онъ непремѣнно; къ сему его предпріятію и къ вящшей противу меня злости, гонящая меня судьба подала ему желаемый случай; ибо въ нѣкоторой день не могши я болѣе терпѣть злобной его лютости, ударилъ его задними копытами съ возможнымъ усиліемъ. Но вообразите, какимъ злодѣйствомъ отмстилъ онъ мнѣ за сей поступокъ. Онъ навьючивъ меня пенькою, и привязавъ ее какъ должно веревками, отправился немедленно со мною въ дорогу; потомъ укравши въ ближней деревнѣ горящей уголь положилъ его въ самую средину моего бремени. Огонь скрываясь нѣсколько времени въ пенькѣ, наконецъ возгорѣлся и произвелъ великой пламень, которой

 меня

меня вокругЪ обнялЪ, и я не могЪ выдумать никакого средства, чтобЪ избавиться отЪ сего неожидаемаго нещастія, и отЪ сей неминуемой погибели; притомЪ такой мучительной жарЪ не терпящій никакого медленія самой быстрой на выдумки разумЪ можетЪ привесть вЪ нерѣшимость. Но вЪ сей бѣдственной крайности обратила ко мнѣ фортуна веселое лице, и можетЪ быть для жесточайшихЪ впредь напастей избавила меня отЪ настоящей и видимой смерти: ибо увидя по случаю не вЪ дальнемЪ отЪ меня разстояніи большую лужу, наводненную недавно шедшимЪ дождемЪ, бросился я вЪ нее вЪ самой скорости, опасаясь, чтобЪ злой погонщикЪ узнавЪ мысли мои не воспрепятствовалЪ мнѣ вЪ толь изрядномЪ намѣреніи: свирѣпость пламени погашена была влажностію, я вышелЪ изЪ лужи освободясь отЪ бремени равно и отЪ смерти: но злѣйшая изЪ всѣхЪ двуногихЪ тварей лукавой мой погонщикЪ столь былЪ коваренЪ и безстыденЪ, что вЪ собственномЪ своемЪ злодѣйствѣ не усумнился обвинить мою невинность; и доказывалЪ всѣмЪ пастухамЪ, что я идя мимо разгнѣщен-

наго сосѣдями огня упалъ нарочно, дабы сожечь свое бремя; потомъ смотря на меня съ язвительною насмѣшкою, долго ли говоритъ, кормить намъ сего сквернаго и огненоснаго осла! По прошествіи нѣсколькихъ дней вымыслилъ онъ сколь удивительную, толь пагубную для меня хитрость: ибо дрова мною везомыя продавъ одному поселянину живущему близъ дороги, привелъ онъ меня домой безъ всего, крича притомъ изъ всей мочи, что уже не можетъ преодолѣть моего упрямства и лѣности, и потому отказывается быть моимъ погонщикомъ. Видите ли продолжалъ, сего лѣниваго осла, и медленіемъ своимъ всѣхъ ословъ превышающаго? онъ кромѣ прочихъ трудностей претерпѣваемыхъ мною отъ его упрямства, подвергаетъ меня еще новымъ вседневно опасностямъ: ибо какъ только встрѣтится съ нимъ на дорогѣ молодая дѣвушка, или хотя старуха; для него все то равно; немедленно сбрасываетъ онъ съ спины своей ношу и самую также попону, потомъ стремится къ нимъ въ бѣшенствѣ, повергаетъ на землю. . . и притомъ гнусными своими губами, хотя будто цѣло-

вать, обезображаетъ имъ лице, и грызетъ иногда остротою своихъ зубовъ. Такое студное осла сего бѣшенство не ссорами только и враждою вооружитъ противъ насъ сосѣдей, но можетъ изъ того воспослѣдовать самое уголовное злодѣйство: въ послѣднїй разъ увидя онъ пригожую и молодую женщину, разбросалъ на всѣ стороны дрова, и прибѣгши къ ней стремительно повергъ ее на землю, намѣреваясь. . . но по щастїю нашему воплемъ своимъ и пронзительнымъ женскимъ крикомъ созвала она къ себѣ на помощь довольное число прохожихъ, которые подняли ее изъ подъ самыхъ копытъ ослиныхъ; и такъ безъ помощи ихъ случилось бы ужасное приключенїе съ сею женщиною, которое бы всѣхъ насъ довело до висѣлицы.

Такїя и тому подобныя злоязычный сей плутъ ставилъ для пагубы моей сѣти, которыя тѣмъ для меня опаснѣе были, что я не могши изобличать его коварную ложь, принужденъ былъ молчать: наконецъ своимъ витїйствомъ воспламенилъ онъ во всѣхъ пастухахъ неукротимое противу меня сви-





свирѣпство. Чтожъ медлимъ, говоритъ изъ нихъ одинъ, и для чего толь сквернаго и повсемѣстнаго прелюбодѣя не погубимъ самою поносною смертію, достойною гнусныхъ его умысловъ? Отсѣчемъ ему голову не теряя времени; внутренность его бросимъ на снѣденіе псамъ, которые такъ вѣрно стерегутъ наши стада и притомъ самихъ насъ, прочее мясо его будетъ пищею для нашихъ работниковъ; что касается до кожи, мы натремъ ее пепломъ, и высушивъ на солнцѣ принесемъ своимъ хозяевамъ, утверждая всѣми клятвами, что его задавили волки.

Тогда злобный мальчикъ, нечестивый мой обвинитель, радуяся о назначенной мнѣ смерти, поспѣшаетъ исполнить самъ пагубное сихъ пастуховъ опредѣленіе, онъ уже остритъ ножъ на самомъ лучшемъ оселкѣ, и тѣмъ съ большимъ искуствомъ и стараніемъ, чѣмъ живѣе онъ чувствовалъ удивительную силу заднихъ копытъ; и я весьма сожалѣю, что сіи копыта еще не имѣли всего желаннаго мною успѣха. Въ тоже время одинъ изъ пастуховъ встаетъ съ важнымъ видомъ,

домъ, и говоритъ имъ въ мое защищеніе такимъ образомъ: весьма несправедливое дѣло умертвить толь изряднаго осла и лишиться полезныхъ его услугъ за то единственно, что обвиняютъ его въ недозволенныхъ прелюбодѣйствахъ; но лучше здѣлать его неспособнымъ къ сему неукротимому бѣшенству, чрезъ то, какъ себя избавимъ отъ опасности, такъ и онъ будетъ проворнѣе и тучнѣе; я видалъ многихъ жеребцовъ, которые отъ чрезмѣрной похоти и жару, были свирѣпы и неукротимы, но чрезъ извѣстное вамъ средство здѣлались смирны, подручны и способны ко всякимъ трудамъ. И такъ естьли вы согласитесь на мое предложеніе, въ сей же часъ пойду я на ближній рынокъ для нѣкоторой моей нужды, и оттолѣ зашедши домой возьму всѣ потребныя къ исполненію моего совѣта орудія, и возвращусь къ вамъ немедленно, чтобъ сего ненавистнаго и жестокаго любовника лишить удовъ, воспламеняющихъ его къ такому неистовству, и чрезъ то здѣлать его смирнѣе всякой овцы.

Такимъ совѣтомъ изхищенъ будучи отъ самыхъ челюстей предлежащей смерти, но оставленъ впрочемъ для жесточайшаго мученія, повергнулся я въ горестную печаль, и зная, что лишусь одной только, но превосходнѣйшей части моего тѣла, почиталъ я себя погибшимъ и уничтоженнымъ вдвое. Наконецъ вознамѣрился я уморить себя голодомъ, или броситься въ стремнину съ превысокой горы, пусть умру, говорилъ я самъ себѣ, но умру по крайней мѣрѣ въ цѣлости. Между тѣмъ, какъ разсуждалъ я, какимъ бы образомъ смертію прекратить нещастія своей жизни, утро наступило, и злостный мальчикъ повелъ меня по обыкновенію на гору, гдѣ привязалъ меня къ дубовой вѣтви, и удалясь не много въ лѣсъ началъ рубить дрова; но вдругъ престрашный медвѣдь вылезаетъ изъ пещеры; я увидя его вострепеталъ отъ ужаса, и немедленно падши на колѣни, и поднимая съ возможною осторожностію свою голову, перекусилъ ремень, которымъ я былъ привязанъ, потомъ съ горныхъ утесовъ скатившись всѣмъ тѣломъ, бѣжалъ я по полямъ стремительно, спасая себя отъ медвѣдя и

отъ моего погонщика, которой самого медвѣдя превосходилъ свирѣпствомъ и лютостію.

По случаю одинъ прохожей видя меня бѣгущаго безъ проводника, схватилъ мою узду, и немедленно сѣдши ко мнѣ на спину, пустился въ путь свой по неизвѣстной мнѣ дорогѣ, посѣщая впрочемъ бока мои палкою. Я бѣжалъ весьма охотно, надѣясь чрезъ сіе избавиться отъ мучительнаго насилія, которое хотѣли противу меня употребить безчеловѣчные пастухи; палочные удары мнѣ были не въ тягость: все мое тѣло давно уже къ нимъ привыкло; но гонящая меня повсюду фортуна предупредивши мое толь справедливое къ бѣгству желаніе уготовила для меня еще новыя напасти. Ибо тѣже самые пастухи ища заблудившуюся корову, и бѣгая по всѣмъ лѣсамъ, встрѣтились съ нами нечаянно; они узнавъ меня по уздѣ, и схвативъ немедленно, влекутъ силою домой, но мой сѣдокъ противился имъ съ удивительною отважностію, призывая во свидѣтельство всѣхъ смертныхъ и всѣхъ небожителей, за что, говоритъ онъ

имъ,





имЪ, толь свирѣпо и несправедливо поступаете со мною? для чего меня удерживаете насильно? КакЪ! тебя мы обидимЪ, отвѣтствуютЪ ему пастухи, тебя, которой укралЪ нашего осла и ведешь его домой, толь безсовѣстно? ВЪ сію же минуту объяви намЪ, куда ты сокрылЪ мальчика, безЪ сомнѣнія тобой убитаго, которой былЪ погонщикомЪ у сего животнаго? Не докончавЪ сихЪ словЪ, повергаютЪ его на землю, и всѣ безотговорочно бьютЪ его кулаками, и топчутЪ ему грудь и желудокЪ; онЪ клянется, что никакого не видалЪ мальчика, и что осла сего, бѣгущаго безЪ всякаго проводника, поймалЪ сЪ тѣмЪ намѣреніемЪ, чтобЪ возвратить его своему господину, и получить какую нибудь награду за сію услугу! О естьли бы, продолжалЪ онЪ, безсловесное сіе животное могло говорить, и засвидѣтельствовать мою невинность, безЪ сомнѣнія бы вы начали сожалѣть о томЪ безчеловѣчномЪ противу меня гнѣвѣ! однако всѣ его клятвы были безуспѣшны; жестокіе поселяне ничего не слушая и привязавЪ его за шею веревкою, повели на гору вЪ тотЪ самой лѣсЪ,

въ которомъ мальчикъ ихъ рубилъ обыкновенно для себя дрова. Они чрезъ долгое время тщетно искали сего злаго моего проводника, наконецъ увидѣли тѣло его разтерзанное на мѣлкія части и разбросанное на всѣ стороны. Я зналъ точно, что сія услуга показана мнѣ остротою зубовъ и кохтей медвѣжьихъ; и естьли бы могъ я человѣческимъ проговорить языкомъ, непремѣнно бы объявилъ имъ все съ подробнымъ описаніемъ извѣстнаго мнѣ приключенія. Но мнѣ безгласному нечего было дѣлать, какъ только радоваться, видя, что лютой звѣрь сжалился надо мною, и отмстилъ за меня, хотя нѣсколько поздно, безчеловѣчному моему злодѣю. Пастухи собравъ всѣ члены разтерзаннаго мальчика, и соединя въ одно мѣсто, предали ихъ землѣ въ томъ же самомъ лѣсѣ. Но моего Беллерофонта (е) почитая точнымъ воромъ и человѣкоубійцею, связали крѣпкими веревками и влекли къ своимъ

(е) Апулей будучи осломъ представляетъ себя въ семъ мѣстѣ Пегасомъ, и потому прохожаго, которой его поималъ, называетъ Беллерофонтомъ.

имЪ хижинамЪ, дабы вЪ слѣдующій день представленЪ будучи на судЪ, принялЪ онЪ достойную казнь за свое злодѣйство.

Между тѣмЪ, какЪ родители моего погонщика сЪ крикомЪ и воплемЪ оплакивали смерть его, какЪ своего любезнаго сына, пришелЪ кЪ намЪ поселянинЪ, совѣтовавшій лишить меня способности кЪ венерическимЪ забавамЪ; онЪ требовалЪ и хотѣлЪ вЪ туже минуту исполнить свое проклятое намѣреніе; но одинЪ изЪ пастуховЪ говоритЪ ему; теперь не обЪ ослѣ мы заботимся; смерть нещастнаго мальчика терзаетЪ сердце наше; и такЪ вЪ слѣдующій день ты можешь отсѣчь сему скверному животному не токмо что другое, но даже самую голову; и всѣ наши товарищи не отрекутся тебѣ вспомоществовать вЪ семЪ дѣлѣ. ТакимЪ образомЪ нещастіе мое отложено было до утра, и я благодаря хвалилЪ моего погонщика, что онЪ смертію своею хотя на одинЪ день отсрочилЪ мою погибель; однако не могЪ я вЪ сіе короткое время за благодарность мою хотя малымЪ утѣшиться спокойствіемЪ

и отдохновенiемъ: ибо мать сего мальчика оплакивая толь неблаговременную и толь жестокую смерть своего сына, прибѣгаетъ ко мнѣ въ конюшню; она будучи одѣта черною одеждою, вопитъ и рветъ сѣдые свои волосы, посыпанные гнуснымъ пепломъ; она терзая и бiя грудь свою, кричитъ съ яростiю: Какъ! сей гнусный и проклятый скотъ и теперь еще спокойно насыщаетъ неутолимое свое обжирство, и наполняетъ пространный свой желудокъ, не прiемля ни мало участiя въ моей печали, и не сожалѣя о горестной судьбѣ своего рачительнаго погонщика? Онъ по видимому смѣется моей старости, и презирая мою дряхлость, думаетъ, что его безчеловѣчное злодѣйство останется безъ наказанiя: и можетъ быть по дерзости своей почитаетъ онъ себя ни мало не виновнымъ. Ибо преступники, чувствуя впрочемъ угрызенiе своей совѣсти, надѣются однако всегда, что казнь ихъ не постигнетъ. Но я свидѣтельствуюсь богами, о злѣйшее изъ всѣхъ четвероногихъ животное; что, хотя бы ты на сiе время человѣческiй получилъ голосъ, не могъ бы однако и самаго несмысленнаго человѣка увѣрить и дока-

казать, что въ толь плачевномъ приключеніи ни мало ты невиновенъ: не могъ ли ты противиться хищному своего погонщика убійцѣ? Не могъ ли отогнать его остротою твоихъ зубовъ и ударами сильныхъ копытъ? Не ты ли прежде поражалъ моего сына задними ногами; такъ для чего съ подобнымъ стремленіемъ и бодростію не защитилъ его отъ смерти? По крайней мѣрѣ ты долженъ былъ съ возможною скоростію унесть его на своей спинѣ, и чрезъ то изхитить изъ рукъ разбойничьихъ; наконецъ какъ отважился ты бѣжать одинъ, повергши на землю своего проводника, своего благодѣтельнаго попечителя? Или не знаешь, что нехотящіе вспомоществовать ближнему въ случаѣ крайности, достойны жестокой казни, ибо они поступаютъ тогда противъ законовъ человѣчества, и противу правъ естественныхъ? Но знай человѣкоубійца, ты не долго будешь радоваться о моемъ нещастіи; я тебѣ докажу, что печаль и сѣтованіе подаютъ сугубую намъ бодрость и желаемыя силы. Проговоря сіе, немедленно снимаетъ она съ себя поясъ, и связываетъ онымъ ноги мои весьма

 крѣпко,

крѣпко, дабы отнять у меня чрезъ то всѣ средства къ своему защищенію; потомъ взявши отъ конюшенныхъ воротъ запоръ, не переставала ударять меня онымъ дотолѣ, пока уже силы ея истощились, и толстая сія дубина собственною тяжестію, утомивъ ея слабыя руки, упала на землю. Тогда жалуясь на свое безсиліе, и на скорую также рукъ своихъ усталость, бѣжитъ она къ разгнѣщенному огню, и взявъ пылающую головню, кладетъ ее между заднихъ моихъ ногъ. Я не могши терпѣть толь жестокаго мученія, употребилъ послѣднее оставшееся для меня средство: ибо съ возможнымъ усиліемъ надувши свой желудокъ, произвелъ я такое дѣйствіе, которое глаза ея ослѣпило, и притомъ зловоннымъ запахомъ ошибло носъ ея, какъ дубиною: симъ весьма благовременно выдуманнымъ способомъ избавился я отъ лютости беззубой старухи: иначе погибъ бы нещастный оселъ, какъ другой





той Мелеагрѣ, жегомый головнею взбѣсившейся Алфеи. (ж)

---

(ж) Алфея родивши Мелеагра видѣла Парк҃ѣ сидящихѣ близѣ огня, которыя бросили вѣ сей огонь полѣно говоря, что Мелеагрѣ будетѣ жить дотолѣ, пока не сгоритѣ сіе полѣно. Послѣ сего онѣ удалились; Алфея вставши взяла полѣно, и потуша хранила его со тщаніемѣ. Мелеагрѣ достигши совершеннаго возраста, убилѣ страшнаго вепря, опустошавшаго страны Халидонскія. Голову звѣря отдалѣ онѣ Аталантѣ. Братья Алфеины желая также имѣть сію голову вступили вѣ сраженіе сѣ Мелеагромѣ; но онѣ ихѣ всѣхѣ умертвилѣ. Алфея, хотя отмстить смерть брата, бросила роковое полѣно вѣ огонь, вѣ которомѣ оно по малу згарало и такѣ Мелеагрѣ умиралѣ весьма медлительно, ощущая во внутренности своей несносный пламень.

КОНЕЦѢ СЕДЬМОЙ КНИГИ.





# ПРЕВРАЩЕНІЕ
## или
# ЗОЛОТОЙ ОСЕЛЪ.



## КНИГА ОСЬМАЯ.

Предъ восхожденіемъ багряныя зари, приходитъ къ намъ изъ ближняго города молодой человѣкъ, одинъ изъ числа служителей прелестной Хариты, претерпѣвшей со мною толь много бѣдствій въ разбойнической пещерѣ; онъ сѣдши близъ огня между своими товарищами, началъ расказывать имъ о страшномъ родѣ смерти, которымъ пресѣкла дни свои нещастная сія Тлеполемова супруга, и притомъ о плачевномъ состояніи всего ея дома: попечительные стражи быстротекущихъ коней, говоритъ онъ имъ; и вы неусыпные овецъ и воловъ пастыри будь-

те





те извѣстны, что мы навсегда лишились нещастной Хариты; она чрезъ самое ужасное приключенiе, но впрочемъ не безъ спутника прешла въ царство мертвыхъ: и такъ, чтобъ васъ увѣдомить о всемъ подробно, позвольте мнѣ начать сiе происшествiе съ начала, и продолжить порядочнымъ образомъ до самаго конца: оно достойно внесено быть въ исторiю перомъ самыхъ ученыхъ писателей, избранныхъ природою для сего искуства.

Въ семъ не далеко отстоящемъ городѣ былъ одинъ юноша, именуемый Тразилломъ, рожденный отъ знатныхъ и славныхъ родителей, притомъ храброй всадникъ, и чрезмѣрно богатъ; однако дѣлами и поступками своими ни мало не соотвѣтствовалъ онъ знатной своей породѣ; но утопая въ непотребныхъ роскощахъ, и обращаясь всегда въ безчестныхъ домахъ соединился тѣсною дружбою съ разбойниками; и слухъ носился, что онъ и самъ не рѣдко свои руки оскверняль человѣкоубiйствомъ. Но когда Харита совершеннаго достигла возраста, то сей Тразиллъ изъ всѣхъ благородныхъ юно-

шей плѣнившихся ея красотою и добродѣтельми, и желавшихъ вступить съ нею въ брачныя узы, устремилъ вящшее къ ней вниманіе, и употреблялъ всѣ возможныя средства къ полученію успѣха въ своемъ желаніи; однако не смотря на его богатство, породу и на всѣ великолѣпные дары, которыми старался онъ привлечь и обольстить ея родителей, изключенъ онъ былъ изъ числа жениховъ, по причинѣ непотребныхъ своихъ поступокъ, и постыжденъ единогласнымъ отказомъ. Между тѣмъ, когда прекрасная Харита сочеталась бракомъ съ великодушнымъ и добродѣтельнымъ Тлеполемомъ, беззаконный Тразиллъ питая въ груди своей пламенную, но тщетную любовь, и присоединивъ къ страсти сей неукротимую досаду, рожденную въ сердцѣ его постыднымъ отказомъ, вымышляетъ средства къ исполненію страшнаго злодѣйства. Наконецъ получивъ благовременный случай, пріуготовляется онъ совершить давно предпріятое беззаконіе. Въ самый тотъ щастливый день, когда Харита благоразуміемъ и храбростію своего супруга изхищена была изъ рукъ безчеловѣчныхъ разбой-

никовъ, пришедши онъ въ домъ нашъ съ прочими поздравителями, несказанную показывалъ радость о благополучномъ избавленіи прелестной Хариты, и отъ чистаго по видимому сердца желалъ ей видѣть изящный плодъ отъ щастливаго съ Тлеполемомъ бракосочетанія; онъ для знаменитой своей породы принятъ былъ въ домъ нашъ въ числѣ самыхъ отмѣнныхъ гостей, и скрывая пагубное свое намѣреніе подъ завѣсою хитраго притворства, показывалъ себя Тлеполему самымъ вѣрнымъ и чистосердечнымъ другомъ.

Наконецъ посѣщая почти ежедневно Тлеполема, разговаривая съ нимъ дружелюбно, и приглашаемъ будучи не рѣдко на ужинъ, получилъ онъ еще вящшую отъ него довѣренность, и здѣлался ему отличнымъ пріятелемъ. Чрезъ сіе самое погружался онъ непримѣтно въ глубокую бездну нещастія, пріуготовленнаго тщетною къ Харитѣ любовію. Но можно ли сему удивляться? И кто не знаетъ, что искра любовной страсти въ началѣ своемъ будучи мала, оживляетъ людей пріятною только теплотою, но продолженіемъ вре-

мени и всегдашнимъ обращенiемъ съ любимой особою возгарается въ ихъ сердцахъ и производитъ свирѣпой и неугасимой пламень, снѣдающiй ихъ до конца самымъ мучительнымъ образомъ? Тразиллъ чрезъ долгое время разсуждалъ самъ съ собою, какъ бы ему получить благовременный случай и приличное притомъ мѣсто, дабы на единѣ поговорить съ Харитою. Онъ ясно видѣлъ, что великое множество служителей, повсюду ей сопутствующихъ, препятствуетъ ему приступить къ порочному намѣренiю, и что невозможно прервать священныя узы толь недавной любви, умножающейся поминутно въ сердцахъ сихъ нѣжныхъ супруговъ, и естьли, притомъ размышлялъ онъ, сама Харита согласится на его желанiе; (чего бы она никогда не сдѣлала) то ея простота и незнанiе, какъ обмануть своего супруга, будутъ новымъ препятствiемъ для его потаенной любви; однако несмотря на всѣ сiи трудности, влечется онъ ожесточеннымъ своимъ рокомъ къ невозможному предпрiятiю, какъ будто бы оно въ самой вещи было возможно. Что нынѣ кажется весьма труднымъ, то

съ

съ послѣдствіемъ времени, когда любовь усугубится, и восприиметъ свои силы, почитается уже легкимъ и способнымъ. Внимайте съ прилѣжаніемъ, до чего быстрое и стремительное сея страсти насиліе довело безрассуднаго любовника.

Въ нѣкоторый день не предвѣдущій никакой опасности Тлеполемъ взявши съ собою Тразилла, отправился на охоту, дабы поймать сколько нибудь дикихъ звѣрей, естьли только боязливыя козы достойны такого имени; ибо Харита не дозволяла супругу своему гоняться за звѣрями, вооруженными остротою зубовъ, или кохтей. Уже сѣти были разставлены вокругъ одного холма, покрытаго тѣнистымъ и густымъ лѣсомъ, охотники пускаютъ немедленно ловчихъ собакъ, дабы онѣ изъ самыхъ потаенныхъ пещеръ выгоняли звѣрей на открытое поле; сіи быстрые псы памятуя свое искуство раздѣляются, и мгновенно преграждаютъ всѣ исходы и пути, они молчатъ потомъ нѣсколько времени; но когда имъ данъ былъ знакъ, то вдругъ весь воздухъ наполнился страш-

нымъ и различнымъ ихъ лаемъ и воплемъ: однако не видно было ни одной козы, или смирной лани, но выбѣгаетъ напротивъ того изъ лѣсу превеликой и страшный вепрь; онъ покрытъ былъ долгою и колкою щетиною, изъ пѣнящейся его челюсти слышенъ былъ скрежетъ зубовъ, изъ его кровавыхъ и мщенiемъ грозящихъ очей изливался яростный пламень; онъ подобно летящей молнiи разрушалъ и опровергалъ всѣ встрѣчающiяся преграды: вопервыхъ отважнѣйшихъ псовъ дерзнувшихъ приступить къ нему блиско, растерзываетъ онъ на мѣлкiя части, потомъ единымъ стремленiемъ прервавъ тенета выбѣгаетъ на волю; тогда мы всѣ объяты будучи хладнымъ ужасомъ, и привыкши только ловить такихъ звѣрей, отъ которыхъ ни малой опасности ожидать не можно, притомъ не имѣя при себѣ никакого оружiя обратились въ бѣгство и скрывались въ кустарникахъ, или подъ вѣтвiями густыхъ деревъ.

Вѣроломный Тразиллъ видя благовременный случай къ исполненiю предпрiятаго собой злодѣйства, обращаетъ

къ

къ Тлеполему сію коварную рѣчь: Для чего мы стоя изумленны, или сказать лучше, пораженны тщетнымъ ужасомъ, подобно симъ боязливымъ своимъ слугамъ, или самымъ презрѣннымъ и безсильнымъ женщинамъ, упускаемъ изъ своихъ рукъ толь изрядную добычу? Для чего не сядемъ на своихъ коней и не погонимся въ слѣдъ за симъ звѣремъ? Возми ты дротикъ, а я возьму копье. Въ туже минуту садятся они на коней и устремляются за звѣремъ съ невѣроятнымъ жаромъ; однако страшный сей вепрь, надѣясь на свои природныя силы, остановляется, и потомъ идетъ противу ихъ прямо, онъ скрежетомъ своихъ зубовъ и огненнымъ взоромъ показывая свою лютость сомнѣвается, на котораго бы изъ сихъ храбрыхъ всадниковъ учинить прежде нападеніе. Тлеполемъ повергнувши въ него дротикъ, пронзаетъ ему хребетъ; но Тразиллъ не хотя уязвлять вепря, ударяетъ копьемъ своимъ Тлеполемова коня, пресѣкаетъ ему заднія колѣна; сей гордый конь изнемогая отъ истекшей крови, и не въ силахъ будучи стоять, падаетъ, и свергаетъ господина своего по неволѣ на землю; немед-

медленно и ярострной звѣрь приближается къ лежащему Тлеполему, и въ семъ состоянiи растерзалъ его одежду; и когда сей нещастный старался всѣми силами подняться на ноги, уязвляетъ онъ и тѣло его своими острыми клыками. Но Тразилла, сего великодушнаго друга, ни мало не терзала совѣсть о толь злодѣйскомъ поступкѣ, и хотя ярость его должна уже была смягчиться толикимъ Тлеполемовымъ бѣдствiемъ, однако онъ тѣмъ не удовольствовался, и въ то самое время, когда сей нещастной прикрывалъ свои язвы разданной одеждою, и самымъ жалкимъ голосомъ умолялъ его, и просилъ себѣ помощи, не устыдился онъ поражать его копьемъ своимъ въ правую бѣдру, и тѣмъ съ вящшею отважностiю, чѣмъ больше онъ надѣялся, что раны сiи почтутся дѣйствiемъ свирѣпаго звѣря; наконецъ и самаго вепря не преминулъ онъ умертвить частыми копья своего ударами.

Какъ только безчеловѣчнымъ симъ коварствомъ умерщвленъ былъ юный Тлеполемъ, вдругъ сколько насъ ни было изъ его служителей, оставя свои убѣжища

жища прибѣгаемъ къ его поверженному тѣлу, отягощены печалію и сѣтованіемъ; но Тразиллъ, исполня свое желаніе, и поразя такого человѣка, котораго онъ почиталъ своимъ непріятелемъ, хотя внутренно радовался, и чувствовалъ удовольствіе въ сердцѣ своемъ, однако не преминулъ онъ радость сію прикрыть завѣсою притворной печали; онъ сѣтуетъ, стонетъ, являетъ смущенный видъ, и объемля съ отчаяніемъ мертвое тѣло, собственными его руками лишенное жизни, показывалъ всѣ знаки несносной печали, кромѣ однихъ только слезъ, которыхъ онъ не могъ проливать, сколько ни старался. Такимъ лукавствомъ сообразуя ложное свое сѣтованіе съ истинною нашей печалію возлагалъ онъ свое злодѣйство на невиннаго звѣря.

Едва сіе беззаконіе было совершено, ужѐ быстротечная о такомъ плачевномъ приключеніи молва разсѣявшись повсюду стремится немедленно въ домъ Тлеполемовъ, и пронзаетъ слухъ нещастной Хариты, которая услышавъ толь горестную вѣсть, и какой ужѐ она никогда не услышитъ, вдругъ лишается

шается разсудка, и подобясь изумленной Баханкѣ бѣжитъ по градскимъ стогнамъ, наполненнымъ великимъ множествомъ народа, и оттолѣ стремится на сельскія поля, испуская страшный крикъ и жалуясь плачевнымъ воплемъ на свирѣпость судьбы, поразившей ея супруга. Стекаются къ ней граждане пріемля участіе въ ея скорбной печали, всѣ съ нею встрѣчающіеся послѣдуютъ ей обратно, соединяя грусть свою съ ея отчаяніемъ; наконецъ весь народъ исшелъ изъ города, дабы видѣть толь плачевное зрѣлище. Харита прибѣгаетъ къ мертвому супруга своего тѣлу; духъ ея и силы уничтожаются, она упадаетъ на него, и уже готова была жертвовать ему своей душею, которую давно ему посвятила, но родителями и ближними своими отвлечена будучи насильно отъ супружняго тѣла, избавилась она отъ желаемой смерти противу своей воли.

Между тѣмъ нещастнаго Тлеполема тѣло несется къ погребенію и ему сопутствуетъ безчисленное множество народа. Тогда Тразиллъ началъ вопить страшнымъ крикомъ, ударяя

грудь

грудь свою и терзая на себѣ волосы; радость въ глубинѣ его сердца умножаясь извлекаетъ изъ очей его слезы, которыхъ онъ не могъ источить при первой своей притворной грусти: онъ точную истинну своихъ чувствій прикрываетъ ложно завѣсою именъ священныхъ: онъ сѣтуя и прискорбный испуская гласъ, называетъ Тлеполема своимъ другомъ, своимъ современникомъ и братомъ, и въ тоже время старается онъ удерживать руки нещастной Хариты, когда она стремилась ударять оными свои перси; онъ увѣщеваетъ ее убѣдительнымъ образомъ, дабы прекратила теченіе своихъ слезъ, престала стѣнать и наполнять воздухъ своимъ воплемъ: онъ горесть ея печали тщится усладить различными повѣстьми о непостоянствѣ и превратности счастія. Но среди сихъ ложныхъ доказательствъ своего дружества не забываетъ онъ прикасаться къ ея рукамъ и груди, питая чрезъ сіе прикосновеніе студную свою любовь. Погребательные обряды совершились; младая Харита поспѣшаетъ прейти въ царство мертвыхъ, и тамъ соединиться съ тѣнію своего любезнаго Тлеполема: она пред-

представляетъ въ умѣ своемъ различ-ные пути ведущіе ко брегу Стикса; но изъ всѣхъ избираетъ она самой лучшій и способнѣйшій путь, подобный сладкому сну, и для котораго не нужны никакія смертоносныя оружія; словомъ она заключаетъ себя во мрачное и уединенное мѣсто, съ твердымъ намѣреніемъ не вкушать никакой пищи; и чрезъ то прекратить жизни своей бѣдствія. Но Тразиллъ непреодолимыми прозьбами, иногда самъ чрезъ себя, иногда чрезъ другихъ ея пріятелей и сродственниковъ, иногда чрезъ самыхъ ея родителей убѣдилъ наконецъ сію отчаянную, дабы отложа толь противное здравому разсудку намѣреніе, вкусила нѣсколько пищи, и омывшись въ банѣ обновила бы крѣпость и силы своего тѣла, ужè изсохшаго и покрытаго блѣдностію. Харита, всегда отмѣнное къ родителямъ своимъ хранящая почтеніе, исполнила все, что нужно было для продолженія горестной ея жизни; и къ сему привлечена была не желаніемъ своимъ, но святостію закона, которой убѣждалъ ея совѣсть къ повиновенію родителямъ. Она показывала видъ не веселой, но ужè спокойнѣе

прежняго

прежняго; напротивъ того духъ ея терзался томнымъ сѣтованіемъ, и въ глубинѣ ея сердца волновалась мрачная буря смущенія и печали. Она дни и ночи провождала въ стенаніяхъ и въ плачѣ, и воздая божескую честь своему супругу, воображала его въ умѣ своемъ подъ видомъ бога увеселеній изобрѣтшаго для смертныхъ утѣшительнаго вина употребленіе; сею мыслію питаясь усугубляла она свое горестное и плачевное сѣтованіе. Но Тразиллъ будучи дерзокъ и безрассуденъ, не дожидаясь, пока престанутъ течь ея слезы, утолится печаль, и съ продолженіемъ времени утишится ея смущенная душа, отваживается говорить ей о новомъ бракѣ въ то самое время, когда она рыдала еще о своемъ любезномъ Тлеполемѣ, терзая свои одежды и волосы; онъ чрезъ сіе безстыдное предложеніе открываетъ ей тайну своего сердца, и беззаконное свое коварство. Харита трепещетъ его словъ, и объята неожидаемымъ ужасомъ упадаетъ безъ чувствія, какъ будто поверженная смертоноснымъ содѣйствіемъ нещастливаго со-

звѣздія, или пораженная громовымъ ударомъ. По прошествіи нѣсколькихъ часовъ она оживотворяется, начинаетъ опять страшнымъ своимъ воплемъ наполнять воздухъ; притомъ размышляя о студномъ и беззаконномъ поступкѣ сего ненавистнаго человѣка, отлагаетъ до времени отвѣтствовать на его предложеніе, дабы при свѣтѣ здраваго разума о всемъ разсудить подробнѣе.

Между тѣмъ въ нѣкоторую ночь тѣнь убіеннаго Тлеполема прерываетъ сонъ цѣломудренной Хариты и является ей имѣя лице блѣдно, безобразно и обагренно кровію: Дражайшая супруга, говоритъ онъ ей, когда воспоминаніе о нещастномъ Тлеполемѣ еще тебѣ любезно и утѣшительно твоему сердцу, то пусть никто не имѣетъ права называть тебя симъ священнымъ именемъ; но естьли пагубный случай пресѣкши теченіе моей жизни, пресѣкъ равно узы нашей супружней любви; сочетайся новымъ к щастливымъ бракомъ съ юношею, кого ты изберешь по своему разсужденію, но только не съ преступнымъ Тразилломъ; прекрати съ симъ злодѣемъ и знакомство и пріязнь, не

вкушай





вкушай съ нимъ пищи, и берегись принять его на свое ложе. Убѣгай руки моего убійцы обагренной моею кровію, не начинай брака своего лютымъ (а) отцеубійствомъ: сіи, тобою зримыя и слезами твоими омовенныя раны не почитай дѣйствіемъ ярости свирѣпаго звѣря; но копье вѣроломнаго Тразилла разлучило меня съ тобою: наконецъ объявилъ онъ ей подробно всѣ обстоятельства сего неслыханнаго злодѣйства.

Харита при наступленіи ночи возлегши на одръ для успокоенія своихъ чувствій толь несносною объята была печалію, что въ самое время сна, изъ прелестныхъ очей проливая слезные источники, орошала оными розовыя свои ланиты. Но явленіемъ супружней тѣни, какъ будто страшнымъ громовымъ трескомъ возбуждена будучи, возобновляетъ свой плачь и вопль ужасный,



(а) Злодѣйство Тразиллово можетъ назваться отцеубійствомъ потому, что онъ умертвилъ своего искренняго друга, и такъ Харита имѣла бы нѣкоторымъ образомъ участіе въ семъ злодѣйствѣ, естьли бы она вступила въ бракъ съ убійцею своего мужа.

терзая свою грудь и рамена бѣлѣйшія слоновой кости; однако не объявляя никому о семъ сновидѣніи, и притворяясь, будто ничего еще не знаетъ о пагубныхъ обстоятельствахъ Тлеполемовой смерти, намѣревается она достойной казнію отмстить беззаконному его убійцѣ, и потомъ уже пресѣчь свою жизнь толико для нее мучительную и несносную.

Между тѣмъ ненавистный и безразсудный Тразиллъ не престаетъ безпокоить цѣломудренный ея слухъ убѣжденіями къ новому браку; но Харита отрицаясь отъ того съ нѣкоторымъ учтивствомъ, и утаевая намѣреніе свое съ удивительною хитростью, отвѣчаетъ на всѣ его прозьбы такимъ образомъ: еще прелестный образъ дражайшаго моего супруга, и твоего искренняго пріятеля, живо представляется моимъ очамъ, еще нектарный лобзаній его запахъ проницаетъ мое обоняніе; любезный Тлеполемъ еще обитаетъ во глубинѣ моего сердца, и потому весьма ты благоразумно поступишь, естьли нещастной вдовицѣ дозволишь сѣтовать столько времени, сколько требуетъ

етъ смерть ея супруга: помедли, доколѣ исполнится послѣдній мѣсяцъ года опредѣленнаго закономъ для сего священнаго долга; сія справедливая отсрочка сохранитъ не только мою честь и благопристойность, но равно и твоей поспѣшествовать будетъ безопасности: ибо я весьма страшусь, чтобъ грозная Тлеполемова тѣнь симъ новымъ и толь поспѣшнымъ моимъ съ тобою бракосочетаніемъ раздражена будучи, не вооружилась противу насъ праведной местію, и не повергла тебя во мрачность гроба.

Толь благоразумнымъ отвѣтомъ дерзновенный Тразиллъ ни мало не приведенъ былъ въ чувство; самая радость и надежда, что по прошествіи нѣкотораго времени можетъ онъ получить въ супружество себѣ прекрасную Хариту, не дѣйствительны были къ уменьшенію безразсудной его нетерпѣливости; напротивъ того усугубляетъ онъ прозьбы свои представляя разныя и убѣдительныя доказательства. Харита не могши терпѣть его велерѣчія, и притворясь согласившеюся, послушай, говоритъ ему, ты по крайней мѣрѣ дол-

женъ исполнить одно и самое справедливое мое прошеніе, которое состоитъ въ томъ, чтобъ видѣться намъ съ тобою на единѣ, и то самымъ тайнымъ образомъ, дабы никто изъ моихъ домашнихъ не могъ о семъ провѣдать, пока исполнится время, въ которое должна я сѣтовать о своемъ супругѣ, нося печальную одежду. Тразиллъ обольщенный толь неожидаемымъ обѣщаніемъ соглашается съ радостію на ея предложенія; онъ нетерпѣливо желаетъ, чтобъ скорѣе приближилась ночь, дабы имѣть ему въ объятіяхъ своихъ Хариту, которую предпочитаетъ онъ всему на свѣтѣ. Но слушай, говоритъ ему Тлеполемова супруга, не забудь прикрыть себя епанчею, дабы встрѣчающіеся не могли тебя узнать; притомъ не должно тебѣ имѣть ни одного съ собою человѣка, и при наступленіи темноты ночной пришедши къ моему дому не стучи въ ворота, но только однимъ свистомъ дай знакъ о своемъ приходѣ, и дожидай моей кормилицы, которая стоять будетъ у воротъ; она тебѣ немедленно ихъ отворитъ и проведетъ безъ свѣтильника въ мою спальню.

Тра-

Тразиллъ никакихъ въ намѣреніи семъ не предвидя и не опасаясь хитростей, похвалилъ сіе пагубное для себя свиданіе; однако досадовалъ онъ на то, что принужденъ былъ ожидать ночи; теченіе дня казалось для него весьма долговременнымъ. Наконецъ, какъ только дневный свѣтъ уступилъ мѣсто темнотѣ ночной, то страстный сей любовникъ упоенный лестною надеждою прикрывшись епанчею приходитъ къ дому прекрасной Хариты; и бодрствующая при вратахъ кормилица проводила его въ спальню, гдѣ исполняя приказаніе своей госпожи оказываетъ ему всѣ знаки дружества, приноситъ немедленно рюмку и сосудъ наполненный крѣпкимъ виномъ, въ которомъ примѣшанъ былъ усыпляющій ядъ. Она извиняя предъ нимъ медленность Хариты опасной ея родителя болѣзнію, непрестаетъ навѣщать его рюмками; онъ пьетъ съ охотою и безъ всякаго подозрѣнія; и погружается напослѣдокъ въ глубокой сонъ.

Когда уже преступный Тразиллъ находясь въ такомъ состояніи подверженъ былъ всѣмъ поруганіямъ, какія

кія только можно вымыслить, Харита будучи увѣдомлена кормилицею, входитъ въ спальню, и ободряясь мужествомъ превышщимъ ея пола, приближается къ нему и яростными смотря на него очами, говоритъ: се вѣрный спутникъ моего любезнаго Тлеполема, се знаменитый ловецъ звѣрей и мой желанный супругъ, се рука изліявшая мою кровь; вотъ лукавое сердце соплетшее для моей погибели коварныя сѣти; вотъ ненавистныя очи, которыя плѣнила я къ своему нещастію, и которыя отъ блеску моихъ прелестей ужѐ давно помрачились, какъ будто предупреждая свою казнь, и предвидя, что уже никогда они солнечнаго не узрятъ свѣта. Спи вѣроломецъ спокойно, и наслаждайся пріятнымъ сновидѣніемъ; мечтай, что имѣешь меня въ своихъ объятіяхъ, я не поражу тебя мечемъ или другимъ смертоноснымъ орудіемъ; я не хочу, чтобъ одинакимъ родомъ смерти сравнился ты съ моимъ любезнымъ Тлеполемомъ: взоръ твоихъ очей померкнетъ при жизни твоей, и ты ужѐ ничего не увидишь, какъ только во снѣ; смерть твоего непріятеля покажется тебѣ благополучнѣй.

нѣйшею, нежели для тебя жизнь твоя; ты не узришь вѣчно лучезарнаго свѣтила; чуждая рука будетъ твоимъ предводителемъ; не возляжетъ съ тобою Харита на ложѣ; не льстись коварный злодѣй именоваться ея супругомъ; ты не утѣшишься ни спокойствіемъ смерти, ни пріятностями жизни; но уподобишься привидѣнію, скитающемуся между адскимъ мракомъ и между сіяніемъ солнечнымъ; ты долго будешь искать руку исторгшую твои зѣницы, и что всего для тебя мучительнѣе, ты останешься въ сомнѣніи, о моемъ ли паче, или о своемъ должно тебѣ рыдать нещастіи: я гробъ моего любезнаго Тлеполема орошу кровію, истекшею изъ твоихъ очей, я принесу ее на жертву священной его тѣни: но для чего я медлю изліять на тебя достойное мщеніе? Можетъ быть въ сіи минуты представляешь ты себя лежащимъ въ моихъ объятіяхъ, но знай, они тебѣ пагубоносны. Оставь мракъ, въ которой погруженъ ты силою сна, и воспряни, дабы низринуться въ долговременную и плачевную мглу; познай мой гнѣвъ и мщеніе, возвысь къ небесамъ твой взоръ; но ты ихъ не увидишь,

дишь; представь в умѣ своем бездну нещастія, в которую тебя повергает моя нетрепетная десница; в сем только печальном состояніи очи твои будут любезны цѣломудренной Тлеполемовой супругѣ; тако брачныя свѣщи возсіяют при торжественных обрядах твоего Гименея, мстительныя фуріи будут предшественницами ко храму; слѣпота будет тебѣ спутствовать, и порочная твоя совѣсть не престанет тебя терзать повсемѣстно.

Таким образом предрекши ему всѣ бѣдствія вынимает она из головы своей булавку, и вонзив ее стократно в его ненавистныя очи, оставляет совсѣм ослѣпшим; но между тѣм, как неизвѣстная боль разгоняет его сон и винные пары; схватывает она висящій Тлеполемов мечь, и обнажа его стремится прямо ко гробу своего супруга предпріемля страшное и отчаянное намѣреніе; всѣ, сколько нас ни было в ея домѣ, и всѣ также граждане бѣжали за нею во слѣд, увѣщевая один другаго, дабы исторгнуть из рук ея смертоносное оружіе: но Харита приближась ко гробу

Тле-

Тлеполемову, отражаетъ отъ себя мечемъ всѣхъ хотящихъ ей противиться, и видя, что всѣ рыдаютъ, стонутъ и вопятъ плачевнымъ крикомъ о ея состояніи, престаньте, говоритъ имъ, проливать слезные источники, усугубляющіе мою горесть, прекратите и уничтожьте вашу печаль, которая толь мало свойственна моему великодушію; я ужѐ отмстила кровожаждущему супруга моего убійцѣ, и наказала преступника расторгшаго узы моего брака: ужѐ время, чтобъ сей мечь отверзъ мнѣ врата смерти; потомъ разсказавъ имъ все подробно, какъ явился ей нещастный Тлеполемъ въ сонномъ видѣніи, и какую притомъ хитрость употребила она для наказанія коварнаго Тразилла, пронзаетъ грудь свою мечемъ, и упадаетъ орошаясь собственною кровію; она произнесла еще нѣсколько невнятныхъ словъ, и ея чистѣйшая и геройская душа излетаетъ изъ прекраснаго тѣла. Немедленно друзья и сродники подъемлютъ тѣло нещастныя Хариты, и омывши его съ возможнымъ стараніемъ заключаютъ въ одинъ гробъ съ Тлеполемомъ; и тако соединилась она ужѐ вѣчно съ своимъ супругомъ.

Тра-

Тразиллъ извѣстясь о таколъ плачевномъ приключеніи не можетъ изобрѣсть достойной вѣроломства своего смерти, и зная, что остріе меча не довольно для его казни за толь ужасное беззаконіе, проситъ, чтобъ привели его ко гробу нещастныя четы; его желаніе удовольствовано; въ семъ мѣстѣ повторя нѣсколько разъ: о тѣни гонимыя злобою моею, я самовольно приношу себя на жертву вашему гнѣву и мщенію! Повергается онъ къ нимъ во гробъ и заключаетъ за собою двери его; имѣя непремѣнное намѣреніе истощить и умертвить себя гладомъ.

Вотъ печальное приключеніе, которое служитель нещастной Хариты проливая слезы разсказывалъ симъ пастухамъ. Тогда они страшась власти новаго и неизвѣстнаго имъ господина, вознамѣрились не медленно бѣжать оплакивая горестную участь Тлеполемова дома. Начальникъ пастуховъ, которому я препорученъ былъ съ толикой отъ Хариты похвалою и одобреніемъ, похищаетъ все сокровище хранимое имъ въ сей деревенской хижинѣ, потомъ меня и другихъ моихъ сотрудниковъ

отя-

отяготя симъ богатствомъ оставляетъ свое прежнее жилище и отправляется поспѣшно въ дорогу: мы на спинахъ своихъ несли малолѣтныхъ дѣтей, женщинъ, гусей, утокъ, цыплятъ, козъ, маленькихъ собачекъ; и все, что не имѣло собственной скорости къ бѣгству, все нашими спасалось ногами. Хотя мое беремя было весьма тяжело, но мнѣ казалось оно чрезвычайно легкимъ, по причинѣ радости, которую чувствовалъ я избавляясь отъ жестокаго поселянина, хотѣвшаго сдѣлать меня не способнымъ къ самымъ пріятнѣйшимъ въ свѣтѣ забавамъ. Возшедши на превысокую и густымъ лѣсомъ покрытую гору, и спустясь съ нее на другую сторону въ долину, приближились мы уже̓ подъ вечеръ къ одному многолюдному и богатому городу, котораго жители совѣтовали намъ не̓ продолжать пути своего ночью, и также въ самое утреннее время, говоря, что свирѣпые и чрезвычайной величины волки опустошаютъ сіи страны, и подобно разбойникамъ преграждая дорогу нападаютъ на всѣхъ путешественниковъ; сверьхъ того жестокимъ иногда терзаемы будучи голодомъ вбѣгаютъ и въ ближ-

ближнія деревни, гдѣ не только овцы и козы, но и самые люди бываютъ жертвою неукротимой ихъ свирѣпости; присовокупили они къ тому, что на дорогѣ, по которой должно намъ непремѣнно продолжать путь свой, увидимъ мы человѣческіе трупы до половины съѣденные, и множество костей обнаженныхъ отъ своего тѣла; для сихъ причинъ и мы съ возможною осторожностію должны проходить сіи мѣста; и для избѣжанія бѣдствій угрожающихъ намъ отвсюду не должны раздѣляться другъ отъ друга, но соединиться вмѣстѣ, и пуститься въ дорогу ужѐ предъ полуднемъ, ибо зной и сіяніе солнечное уменьшаетъ свирѣпость сихъ жестокихъ звѣрей.

Однако проклятые наши бѣглецы презирая толь полезные гражданъ совѣты не захотѣли дождаться дня, и безразсуднымъ безпокоемы будучи страхомъ, чтобъ ихъ не догнали, они отправились въ дорогу около полуночи; но я страшась предсказаннаго нещастія, и не хотя подвергнуться лютости сихъ волковъ, сокрылся въ самую средину всѣхъ моихъ спутниковъ, которые

шли

шли совокупно; предводители наши чрезвычайно удивились, видя, что я скорѣе иду, нежели быстрыя лошади. Но сія скорость происходила не отъ усердія моего къ нимъ, или отъ моей бодрости, но отъ страха и ужаса, которымъ я былъ объятъ; и въ тоже время разсуждалъ я самъ съ собою, что и славный конь Пегасъ наименованъ отъ всѣхъ крылатымъ не по чему другому, какъ только по причинѣ ужаса, которой принуждалъ его съ возможною стремиться быстротою, и возлетать до облакъ, дабы огнедышущая Химера его не поглотила.

Между тѣмъ наши пастухи пріуготовились какъ будто на сраженіе. Они были вооружены копьями, стрѣлами, мечами и палками; иные собирали для себя лежащіе на дорогѣ камни, иные колье и дубины, многіе притомъ несли зажженные свѣтильники для устрашенія свирѣпыхъ звѣрей; словомъ, одной только не доставало трубы или звучнаго рога, которымъ бы дать знакъ къ боевому порядку и дѣйствительному сраженію. Но будучи безпокойны тщетнымъ симъ страхомъ ввергнулись

мы

мы несравненно въ большее нещастіе, нежели какого боялись: ибо ни одинъ волкъ намъ не попадался, можетъ быть потому, что сіи жестокіе звѣри или устрашились крика производимаго толикимъ множествомъ молодыхъ людей, идущихъ совокупно, и также пламени пылающаго отъ зажженныхъ свѣтильниковъ, или ушли въ другую сторону для хищной своей добычи; но какъ бы то ни было, ни одинъ изъ нихъ не осмѣлился насъ обеспокоить; напротивъ того жители одной деревни, чрезъ которую мы проходили, почитая бѣглецовъ нашихъ за точныхъ разбойниковъ чрезвычайно устрашились, и стараясь о своей безопасности подняли ужасной вопль, и выпустили противу насъ безчисленное множество собакъ, которыхъ они кормили единственно для всякихъ опасныхъ случаевъ, и которыя всѣ были удивительной величины, и свирѣпѣе всякаго волка или медвѣдя. Они отъ природы будучи люты и жестоки, и сверьхъ того поощряемы крикомъ своихъ господъ выбѣгаютъ и окружаютъ насъ со всѣхъ сторонъ; устрѣмляются на людей и на скотину безъ всякаго разбора; и ожесточась въ яро-

сти своей на всѣхъ, многихъ изъ нашихъ спутниковъ уязвили и повергли на землю. Поистиннѣ это было весьма удивительное, но больше того печальное и жалостное зрѣлище: ибо изъ великаго множества разъяренныхъ собакъ, иныя стремились за бѣгущими, иныя терзали стоящихъ и защищающихъ себя храбро, другія скакали по тѣламъ лежащихъ на земли, и пробѣгая чрезъ наше войско терзали все, что ни встрѣчалось съ ними.

Къ сему толь неожидаемому нещастію присоединилось еще другое и жесточайшее бѣдствіе: ибо сіи поселяне съ высоты своихъ домовъ и хижинъ, и также съ одного холма стоящаго по близости, метали въ насъ каменьями, которые въ безчисленномъ множествѣ падали на насъ подобно осеннему граду; и мы не знали, съ которой стороны должно намъ защищаться и убѣгать смерти; отъ собакъ ли нападающихъ на насъ вблизи, или отъ тучи камней поражающихъ насъ издали. Но по случаю одинъ камень проломилъ голову сидѣвшей на мнѣ женщинѣ, которая не могши

ши терпѣть боли сего удара, закричала плачевнымъ воплемъ, призывая на помощь къ себѣ своего мужа, которой былъ начальникомъ сихъ бѣглыхъ пастуховъ; онъ прибѣжавши и отирая кровь текущую изъ головы жены своей, возопилъ къ поселянамъ самымъ громкимъ голосомъ, и призывая въ свидѣтельство боговъ: „ Для чего, говоритъ имъ, для чего съ толикою яростію нападаете вы на бѣдныхъ прохожихъ, утружденныхъ дальнымъ путешествіемъ? или вы боитесь, чтобъ мы васъ не ограбили? какое учинили мы злодѣйство, за которое вы толь безчеловѣчно намъ теперь отмщаете? вы не въ мрачныхъ, кажется, живете пещерахъ, и не въ пустыхъ лѣсахъ, чтобъ вамъ съ такою лютостію и съ такимъ притомъ утѣшеніемъ проливать кровь человѣческую? едва онъ окончалъ сіи слова, какъ вдругъ безчисленное камней множество престало насъ поражать, и собаки повинуясь голосу своихъ господъ прекратили свою свирѣпость; послѣ сего одинъ изъ поселянъ взлѣзши на кипарисное дерево, говорилъ намъ такимъ образомъ: Что касается до насъ, то мы не съ намѣрені-

ренїемЪ ограбить васЪ, и обогатиться вашимЪ имѣнїемЪ, поступили сЪ вами такЪ свирѣпо, но чтобЪ избавить себя отЪ нападенїя сЪ вашей стороны; однако узнавЪ теперь, кто вы таковы, просимЪ извиненїя вЪ нашей ошибкѣ, и вы можете продолжать путь свой ужѐ безЪ всякаго себѣ вреда и опасности. Услышавъ сїе, отправились мы вЪ дорогу, будучи всѣ безЪ всякаго исключенїя ранены или каменьемЪ, или зубами собакЪ свирѣпыхЪ.

Шедши такимЪ образомЪ нѣсколько времени пришли мы вЪ прїятную рощу, вЪ которой дерева̀ были густы и высоки. Наши предводители заблаго разсудили остановиться вЪ семЪ мѣстѣ, чтобЪ отдохнуть, укрѣпиться пищею, и перевязать свои раны: и такЪ сѣдши на землю начали они немедленно обѣдать; послѣ чего поспѣшаютЪ изыскивать средства ко уменьшенїю боли своихЪ ранЪ; иные омываютЪ ихЪ вЪ ближнемЪ источникѣ, иные прикладываютЪ кЪ своимЪ язвамЪ Грецкїя губы наполненныя водою, иные перевязываютЪ ихЪ бѣлыми полотнами, словомЪ, всѣ сЪ возможнымЪ раченїемЪ стараются излѣчиться отЪ болѣзни.



Въ сіе самое время смотритъ на нихъ съ высоты ближняго холма одинъ старикъ, они его увидѣли, и по множеству козъ ходящихъ вокругъ его, легко догадались, что это былъ пастухъ. И такъ одинъ изъ нашихъ путешественниковъ спросилъ у него громкимъ голосомъ, не имѣетъ ли продажнаго молока или сыру; но старикъ покачавъ многократно своей головою; ахъ безразсудные, отвѣтствуетъ имъ, вы помышляете о пищѣ и питіи; или не извѣстна вамъ опасность мѣста, въ которомъ вы теперь находитесь? послѣ сего погналъ онъ свою скотину и удалился отъ насъ немедленно. Слова и бѣгство сего старика привели въ смущеніе нашихъ путешественниковъ, и какъ они разсуждали между собою съ крайнимъ ужасомъ и недоумѣніемъ, не имѣя притомъ никого, кто бы могъ расказать имъ, въ какомъ они находятся мѣстѣ, вдругъ увидѣли другаго старика согбеннаго уже старостію, и едва съ помощію палки къ нимъ идущаго. Наконецъ онъ приближился, и воззрѣвъ на нихъ скорбными и слезными очами, повергся къ ихъ ногамъ, и обнимая попеременно ихъ колѣни,

да

да благоволятъ боги, говоритъ имъ, чтобъ вы въ радости и въ цѣломъ здравіи достигли до такой же старости, какую я уже имѣю; но я васъ заклинаю вашимъ щастіемъ и духами, вашими хранителями, помогите отчаянному старику, которой лишается надежды имѣть по себѣ желаемое потомство: избавьте отъ челюстей смерти младаго отрока, и возвратите его моей старости: онъ внукъ мой и любезный спутникъ въ моемъ странствованіи. Онъ по случаю удалился отъ меня въ сторону, и стараясь поймать поющаго въ кустахъ чижика, упалъ нечаянно въ ближній ровъ, которой покрытъ былъ листьемъ и мѣлкимъ кустарникомъ: онъ еще живъ, но только уже близъ смерти, я знаю то по его плачевному и томному воплю, которымъ онъ призывалъ меня къ себѣ на помощь; но будучи столь слабъ и безсиленъ, какъ вы теперь видите, не могу я освободить его отъ горестной смерти, напротивъ того вы находясь въ цвѣтущихъ лѣтахъ и довольныя имѣя силы, вы можете легко помочь нещастному старику, и возвратить ему сего отрока, которой одинъ толь-



ко у него наслѣдникъ во всемъ поколѣніи.

Сіи убѣдительныя прозьбы, сіи слезы нещастнаго старика, терзающаго свои волосы, произвели во всѣхъ нашихъ пастухахъ чувствительное сожалѣніе. Одинъ изъ нихъ будучи всѣхъ моложе и отважнѣе, притомъ одинъ только, которой не былъ уязвленъ сельскими жителями, всталъ съ охотою, и пошелъ за старикомъ немедленно, онъ спросилъ у него о мѣстѣ, гдѣ упалъ бѣдный отрокъ, старикъ указалъ ему перстомъ терновый кустарникъ, находящійся отъ нихъ недалеко. Между тѣмъ, когда мы всѣ довольно насытились, и наши пастухи окончали свой обѣдъ и перевязали свои раны, то каждой изъ нихъ поклавши опять свое имѣніе въ сумку отправились въ дорогу, и кликали многократно товарища своего, которой ушелъ отъ нихъ со старикомъ; но безпокоясь его медлѣніемъ, послали они другаго, чтобъ онъ сыскалъ его и привелъ назадъ. Сей послѣдній возвращается къ нимъ немедленно весь трепеща отъ ужаса, и лице свое имѣя покрыто смертною




ною блѣдностію; онъ расказалъ имъ горестный случай приключившейся ихъ товарищу, говоря, что онъ видѣлъ его во рвѣ поверженнаго на спину и уже до половины разтерзаннаго, и близъ его страшнаго дракона, которой снѣдалъ его остатки; напротивъ того нещастнаго старика не могъ онъ нигдѣ увидѣть.

Странники наши услыша сію вѣсть, и соображая ее съ тѣми словами, которыя говорилъ имъ престарѣлый пастухъ съ высоты холма, узнали, что онъ предостерегалъ ихъ отъ сего ужаснаго змія, живущаго въ пріятныхъ сихъ мѣстахъ, и потому спѣшатъ удалиться отъ сея рощи, и для скорости усугубляютъ на спинахъ нашихъ палочные удары; препроводя не мало времени въ дорогѣ, пришли мы наконецъ въ небольшой городъ, и тамъ для отдохновенія остановились ночевать; я услышалъ въ немъ удивительную повѣсть, и такъ хочу ее вамъ расказать.

Находился въ городѣ семъ нѣкоторой невольникъ, которому госпо-

динъ его поручилъ всѣ свои дѣла и смотрѣніе надъ всѣмъ имѣніемъ, и которой въ томъ самомъ домѣ, гдѣ мы ночевали, имѣлъ довольное число товаровъ. Онъ женатъ былъ на одной также невольницѣ, служившей съ нимъ вмѣстѣ, но между тѣмъ влюбился онъ страстно въ одну женщину, которая была свободнаго состоянія, и притомъ не изъ одного съ нимъ дому. Жена его досадуя на сей поступокъ, и отчаяся отвлечь его отъ любовницы, сожгла бумаги, на которыхъ всѣ росходы и счеты мужемъ ея были записаны, сожгла притомъ все, что находилось въ его кладовой, но не довольствуясь симъ отмщеніемъ, за его къ ней ненависть и презрѣніе, вооружается она противъ самой себя, и противъ собственной своей крови, она опоясавшись веревкою и привязавъ къ себѣ оною младенца, которой рожденъ отъ сего супружества, бросилась съ нимъ въ глубокой колодезь. Господинъ огорченной нещастною ихъ смертію, поймалъ невольника, которой развращенными своими поступками довелъ ихъ до сего плачевнаго отчаянія, и приказалъ раздѣть его донага, на-

ма-

мазать съ ногъ до головы медомъ, и потомъ крѣпкою веревкою привязать къ смоковницѣ, у которой согнившее при корнѣ дупло наполнено было безчисленнымъ множествомъ муравьевъ. Едва только сіи насѣкомые почувствовали запахъ, происходящій отъ тѣла сего нещастнаго юноши, вдругъ прилѣпились къ его кожѣ, и маленькими своими жалами, хотя не жестоко, но непрестанно уязвляя, снѣдали его тѣло и внутренность; наконецъ по долговременномъ и жестокомъ мученіи обнажились его кости, которыя и нынѣ висятъ еще при деревѣ, будучи бѣлы и сухи чрезвычайно.

Мы оставили сей проклятый домъ и удалились отъ города, котораго жители оплакивали еще сіе нещастное приключеніе. Препроводя весь день въ дорогѣ, идучи по равной и не гористой землѣ, приближились мы къ одному изрядному и многолюдному городу; наши пастухи вознамѣрились въ немъ остановиться и основать себѣ въ немъ всегдашнее жилище: ибо сіе мѣсто казалось имъ способнымъ убѣжищемъ отъ всѣхъ поисковъ, какіе захотятъ за ними

учинить господа, отъ которыхъ они убѣжали, и притомъ всѣ съѣстные припасы, и прочіе товары были въ немъ весьма дешевы: и такъ они меня и всѣхъ другихъ ословъ и лошадей своихъ три дни кормили въ конюшнѣ, дабы за лучшую продать насъ цѣну, и на четвертый день вывели насъ на площадь для продажи.

Когда публичный провозвѣстникъ громкимъ голосомъ объявилъ цѣну каждаго изъ насъ, то всѣ прочіе мои сотрудники были куплены богатыми купцами, и я одинъ только остался; большая часть изъ пришедшихъ на торгъ проходили мимо меня не останавливаясь и смотрѣли съ крайнимъ на меня презрѣніемъ. Я досадовалъ на различные опыты, которые они дѣлали надъ моими зубами, чтобъ узнать мои лѣта; и потому схватя руку одного купца, которой гнилыми и пахучими своими перстами весьма часто скребъ мои десны, стиснулъ ее своими зубами съ возможнымъ усиліемъ, также мое неучтивство прогнало всѣхъ отъ меня купцовъ; и никто уже не хотѣлъ купить меня по причинѣ моей

свирѣпости. Тогда провозвѣстникъ ломая себѣ голову чрезмѣрнымъ крикомъ стократными предъ народомъ осыпалъ меня насмѣшками, долго ли, вопилъ онъ охриплымъ голосомъ, долго ли намъ безъ всякой пользы выставлять на торгъ мерзкую и подлую скотину, у которой ноги и копыта изломаны, цвѣтъ шерсти гнусной, и кожа не годится ужѐ на самое негодное рѣшето, и которая при всей дряхлости своей и лѣности весьма свирѣпа и неукротима? для чего мы не подаримъ ее комунибудь, естьли только къ щастію нашему сыщется какой роскошной человѣкъ, которой не пожалѣетъ потерять напрасно своего сѣна? Всѣ предстоящіе, слыша толь забавныя надо мною шутки, хохотали изъ всей мочи.

Но злая моя судьба, гонящая меня повсюду, и отъ которой не могъ я ни въ какихъ мѣстахъ сыскать себѣ убѣжища, или утолить ея гнѣвъ толь многими бѣдствіями великодушно мною понесенными, воззрѣла еще на меня злобными очами, и сыскала купца, которой бы могъ усугубить и продолжить мои нещастія; узнайте, кто онъ та-

таковъ. Это былъ престарѣлый Евнухъ почти совсѣмъ плѣшивой, и весьма малое число сѣдыхъ и кудрявыхъ волосовъ съ головы его висѣло; онъ былъ изъ сообщества презрѣнныхъ побродягъ, которые ходя по улицамъ и нося съ собою богиню Сирїйскую при звукѣ нестройныхъ музикїйскихъ орудїй, просятъ на ея имя у всѣхъ милостыни. Сей подлецъ, желая меня купить, спрашиваетъ у провозвѣстника, изъ какой я земли? ему отвѣтствуютъ, что я Каппадокїянинъ, и довольно имѣю силы и бодрости, Евнухъ хочетъ знать, много ли мнѣ лѣтъ: „ но провозвѣстникъ смѣяся; одинъ Астрологъ, отвѣтствуетъ ему, которой примѣчалъ и расположилъ созвѣздїе сего осла, увѣрилъ насъ, что ему еще только пять лѣтъ; однако, продолжалъ онъ, сїе животное лучше всѣхъ можетъ знать о себѣ самомъ, ибо я не сомнѣваюсь, чтобъ родители его не вписали его въ общїй гражданъ списокъ, и не объявили день его рожденїя; впрочемъ, хотя я сдѣлаюсь преступникомъ Корнелїева закона, естьли съ намѣренїемъ продамъ тебѣ свободнаго Римскаго гражданина, вмѣсто невольника, однако не опасайся и положись





жись на меня, купи себѣ толь изряднаго раба, которой тебѣ и въ полѣ и въ домѣ весьма будетъ полезенъ.

Презрѣнный Евнухъ торгуя меня, не преставалъ дѣлать вопросы о всѣхъ моихъ качествахъ и достоинствахъ. И въ заключенiе спросилъ еще, смиренъ ли я: ты не осла предъ собою видишь, отвѣтствуетъ ему провозвѣстникъ, но самаго смирнаго барана, которой готовъ все дѣлать, и всему повиноваться, притомъ не кусается, не бьетъ ногами, и такъ учтивъ и спокоенъ, какъ будто человѣкъ, зашитой только въ ослиную кожу; ты можешь все то испытать; положи голову свою между заднихъ его ногъ, и увидишь точно, какое онъ покажетъ тебѣ великодушiе.

Такимъ образомъ провозвѣстникъ шутилъ надъ престарѣлымъ Евнухомъ, но сей узнавши, что онъ ему насмѣхается, „пусть, кричитъ напротивъ съ гнѣвомъ, пусть всемогущая богиня Сирiйская (б) мать всея при-

(б) Сiя Богиня почиталась матерiю всѣхъ Боговъ. Иначе называется она Реею или Опсою.

природы, и святой (в) Саббацій, и Беллона, и Цибелла, и владѣтельная Венера съ своимъ Адонисомъ, пусть сдѣлаютъ тебя глухимъ, слѣпымъ и нѣмымъ, тебя проклятой крикунъ, которой столь долго надо мною смѣется? или думаешь ты негодной, что осмѣлюсь я положить нашу богиню на хребетъ свирѣпаго и подлаго осла, которой не приминетъ ее свергнуть на землю и раздробить въ мѣлкія части, и чтобъ я принужденъ былъ съ растрепанными волосами повсюду бѣгать и сыскивать для ея излѣченія средства? Слыша Евнуховы рѣчи вознамѣрился я свирѣпствовать подобно бѣснующемуся, дабы видя мою лютость перемѣнилъ онъ свое желаніе. Но сей подлецъ спѣша имѣть меня въ своихъ рукахъ предупредилъ мое намѣреніе, и отсчиталъ

---

Опсою. Мужъ ея былъ Целюсъ т. е. Небо и сіе значило, что всѣ въ мірѣ вещи произведены небомъ и землею.

(в) Савваціи тоже что Бахусъ, отъ Греческаго слова σαβάζειν т. е. производить шумъ, или крикъ: ибо въ праздникъ Бахусовъ всѣ шумѣли и кричали. Иные писатели говорятъ, что Савваціи былъ сынъ Бахусовъ.

шалъ въ минуту господину моему семнатцать денарій, которой принявъ ихъ съ великимъ удовольствіемъ, и отдалъ меня немедленно Филебу, (такъ назывался Евнухъ, мой новый господинъ) которой взявши за узду повелъ меня въ свое жилище; входя въ домъ кричитъ онъ изъ всей мочи, „ слушайте молодыя дѣвушки, я привелъ вамъ добраго слугу въ сей только часъ мною купленнаго. Но представьте себѣ, кто таковы сіи дѣвушки; это были Евнухи, которые вдругъ и съ чрезвычайною радостію охриплымъ и женоподобнымъ своимъ голосомъ произвели нестройной крикъ, думая, что въ самой вещи приведенъ къ нимъ какой нибудь невольникъ способный служить имъ во всякомъ случаѣ; но увидя, что не Еленица вмѣсто Агамнемноновой дщери, какъ то сдѣлалось въ Авлидѣ, но подлый оселъ приведенъ вмѣсто мущины, нахмурили они свои лица и безчисленными колкими насмѣшками язвили своего начальника, и потомъ уже привязали меня къ яслямъ.

Въ презрѣнномъ сихъ Евнуховъ обществѣ находился одинъ молодой человѣкъ

вѣкъ собою толстъ, высокъ и статенъ, и притомъ игралъ весьма хорошо на габоѣ. Они его купили на площади, на которой обыкновенно продаются невольники; онъ служилъ имъ въ числѣ музыкантовъ, когда они ходили съ своею богинею по торжищамъ и улицамъ; но въ домѣ, принуждали его исполнять должность совсѣмъ противную. . . Сей юноша увидя меня привязаннаго къ стойламъ, принесъ мнѣ немедленно сѣна и овса весьма довольно, и восхищаясь радостію говорилъ: „наконецъ ты пришелъ вспомоществовать мнѣ въ несносныхъ трудахъ! да благоволятъ боги, чтобъ жизнь твоя продлилась, и чтобъ понравился ты моимъ господамъ!„ Слыша такія ласковыя слова уже воображалъ я въ умѣ своемъ, сколь великимъ опасностямъ и бѣдствіямъ долженъ я еще подвергнуться.

Въ слѣдующій день одѣлись они въ платье гнуснымъ и смѣшнымъ покроемъ ситтое, и распещренное разными цвѣтами, иные изъ нихъ имѣли на себѣ епанчи льняныя, другіе шелковыя, иные шафраннаго цвѣту, и нѣкоторые

имѣли

имѣли бѣлые, намазанные по мѣстамъ пурпуровою краскою; всѣ препоясаны чудными поясами; на головахъ ихъ были шапки отмѣннаго и только имъ свойственнаго вкусу, лица ихъ были намазаны воскомъ и грязью, брови раскрашены и расписаны; на ногахъ были туфли желтые. Въ такомъ удивительномъ убранствѣ, выходятъ они для собиранія милостыни. Богиню свою прикрывши полотномъ шелковымъ, положили ко мнѣ на спину, обнаживъ свои руки до самыхъ плечь, и держа въ нихъ сѣкиры и превеликіе ножи, начали они дорогою скакать при звукѣ роговъ и другихъ музикійскихъ (г) орудій съ чрезвычайнымъ восторгомъ и радостію подобно торжествующимъ въ Бахусовъ праздникъ.

Прошедши мимо нѣкоторыхъ сельскихъ хижинъ и малыхъ домиковъ, пришли они въ деревню весьма богатаго человѣка; приближась къ воротамъ его дому произвели крикъ и вопль чрез-



(г) Фригійская музыка употребляема была при священныхъ обрядахъ. Лидійская при печальныхъ случаяхъ. Дорическая на войнѣ.

вычайной, и какъ только вступили оні въ домъ сей подобно бѣснующимся, то начали обращать головы свои на всѣ стороны, искривляя шеи свои различнымъ образомъ, растрепавъ свои волосы вертѣли ихъ кругомъ, кусая всякъ свои плеча, и наконецъ каждой изъ нихъ давалъ себѣ раны обоюднымъ ножемъ. Притомъ находился между ими и такой Евнухъ, которой казался въ вящшемъ восторгѣ, нежели всѣ его товарищи; онъ притворился совсѣмъ ужѐ безумнымъ и тяжкія испуская стенанія отъ глубины сердца, старался увѣрить, что онъ исполненъ вдохновеніемъ нѣкотораго божества; будтобы изліяніе божественнаго духа бываетъ обыкновенно пагубнымъ для смертныхъ дарованіемъ, и дѣлаетъ ихъ слабыми и немощными. Но познайте, какое онъ отъ божескаго провидѣнія получилъ себѣ воздаяніе. Онъ началъ сперва громкимъ и пророческимъ голосомъ обвинять себя ложно преступникомъ и нарушителемъ священныхъ законовъ благочестія, потомъ требовалъ чтобъ собственными своими руками наказалъ себя сразмѣрно своему злодѣянію, и въ тоже самое время схватилъ онъ бичь, обыкновенное

венное орудіе сихъ безчестныхъ полумужей, которой свитъ былъ изъ долгихъ льняныхъ веревокъ, и гдѣ вплетены также бараньи косточки сдѣланныя многоугольнымъ видомъ; симъ бичемъ ударяя онъ себя по всему тѣлу многократно, растерзалъ на себѣ всю кожу, терпя съ удивительнымъ великодушіемъ самовольное сіе мученіе. Весь полъ въ домѣ семъ омоченъ былъ кровію текущею изъ ранъ сихъ нечестивцевъ, которые бичами и ножами изуродовали свое тѣло; сіе странное зрѣлище весьма духъ мой безпокоило: ибо видя кровь текущую повсюду струями, опасался я, чтобъ желудокъ сея чудныя богини равнымъ образомъ не пожелалъ ослиной крови, какъ то желудокъ нѣкоторыхъ людей требуетъ иногда молока изъ сосцевъ ослициныхъ.

Наконецъ утомившися, или почитая, что уже довольно себя терзали и мучили, прекратили они свое бѣшенство; тогда великое множество народа вокругъ ихъ тѣснится, и одинъ предъ другимъ съ возможнымъ усердіемъ подаетъ имъ мѣдные или серебряные деньги, которые презрѣнные сіи твари

 кла-

кладутъ себѣ въ пазуху, сверьхъ того дали имъ боченокъ вина, дали молока, сыру, яицъ, притомъ ячменной и пшеничной муки, а нѣкоторые по особенной ревности давали имъ немолотаго ячменю и для осла, какъ для вѣрнаго носильщика сея богини. Всѣ сіи подаянія принимали Евнухи безъ всякой отговорки и положивъ ихъ въ мѣшки единственно для сихъ мѣлочей пріуготовленные, обременили меня оными; тогда неся я на спинѣ своей съѣстные ихъ припасы, и также истуканъ богининъ служилъ имъ въ одно время и храмомъ и житницею. Такимъ образомъ ходя повсюду сіи нечестивцы собирали оброкъ со всѣхъ жителей.

Въ нѣкоторой день получивъ они весьма богатую добычу вознамѣрились повеселиться въ одномъ маленькомъ замкѣ; для сего торжества выпросили они у достаточнаго поселянина самаго жирнаго барана, говоря, что богиня ихъ давно уже ничего не ѣла, и потому бараномъ симъ хочетъ нынѣ утолить свой голодъ. Пріуготовя все нужное къ великолѣпному своему пиршеству, пошли они въ баню; немного спустя времени

мени возвращаются оттолѣ, и ведутъ съ собою одного сильнаго и здороваго поселянина, котораго они пригласили къ себѣ на торжественный обѣдъ. Сѣдши за столъ ѣли они весьма мало и то на скорую руку, послѣ того нечестивые сіи полумужи, убѣдили приведеннаго поселянина. . . . Но долженъ ли я изъясняться! не могши терпѣть толь студнаго беззаконія, хотѣлъ я закричать о граждане! однако не могъ я ничего выговорить кромѣ первой буквы О, которую произнесъ я голосомъ яснымъ, громкимъ и свойственнымъ ослу; но это было весьма неблаговременно: ибо великое множество молодыхъ людей которые вышедши изъ ближняго села искали повсюду осла своего, украденнаго у нихъ ночью, услышавъ мой крикъ, и думая, что непремѣнно ихъ оселъ заключенъ въ семъ мѣстѣ, вбѣжали немедленно въ домъ нашъ въ то самое время, когда Евнухи ничего не опасаясь, упражнялись въ гнусныхъ своихъ студодѣяніяхъ. Молодые люди призываютъ въ тотъ же часъ всѣхъ окрестныхъ сосѣдей и расказываютъ имъ все, что они собственными видѣли очами, похваляя между тѣмъ съ язвительною насмѣшкою непорочность

и чистоту сихъ толико прославляемыхъ жрецовъ, которые толь печальнымъ приключенiемъ разнесшимся уже по всему народу и навлекшимъ на нихъ отъ всѣхъ ненависть и презрѣнiе, чувствительно будучи постыждены и опечалемы, собираютъ свои пожитки, и въ самую полночь уходятъ изъ сего замка путемъ потаеннымъ.

До восхожденiя утренней зари немало они совершили пути, и уже при свѣтѣ солнечномъ пришедши въ отдаленныя и пустыя мѣста, начали они разсуждать между собою, чтобъ меня умертвить: и такъ снявъ со спины моей богиню и всѣ прочiе припасы кладутъ ихъ на землю, потомъ привязавъ меня къ дубу ударяли бичами своими столь долго и безчеловѣчно, что я готовился уже испустить послѣднiй духъ свой. Находился между ими одинъ продерской Евнухъ, которой вознамѣрился топоромъ своимъ отсѣчь мнѣ всѣ ноги, однако прочiе не изъ сожалѣнiя ко мнѣ, но изъ почтенiя къ богинѣ лежащей на земли, вознамѣрились оставить меня въ живыхъ. И такъ отягощаютъ опять хребетъ мой бременемъ,

и

и посѣщая палками увѣщевают меня итти без лѣности; наконец вступили мы в нѣкоторой пространной город, в котором один самый знаменитый житель, муж благочестивой, и усердный богочтец, услыша пріятную Фригійскую музыку, звук кимвалов и разных труб, вышел к нам на встрѣчу немедленно, и принял богиню в дом свой с удивительным благоговѣніем. Он для всѣх нас, как для желанных своих гостей опредѣлил пространные и веселые покои, притом всѣми способами старается умилостивить нашу богиню, принося ей с крайним усердіем самыя тучныя жертвы. Но что касается до меня, то я, не смотря на покровительство богини, едва не лишился в домѣ сем жизни своей: ибо один поселянин поймал на ловлѣ весьма хорошаго оленя, и как он был подданной нашему гостепріимцу, то подарил ему в знак чести самую жирную звѣря сего лядвею; которую и повѣсили в поварнѣ за дверьми, но по неосторожности не очень высоко; ловчій пес ее увидя не преминул воспользоваться глупостію повара, и схватив

лядвею сокрылся весьма искусно. Повар узнав о сем нещастном случае ругал и проклинал себя стократно за свою неосторожность; он в горести и печали своей проливал отчаянныя и безполезныя слезы, и воображая люшость наказанія, которому господин его подвергнет, прощается он с своим маленьким сыном находившимся по случаю в поварнѣ, и прицѣпляет на гвоздь веревку, чтоб заблаговременно удавиться; но жена его увѣдомясь в туже минуту о сем отчаянном мужа своего предпріятіи, прибѣгает к нему немедленно, и ухватясь обѣими руками за веревку, которую он ужѐ держал; как! вопит ему со слезами, ужѐли страх нанесенный тебѣ толь малым нещастіем уничтожил разсудка твоего силу? или не видишь ты спасительнаго средства, дарованнаго тебѣ провидѣніем божеским? и так естьли хотя одна искра здраваго разсудка осталась в тебѣ при сем бѣдствіи, то послушай меня со вниманіем: ты знаешь что Евнухи привели сюда осла, отведи его в отдаленное мѣсто и там заколи, потом отсѣки ему одну лядвею которая без

се-

сомнѣнія будетъ походить на оленью, и свари ее въ горшкѣ съ самой лучшей приправою, и когда потребуютъ, подай ее господину ничего не опасаясь: негодной поваръ заблаго разсудилъ сохранить свою жизнь моею смертію, и такъ безчисленными превознося хвалами острую жены своей выдумку, началъ острить ножъ для исполненія толь мудраго ея совѣта.

КОНЕЦЪ ОСЬМОЙ КНИГИ.





# ПРЕВРАЩЕНІЕ
## ИЛИ
# ЗОЛОТОЙ ОСЕЛЪ.



## *КНИГА ДЕВЯТАЯ.*

Такимъ образомъ проклятый сей палачь вооружалъ противу меня беззаконныя свои руки. При такой видимой опасности не должно было мнѣ терять ни одной минуты времени; дѣло сіе требовало скораго рѣшенія. И такъ вознамѣрился я спасаться бѣгствомъ отъ грозящей мнѣ смерти, и немедленно прервавъ ремень, которымъ я былъ къ яслемъ привязанъ, полетѣлъ съ возможною быстротою, и чтобъ никто не осмѣлился меня удержать, лягался задними ногами. Проскакавъ переходы и сѣни вбѣжалъ я безъ всякаго сомнѣнія въ

въ столовую залу, въ которой благочестивой господинъ угощалъ жрецовъ мясами различныхъ скотовъ закланныхъ на жертву Сирійской богинѣ, я ломаю стулье и столы, опрокидываю пріуготовленное кушанье и все прочее торжественное убранство повергаю на землю. Господинъ изумленный толь неожидаемымъ приключеніемъ приведшимъ все въ крайній беспорядокъ, приказалъ своему слугѣ заключить меня и запереть накрѣпко въ безопасное мѣсто, боясь, чтобъ я и въ другой разъ не посѣтилъ его столовой, и свирѣпствомъ своимъ не привелъ въ замѣшательство пирующихъ гостей. Сею хитрою выдумкою избавившись отъ убійственныхъ рукъ проклятаго повара, весьма я радовался видя себя въ темницѣ которая служила мнѣ убѣжищемъ отъ смерти.

Но могутъ ли смертные основать и утвердить свое благополучіе, естьли ихъ намѣренія не согласны съ волею упрямой фортуны? поистиннѣ все человѣческое искуство и благоразуміе не можетъ ни противиться роковому божественнаго промысла расположенію, ни премѣнить вѣчныхъ судьбы законовъ.

Изо-

Изобрѣтенная мною выдумка спасшая меня отъ лютости повара на нѣсколько времени, сія самая выдумка повергла меня въ другое не меньше опасное бѣдствіе: ибо одинъ слуга, какъ я послѣ ужѐ слышалъ отъ прочихъ домовыхъ служителей разговаривающихъ между собою о семъ случаѣ, вбѣжавши съ трепетомъ и внѣ себя въ столовую залу, увѣдомляетъ господина своего, что изъ ближняго переулка вбѣжалъ къ нимъ на дворъ чрезъ заднія ворота взбѣсившійся песъ и съ яростію бросился на ловчихъ собакъ, потомъ устремился въ ближнюю конюшню и уязвилъ многихъ лошадей и другихъ животныхъ, и что наконецъ отъ свирѣпства его не могли спастися и люди, изъ которыхъ изкусалъ онъ Мартилла ревностнаго пастуха муловъ, повара Эфестіона, комнатнаго слугу Гиппатія, и лекаря Аполлонія, и другихъ многихъ служителей, которые отважились выгонять его изъ дому, къ сему присовокупилъ устрашенный слуга, что многія лошади уязвленныя зубами сего пса, чувствуютъ ужѐ дѣйствіе и силу ядоносной заразы.

Сія вѣсть привела въ смущеніе всѣхъ бывшихъ тогда въ залѣ; они вспомня мое свирѣпство и не сомнѣваясь, чтобъ я не былъ уязвленъ бѣшеной собакою, вооружились всѣмъ, что могло только попасться имъ въ руки, потомъ увѣщевая другъ друга къ отвращенію угрожающей напасти, устремились на меня, и почитая меня бѣшенымъ, сами они больше походили на бѣснующихся. Мечи, копья и сѣкиры ихъ безъ сомнѣнія растерзали бы тѣло мое на мѣлкія части, естьли бы я по благоразумію своему не убѣжалъ отъ ихъ лютости въ одну комнату опредѣленную для успокоенія господъ моихъ Евнуховъ. Тогда бѣжавшіе мнѣ во слѣдъ заперли отъ внѣ за мною двери и держали меня въ крѣпкой осадѣ, надѣясь что ядъ зубовъ песьихъ умертвитъ меня скоро и безъ ихъ оружія; тогда находясь одинъ на свободѣ, вознамѣрился я воспользоваться благопріятнымъ случаемъ дарованнымъ мнѣ фортуною; я легъ на постелю какъ будто человѣкъ и уснулъ весьма спокойно; ибо съ самаго времени превращенія моего не имѣлъ я случая наслаждаться такимъ отдохновеніемъ.

Возобновя на мягкой сей постелѣ истощенныя мои силы, всталъ я въ изрядномъ расположенiи. Ужѐ день наступилъ давно, и я слышу, что слуги приставленные меня стеречь разговаривали между собою въ мою пользу: можно ли вѣрить, говорили они, чтобъ сей бѣдный оселъ могъ всегда быть въ свирѣпой лютости? не больше ли должно думать, что ужѐ ядъ истощилъ свою силу, и бѣшенство уничтожилось? всякой изъ нихъ давалъ на сiе свое мнѣнiе, однако всѣ согласились, чтобъ испытать меня, и такъ смотря сквозь дверную скважину увидѣли они, что я лежу спокойно, какъ должно здоровому и смирному животному; они отворили дверь и примѣчали съ возможнымъ вниманiемъ, ужѐ ли я престалъ бѣситься. Одинъ изъ нихъ, какъ будто посланной богами для сохраненiя моей жизни, предложилъ товарищамъ своимъ изрядное средство, по которому бы узнать, здоровъ ли я: оно состояло въ томъ, чтобъ поставить передъ меня большой сосудъ наполненной водою, и естьли, говорилъ онъ, подойду я безъ всякаго отвращенiя къ сей водѣ, то знакъ достовѣрный, что ужѐ заразитель-

тельная болѣзнь во мнѣ прешла, но когда побѣгу прочь и буду гнушаться сей водою, то нѣтъ сомнѣнія, что ядъ еще дѣйствуетъ. Добрый сей юноша присовокупилъ къ тому, что сей опытъ и въ древнія времена употребляемъ былъ въ такихъ нещастныхъ приключеніяхъ, и что онъ написанъ въ книгахъ знаменитыхъ лекарей.

Совѣтъ добраго слуги былъ всѣми одобренъ. Въ туже минуту наполняютъ они превеликой сосудъ чистою водою взятою изъ ближняго источника, и ставятъ его предъ меня, остерегаясь однако еще моей свирѣпости. Я немедленно къ нему приближился, и погрузя въ него почти всю голову, пилъ сію свѣжую воду тѣмъ съ бо́льшею охотою, что она и жажду мою утоляла и служила мнѣ спасительнымъ средствомъ къ избѣжанію смерти; наконецъ слуги начали меня гладить, трогать за уши, водить по комнатѣ, и другіе разные дѣлать со мною шутки, я повиновался во всемъ, и учтивыми своими поступками доказалъ наконецъ имъ, что они несправедливо имѣли о мнѣ прежде худое мнѣніе.

Та-

Такимъ образомъ избавился я отъ двухъ величайшихъ опасностей. Въ слѣдующій день положили ко мнѣ на спину истуканъ богининъ со всѣми принадлежащими ей вещами; при звукѣ разныхъ музикійскихъ орудій отправились Евнухи въ дорогу для собиранія милостыни въ другихъ мѣстахъ. Прошедши довольное число деревенскихъ хижинъ и также маленькихъ за́мковъ, вступили мы наконецъ въ большую деревню стоящую на развалинахъ города, которой нѣкогда былъ великъ, богатъ и многолюденъ, какъ намъ сказывали поселяне: мы взошли въ первую гостиницу бывшую по близости къ дорогѣ, и тамъ раскaзали намъ весьма забавное приключеніе, какимъ образомъ одна распустная женщина обманула своего мужа, будучи всегда ему невѣрна. Мнѣ хочется чтобъ и вы знали сію смѣшную исторію. Послушайте:

Бѣдный сей мужъ жилъ въ крайнемъ убожествѣ, и едва рукъ своихъ трудомъ могъ получать себѣ пропитаніе; жена его была столько же бѣдна, но впрочемъ славна своимъ бесчестнымъ житіемъ. Въ нѣкоторой день пошелъ

онъ

онъ поутру на свою работу; а между тѣмъ любовникъ его жены вбѣжалъ тайно въ его маленькую хижину. Ужѐ начали они забавляться сладостными утѣхами, ничего не опасаясь; какъ вдругъ убогой мужъ ея, которой ни мало ее не подозрѣвалъ, и не зналъ ея негодныхъ поступокъ, возвращается домой сверьхъ ея чаянія; онъ видя запертыя ворота̀ похваляетъ внутренно жену свою за такую осторожность; онъ стучится и свиститъ, дабы дать ей знакъ, что онъ, а не другой кто, пришелъ къ воротамъ: коварная жена ужѐ давно привыкшая къ такимъ неожидаемымъ случаямъ, удаляетъ отъ себя любовника и немедленно сажаетъ его въ старой пустой чанъ, которой стоялъ въ углу и былъ до половины вкопанъ въ землю; потомъ отворивши ворота̀ мужу, встрѣчаетъ его съ досадою и укоризнами; для чего ты лѣнивецъ, говоритъ ему, возвращаешься домой съ пустыми руками? для чего не продолжаешь работы своей, чтобъ получить сколько нибудь денегъ и купить хлѣба на сегоднишный обѣдъ? я нещастная, я днемъ и ночью ломаю свои персты сидя за прялицею, дабы

купить свѣчку, при которой бы продолжать свои труды вечеромъ. Ахъ! сколь благополучна и щастлива предо мною Дафна моя ближняя сосѣдка! она съ самаго утра сѣдши за великолѣпной столъ пьетъ, ѣстъ и забавляется съ своими любовниками.

Добродушный мужъ удивляяся такой встрѣчѣ, что ты безпокоишься? отвѣчаетъ женѣ своей, хотя господинъ, у котораго я нанимался работать поденно, будучи занятъ судебными дѣлами, не далъ мнѣ сего дни никакой работы, однако я промыслилъ, что намъ обѣдать; видишь ли продолжалъ онъ, сей безполезный чанъ, которой столь много занимаетъ мѣста въ нашей хижинѣ и не годится ни на какое употребленіе; я его продалъ за пять денарій, и купецъ уже скоро придетъ чтобъ его у насъ взять; и такъ помоги мнѣ вынять его изъ земли, дабы отдать съ рукъ на руки доброму человѣку. Изрядно! вскричала хитрая жена, смѣясь притомъ изъ всей мочи, видно что весьма хорошо умѣетъ торговаться мой любезный мужъ продавши за пять денарій толь великой

чанъ,

чанъ, которой я будучи женщина всегда сидящая въ домѣ и не знающая цѣны никакимъ товарамъ, уже давно продала за седмь денарій. Мужъ обрадовавшись прибавкѣ цѣны, кто же, говоритъ женѣ своей, купилъ сей чанъ за толь великія деньги? какъ ты глупъ бѣдняшка, отвѣтствуетъ ему жена, уже не мало тому времени какъ сей благосклонный купецъ находится въ чанѣ разсматривая всѣ его края. Искусный любовникъ вмѣшался въ шутки сіи весьма благовременно, и поднявъ голову свою изъ чана, государыня моя, говоритъ женщинѣ, позвольте мнѣ сказать самую правду; чанъ вашъ весьма ветхъ и во многихъ мѣстахъ уже разщеплялся; потомъ оборотясь къ мужу и будто его не знаетъ; а ты добренькой человѣкъ, продолжаетъ онъ, принеси пожалуй скорѣе сюда зажженную свѣчу, чтобъ я при ясномъ свѣтѣ могъ лучше разсмотрѣть, годится ли онъ къ чему нибудь; ибо деньги у меня недаровыя, и я не хочу также тратить ихъ напрасно. Благоразумный и догадливый мужъ безъ всякаго медленія и ни мало не подозрѣвая зажигаетъ свѣчу, и говоритъ мнимому купцу, извольте

другъ мой вылѣзть изъ чана, и пустите въ него меня, я постараюсь его совсѣмъ вычистить. Въ туже минуту снимаетъ онъ съ себя верхнее платье, беретъ огонь, и опустившись въ чанъ, начинаетъ въ немъ отскребать присохшіе дрожжи, и законопачивать скважины. Лукавая жена нарочно пониже наклонилась въ чанъ и шутя надъ своимъ мужемъ указывала ему, которыя мѣста долженъ онъ поправить; вотъ здѣсь разсѣлина, говорила она, вотъ тутъ другая, вотъ въ томъ-то углу нечисто; но между тѣмъ любовникъ ея. . . . и наконецъ добродушной мужъ взявши седмь денарій принужденъ былъ еще нести сей чанъ до самаго дому сего великодушнаго купца.

Святые жрецы богини Сирійской проживъ нѣсколько дней въ сей деревнѣ, всегда пиршествуя на счетъ поселянъ, и собравъ довольное число денегъ и другихъ нужныхъ вещей, благословляя весь народъ и предсказывая всякому благополучное окончаніе дѣлъ, изобрѣли новое средство къ полученію прибытка. Они выдумавъ одинъ отвѣтъ,

вѣтъ, которой ко всѣмъ случаямъ могъ относиться, обманывали онымъ всѣхъ, которые приходили къ нимъ просить совѣта въ различныхъ своихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ. Пророчество сіе заключалось въ сихъ словахъ:

*Волы сопокупясь подъ тягостное время*
*Съ тѣмъ тщатся глубину земную разперзать,*
*Чтобъ земледѣлецъ могъ обильнѣй плодъ собрать*
*Когда приближится желанной жатвы время.*

И такъ естьли кто хотѣлъ знать отъ нихъ, счастливъ ли будетъ бракъ его, которымъ онъ намѣренъ соединиться съ нѣкоторой дѣвицею; говорили, что пророчество на вопросъ сей даетъ отвѣтъ не ложной; и что долженъ онъ возложить на себя брачное иго и родить потомъ изрядныхъ дѣтей. Другой спрашиваетъ у нихъ, удачна ли будетъ ему покупка нѣкоторыхъ деревень; они его намѣреніе хвалили утверждая, что пророчество обѣщаетъ ему плодоносную жатву. Третій спрашиваетъ благополучно ли будетъ его путе-

шествіе, отвѣтствовали ему, что самыя смирныя животныя уже находятся вмѣстѣ подъ однимъ ярмомъ, и готовы отправиться въ путь, и что плодородіе земли значитъ великую прибыль, которую онъ получитъ отъ своего странствованія. Равнымъ образомъ, естьли кто совѣтовался съ ними долженъ ли онъ вступить въ сраженіе съ непріятелями, или гнаться въ слѣдъ за разбойниками; Евнухи обѣщали ему, отвѣтомъ своимъ побѣду, и что непріятели подобно какъ волы, подвержены будутъ рабскому игу.

Такимъ хитрымъ образомъ пророчествуя о будущемъ, собрали они съ народа весьма великую подать; но утрудясь непрестанными подлой черни вопросами, на которые всегда принуждены были одинакой давать отвѣтъ, вознамѣрились они продолжать путь свой дорогою стократно худшею, нежели какова была прежде: ибо она была скользска и покрыта грязью, повсюду видны были ямы и рвы наполненные до половины тиною. Я падая весьма часто и разбивъ свои колѣни и все тѣло, едва дошелъ наконецъ до спокой-

ной

ной дороги лежащей на равномъ полѣ; въ семъ мѣстѣ вдругъ нападаютъ на насъ вооруженные всадники, и едва удержавъ быстроту своихъ коней, устремляются они съ яростію на Филеба, и на всѣхъ его товарищей, потомъ ухватя всѣхъ за воротъ бьютъ безъ всякой пощады, называя ихъ безстыдными и святотатцами; наконецъ вяжутъ ихъ крѣпкими веревками, повторяя имъ непрестанно, чтобъ они выняли изъ мѣшковъ своихъ золотую чашу, чтобъ возвратили сей сосудъ, которой драгоцѣннымъ своимъ блескомъ ослѣпилъ имъ глаза и принудилъ учинить святотатство; сей сосудъ, которой они похитили тайно съ самаго жертвенника священныя матери боговъ, въ то время, когда заключась въ ея храмѣ умышленно совершали сокровенныя свои тайны; а потомъ еще предъ восхожденіемъ солнца вышли изъ города никому не сказавшись; думая, что такое ихъ беззаконіе можетъ избѣжать достойной казни. Въ туже минуту одинъ изъ храбрыхъ всадниковъ запуствивъ свою руку внутрь богинина истукана, которой спокойно лежалъ на моей спинѣ.



вынялъ оттолѣ золотую чашу, и показалъ ее всѣмъ своимъ товарищамъ.

Презрѣнные жрецы видя себя уличенными въ явномъ святотатствѣ ни мало не устрашились, и не покраснѣли отъ стыда; но обращая все дѣло въ шутку; о небо, кричали они, какое несправедливое безчеловѣчіе! сколько людей нещастныхъ страждутъ иногда безъ всякой вины! мы будучи невинные жрецы, и не учинивъ ни малѣйшаго преступленія подвергаемся опасности потерять жизнь свою за одну только чашу, которую мать боговъ подарила Сирійской богинѣ, какъ любезной своей сестрѣ пришедшей навѣстить ее изъ далекихъ странъ. Однако сими и подобными тому шутками не могли они отговориться отъ храбрыхъ всадниковъ, которые отвели ихъ въ городъ и посадили въ подземную темницу. Золотую чашу положили обратно въ храмъ вмѣстѣ съ богинею, которая толь долго обременяла мою спину. Въ слѣдующій день отведенъ я былъ на рынокъ, и публичной провозвѣстникъ вторично выкликалъ желающихъ меня купить. Нѣкоторой мельникъ изъ одного ближ-

ближняго за́мка купилъ меня седмью денаріями дороже, нежели безчестной Филебъ; онъ положа на спину мою большой куль пшеницы въ томъ же городѣ купленной, повелъ меня въ свой домъ; доро́га была чрезвычайно дурна, камениста, завалена хворостомъ и всякой дрянью; наконецъ мы пришли къ его жилищу, я увидѣлъ тамъ множество лошадей и муловъ, которые обращали различныя мельницы, и сія ихъ работа не днемъ только, но и въ самую ночь при зажженной свѣчѣ продолжалась. Но мой новой господинъ не хотя меня вдругъ устрашить толь несносны́мъ трудомъ, принялъ меня очень ласково и чрезъ весь сей день стоялъ я въ конюшнѣ, имѣя при себѣ довольно сѣна и овса; однако сіе мое щастіе, чтобъ ничего не дѣлать, а только ѣсть хорошо, весьма не долго продолжалось: въ слѣдующей день закрывъ мою голову пустили меня въ маленькой ровъ, которой составлялъ изъ себя кругъ, чтобъ я въ немъ ходя и обращаясь непрестанно кругомъ вертѣлъ тяжелую мельницу, которая мнѣ казалась больше всѣхъ прочихъ.

Я не забывая обыкновенныхъ моихъ хитростей показывалъ себя весьма худымъ ученикомъ въ семъ искуствѣ; и хотя будучи еще человѣкомъ многократно видалъ я какимъ образомъ должно вертѣть столь великія тяжести; однако, будто ничего не зная остановился при самомъ началѣ. Я надѣялся, что видя меня неспособнымъ къ сему упражненію, опредѣлятъ на другую, можетъ быть, легчайшую работу, или оставятъ въ конюшнѣ, и дозволятъ ѣсть сѣно и овесъ не требуя никакихъ отъ меня услугъ: но мое лукавство ни мало не послужило мнѣ въ пользу и я очень дорого платилъ за него боками и спиною: ибо премножество работниковъ вооружась дубинами окружили меня, и какъ мои глаза были завязаны, то не могши видѣть ихъ намѣренія стоялъ я еще спокойно. Вдругъ они всеобщимъ крикомъ дали знакъ, и въ минуту обременили меня ударами. Я воплемъ ихъ столько былъ устрашенъ, что оставя всѣ хитрости пустился изъ всей мочи бѣгать кругомъ, и вертѣть мельницу. Видя толь нечаянную поступка моего перемѣну всѣ работники отъ добраго сердца хохотали. Когда

Когда уже день склонялся къ вечеру, то освободивъ меня отъ тягостнаго бремени отвели къ стойламъ, но я хотя былъ весьма утомленъ и голоденъ, и имѣлъ нужду подкрѣпить свои силы пищею, которой довольно лежало въ моихъ яслехъ; однако оставя все, не преминулъ я любопытнымъ окомъ разсматривать всѣ средства и способы которыми управляема и приводима была въ скорое движенiе ужасная тяжесть мельницъ. Боже мой! какого рода были тѣ люди, кои трудились внутри мельницъ, тѣло ихъ было все изуродовано палочными ударами; изъязвленныя ихъ спины едва прикрыты были раздранными одеждами, нѣкоторые изъ нихъ имѣли только ветхiе запоны, и самымъ лучшимъ образомъ одѣтые имѣли наружи почти всѣ свои члены; волосы ихъ были до половины обриты; а лбы (а) заклеймены,

---

(а) Когда рабы учинивъ какое преступленiе убѣгали отъ своихъ господъ и были опять пойманы, то каленымъ желѣзомъ клеймили имъ лобъ, на пр. кто украдши что нибудь убѣжалъ, у того было послѣ наклеймено. Cave a fure, берегись вора.

мены, на ногахъ звучали желѣзныя оковы, сверьхъ того по причинѣ блѣдныхъ своихъ лицъ казались они страшными привидѣніями, жаръ огня соединенный съ густымъ дымомъ исходящимъ отъ печей, въ которыхъ печены были хлѣбы, изуродовалъ ихъ глаза̀ и лишилъ почти зрѣнія, они были всѣ покрыты мукою, подобно какъ сражающіеся бойцы земною пылью.

Но что я могу сказать о скотахъ, о моихъ всегдашнихъ сотрудникахъ? какою кистью могу ихъ описать? сколько видѣлъ я въ семъ мѣстѣ престарѣлыхъ муловъ, изуродованныхъ и дряхлыхъ лошадей? они повѣся голову стояли около своихъ яслей питаясь соломою; ихъ шеи покрыты были ранами; отъ всегдашняго кашля и хрипѣнія раздувались ихъ ноздри; толстыми и жоскими веревками, которыми прицѣпляли ихъ для обращенія мельницъ, истерты были ихъ груди и переднія лопатки; на ихъ бокахъ отъ палочныхъ ударовъ выдны были голыя только ребра; копыта ихъ были разплющены и разбиты, и вся ихъ сухая кожа покрыта была гнусными струпами.

Воспоминая прошедшее благополучіе, которымъ наслаждался я будучи въ видѣ человѣческомъ, и страшась притомъ, чтобы мнѣ не впасть въ толь бѣдственное состояніе, въ какомъ видѣлъ нещастныхъ скотовъ повергнулся я въ отчаянную печаль, и въ сей крайности тѣмъ я только утѣшался, что могъ съ пріятностію удовольствовать природное свое любопытство, видя всѣ человѣческія дѣйствія, и слыша ихъ разговоры безъ всякой опасности. Весьма справедливо божественный Гомеръ древній оный пѣвецъ, и слава Греціи, желая описать и представить будущимъ потомкамъ человѣка совершенно мудраго; возвѣстилъ своей трубою, что прославляемый имъ герой самыя высокія дарованія и возможное смертнымъ благоразуміе пріобрѣлъ чрезъ долговременное въ разныхъ земляхъ странствованіе, и чрезъ обращеніе съ людьми различныхъ нравовъ, языковъ, и состояній. Я искренно признаюсь, что величайшею благодарностію обязанъ я ослу, въ видѣ котораго находясь толь многія узналъ приключенія, кои, естьли не сдѣлали меня благоразумнѣе и не просвятили

моего

моего разума, то по крайней мѣрѣ дали мнѣ понятіе о многихъ и различныхъ вещахъ; я хочу вамъ разсказать исторію, которая показалась мнѣ весьма забавною. Послушайте:

Купившей меня мельникъ былъ самъ человѣкъ доброй и спокойнаго нраву, но жена его была злѣе и беззаконнѣе всѣхъ женщинъ; она его своими мерзостными поступками дѣлала столько нещастливымъ, что я самъ внутренно соболѣзновалъ о его состояніи; ибо ни одного порока не было, котораго бы не имѣла сія проклятая женщина, но всѣ злодѣянія въ мерзостную ея душу стеклися, она была злобна, свирѣпа, завистлива, безстыдна, упряма, своенравна, невоздержна, клятвопреступна, сребролюбива, хишница чужихъ имѣній, скупа, но расточительна для удовлетворенія своихъ подлыхъ вождел ѣній; врагъ вѣрности и цѣломудрія, сверхъ того презирала она безсмертныхъ боговъ и гнушалась истиннымъ благочестіемъ, она съ надмѣннымъ духомъ тщетнымъ и смѣшнымъ предавалась обрядамъ и благоговѣя къ нѣко-

нѣкоторому богу, котораго (6) почитала единымъ, истиннымъ, всемогущимъ и вѣчнымъ богомъ, обманывала всѣхъ людей и своего мужа, она съ самаго утра упившись, чрезъ весь день обращалась съ своими любовниками.

Сія гнусная женщина возъимѣла ко мнѣ ужасную ненависть; она предъ восхожденіемъ солнца и будучи еще на своей постелѣ, приказывала слугамъ своимъ утомлять меня мельничною работою какъ осла недавно купленнаго, но вставши поутру велѣла при своемъ присудствіи давать мнѣ въ спину по сту палочныхъ ударовъ. Когда лошадей и муловъ освобождали отъ тягостныхъ трудовъ, дабы ихъ накормить, она еще чрезъ долгое время велѣла меня

(6) Изъ сего видно, что Апулей будучи язычникъ, смѣется надъ Христіанами тогдашняго времени, описывая, что сія безчестная женщина была Христіанскаго закона, и признавала одного бога; тщетные обряды и прочія непотребства, какія онъ ей придаетъ, служили клеветѣ и ненависти языческой обыкновенными красками, которыми они собранія Христіанскія изображали.

ня держать при работѣ, сею злобою, и симъ безчеловѣчіемъ усугубила она природное мое любопытство, и я съ великимъ раченіемъ началъ смотрѣть на всѣ ея нравы и поступки, я примѣтилъ, что нѣкоторой юноша всякой день приходилъ къ ней въ самую спальню, и естьли бы глаза мои не были всегда завязаны, то бы увидѣвъ его въ лице, всевозможное употребилъ искусство, дабы открыть и вывесть наружу всѣ мерзости сея презрѣнной твари, моей проклятой мучительницы.

Нѣкоторая старуха любезная ея наперсница и помощница во всѣхъ ея гнусныхъ поведеніяхъ и затѣяхъ находилась съ нею всегда съ утра до самаго вечера. Онѣ обыкновенно бесѣду свою начинали завтракомъ, и пили самое лучшее вино за здоровье другъ друга, старуха выдумавала притомъ разныя коварства и хитрости, которыми бы всегда обманывать нещастнаго мельника, я хотя весьма досадовалъ на неосторожность любезной моей Фотисы, которая вмѣсто птицы претворила меня въ осла, но тѣмъ по крайней мѣрѣ утѣшался въ печальномъ моемъ

емъ безобразіи, что имѣя толь долгія уши могъ слышать издалека всѣ людскіе разговоры. Послушайте что говорила беззубая старуха въ нѣкоторой день женѣ мельниковой.

Государыня моя! изобрѣтай сама, какіе ты хочешь способы, какъ бы тебѣ обходиться съ симъ робкимъ и боязливымъ любовникомъ, котораго ты безъ моего совѣта выбрала. Онъ трепещетъ, увидя только нахмуренное лице безобразнаго и ненавистнаго твоего мужа, онъ погружаетъ тебя въ печаль не могши достойно соотвѣтствовать пламенной твоей любви.

Ахъ! можно ли, продолжала она, сравнять съ твоимъ любовникомъ Филезитера, которой молодъ, пригожъ, щедръ и отваженъ. Тщетно противу его неусыпное бдѣніе ревнивыхъ мужей. Кленусь тебѣ, онъ только одинъ заслуживаетъ любовь и благопріятность отъ всѣхъ женщинъ, онъ только достоинъ носить на головѣ своей золотой вѣнецъ, за ту единую хитрость и отважную выдумку, которую онъ употребилъ недавно противъ ревниваго

 мужа



мужа: послушай и разсмотри какая разность между имъ и твоимъ любовникомъ.

Тебѣ извѣстенъ Варваръ, одинъ изъ Сенаторовъ нашего города, и котораго народъ за лютые и язвительные нравы называетъ обыкновенно скорпіономъ, онъ имѣя жену рожденную отъ самой знаменитой крови, и сверхъ того украшенную всѣми тѣлесными прелестьми, заключаетъ ее всегда въ своемъ домѣ, и стережетъ съ возможнымъ раченіемъ. —— Такъ, отвѣтствуетъ мельничиха, я знаю ее совершенно, ты говоришь объ Аритѣ, которая была нѣкогда моею соученицею. —— Слѣдовательно, прерываетъ рѣчь ея старуха, извѣстно тебѣ и приключеніе случившееся съ Филезитеромъ? —— Никакъ, отвѣтствуетъ она, но я весьма желаю знать его подробно, и прошу тебя разсказать мнѣ его съ начала до конца.

Старуха будучи отъ природы великая говорунья начала такимъ образомъ: Сей Варваръ по нѣкоторымъ необходимымъ причинамъ намѣреваясь отправиться въ дорогу, и желая, чтобъ жена

жена его сохранила свое цѣломудріе и вѣрность къ нему, призываетъ къ себѣ своего самаго вѣрнаго слугу именемъ Мирмекса, и приказываетъ ему смотрѣть съ возможнымъ вниманіемъ за всѣми поступками своея госпожи, онъ еще угрожаетъ, что непремѣнно посадитъ его въ темницу, обременитъ оковами, изнуритъ голодомъ, и наконецъ поносной подвергнетъ смерти, естьли какой нибудь человѣкъ прикоснется къ ней хотя однимъ ногтемъ своего перста, и еще въ то самое время, когда она пойдетъ по улицѣ. Сіе строгое наказаніе утвердилъ онъ всѣми священными клятвами. И такъ оставя Мирмекса въ трепетѣ принужденна повсюду слѣдовать за его женою, и не спускать съ нея очей своихъ; отправляется онъ въ путь уже съ спокойнымъ духомъ.

Слуга предпріявъ крѣпкое намѣреніе исполнять порученную себѣ должность съ возможнымъ раченіемъ, никогда не позволялъ госпожѣ своей выходить изъ дому; она всякой день заключена будучи въ своемъ покоѣ сидѣла за праслицею, и Мирмексъ не отлучался отъ нея ни

 на

на минуту, однако не могши отговориться, чтобъ не дозволить ей въ нѣкоторые дни ходить вечеромъ въ торговую баню, слѣдовалъ онъ за нею, какъ тѣнь за тѣломъ, держась притомъ за одинъ край ея одежды.

Но Филезитеръ столько искусившійся въ любовныхъ дѣлахъ не могъ быть не извѣстенъ о всѣхъ прелестяхъ сея женщины. Слава разнесшаяся повсюду о ея цѣломудріи, и притомъ неусыпное Мирмексово смотрѣніе за ея поступками, усугубили въ немъ пламень; онъ предпріемлетъ ничего не щадить, и готовъ уже подвергнуться всѣмъ опасностямъ, только бы получить желаемый успѣхъ въ своемъ намѣреніи, увѣренъ будучи о слабости человѣческой, и что золото имѣетъ силу опровергать и разрушать самыя твердыя стѣны, и уничтожать всѣ препятствія, подходитъ онъ къ Мирмексу, съ которымъ встрѣтился по щастію наединѣ, объявляетъ ему непреодолимую свою страсть, которою воспаленъ къ госпожѣ его и проситъ съ покорностію, чтобъ онъ помогъ ему въ сей мучительной крайности, увѣряя притомъ

что





что непремѣнно вознамѣрился онъ умертвить себя, естьли толь пламенная любовь его не получитъ вскорѣ своей награды, притомъ, говоритъ онъ Мирмексу, въ разсужденіи толь способнаго и легкаго дѣла, о какомъ я тебя прошу, не можешь ты ничего опасаться: тебѣ стоитъ только во время ночное пустить меня тайнымъ образомъ въ домъ свой, изъ котораго я возвращусь чрезъ минуту. Къ симъ убѣдительнымъ прозьбамъ присоединилъ Филезитеръ самое сильное орудіе, дабы поколебать и опровергнуть постоянную вѣрность упрямаго слуги, онъ представляетъ взору его блестящія златницы, и обѣщается дать ему изъ нихъ десять, и что дватцать опредѣлены госпожѣ его.

Мирмексъ ужасается такого предложенія, и не хотя больше ничего слушать убѣгаетъ отъ Филезитера; но проницательный блескъ злата не убѣгаетъ отъ его очей; онъ уже̂ вошелъ въ домъ свой и тамъ мечтается ему злато; онъ питаетъ духъ свой пріятнымъ воображеніемъ толь знаменитой прибыли. Нещастный! онъ мучится



про-

противными страстями, и не знаетъ на которую сторону склониться: вѣрность къ своему господину его удерживаетъ, но богатой прибытокъ влечетъ его къ себѣ, неминуемая казнь представляется въ умѣ его; но радость и утѣшеніе имѣть въ рукахъ своихъ толикое число денегъ, совѣтуютъ противное. Наконецъ мрачный ужасъ смерти прогнанъ блескомъ золота, и продолженіемъ времени любовь Мирмексова къ деньгамъ не уменшилась; она въ самую ночь препятствовала ему наслаждаться пріятностями сна, и не смотря на всѣ жестокія господина своего угрозы позабылъ онъ свою должность; и такъ уже отвергнувъ страхъ и стыдъ, увѣдомляетъ онъ немедленно госпожу свою о Филезитеровомъ предложеніи. Сія не измѣняетъ легкомыслію толь свойственному ея полу, и въ минуту продаетъ свое цѣломудріе за пагубоносный металлъ.

Мирмексъ восхищенный радостію, и желая нарушеніемъ вѣрности своей получить себѣ столь много золота, которое онъ къ своему нещастію увидѣлъ, стремится немедленно къ Филезите-

зитеру, и объявляетъ ему, что онъ различными убѣжденіями склонилъ наконецъ госпожу свою къ соотвѣтствованію пламенной его страсти, въ тоже время требуетъ отъ него обѣщанной себѣ награды, и вдругъ Мирмексовы руки не имѣвшія прежде щастія и къ мѣднымъ прикасаться деньгамъ, пересчитываютъ тогда съ превеликимъ удовольствіемъ блестящія злашницы.

Ночь приближилась, и онъ храбраго Филезитера покрытаго епанчею проводитъ въ спальню своей госпожи. Едва сіи любовники свидѣлись; какъ вдругъ Варваръ нарочно избравъ ночное время, возвращается домой въ ту самую минуту, въ которую никто его не ожидалъ. Онъ стучится, кричитъ, ломаетъ ворота камнемъ, и видя что ему долго не отпираютъ усугубляетъ свою ревность и подозрѣніе, грозитъ Мирмексу, что накажетъ его жестокимъ образомъ; но сей слуга устрашенный толь неожидаемымъ нещастіемъ, не знаетъ, что дѣлать; онъ бѣгаетъ и жалуется господину своему на темноту ночную, которая не дозволяетъ ему сыскать въ скоромъ времени ключа отъ домовыхъ ворóтъ, ко-

торой спряталъ онъ въ потаенное мѣсто. Между тѣмъ Филезитеръ слыша такой стукъ одѣвается поспѣшно, и выходитъ изъ Арешиной спальни, но въ толь великомъ безпокойствѣ и замѣшательствѣ, что позабылъ онъ свои туфли.

Тогда Мирмексъ отпираетъ ворота своему господину, которой входя бранитъ его изъ всей мочи, и обѣщается наказать его немедленно за такую медленность. Онъ стремится въ спальню къ своей женѣ, а слуга выпустивъ между тѣмъ любовника тайнымъ образомъ на улицу, и заперши ворота, возвращается на свою постелю уже ничего не опасаясь. Варваръ вставши поутру, видитъ близь одра своего туфли совсѣмъ ему неизвѣстные, онъ тотчасъ догадался, что дѣлалось ночью и для чего не отпирали ему толь долго. И такъ не показывая никому внутренней своей досады, беретъ онъ тайно сіи туфли и прячетъ ихъ подъ свою епанчу: потомъ приказавъ прочимъ слугамъ, чтобъ они связавши и обременивъ оковами невѣрнаго Мирмекса, вели за нимъ на площадь. Самъ онъ стремится

мится на сіе мѣсто, скрежеща отъ ярости зубами, и надѣясь, что сіи туфли обьявятъ ему продерскаго жены его любовника. Но въ самое то время, когда шелъ онъ по нѣкоторой улицѣ, показывая въ очахъ и на лицѣ своемъ гнѣвъ, досаду и мщеніе, и когда влекли за нимъ скованнаго Мирмекса, которой, хотя явнымъ образомъ не былъ обличенъ въ невѣрности; но чувствуя себя виновнымъ стеналъ, и токами слезъ своихъ приводилъ на жалость весь народъ. Въ сіе самое время встрѣтился нечаянно съ ними Филезитеръ, которой за собственною нуждою, въ другое, правду сказать, шелъ мѣсто; но тронувшись печальнымъ симъ зрѣлищемъ, ни мало впрочемъ не смутясь, вспомнилъ о своей поспѣшности, съ какою выбѣжалъ онъ изъ Аретиной спальни, и не сомнѣваясь, чтобъ сіе зрѣлище не было печальнымъ слѣдствіемъ его вчерашняго замѣшательства, прибѣгаетъ немедленно къ своимъ отважнымъ хитростямъ; онъ съ той и другой стороны отталкиваетъ слугъ ведущихъ Мирмекса, бросается на него, и бьетъ его слегка по щекамъ, крича притомъ громкимъ голосомъ: Ахъ! сквернавецъ! про-

 кля-

клятая и лживая голова, да накажетЪ тебя господинЪ твой и всѣ боги, которыхЪ призываешь ты ложно вЪ засвидѣтельствованіе своей невинности, да накажутЪ тебя сразмѣрно твоимЪ злодѣяніямЪ! подлая тварь? не ты ли вчерашняго вечера вЪ торговой банѣ укралЪ мои новые туфли? поистиннѣ ты долженЪ стенать подЪ бременемЪ сихЪ оковЪ, и достоинЪ еще вЪ мрачную ввerженЪ быть темницу.

Толь благовременно выдуманною хитростію сего отважнаго юноши обманутЪ будучи ВарварЪ и не сомнѣваясь о истиннѣ его словЪ возвращается домой, призываетЪ кЪ себѣ Мирмекса, прощаетЪ его отЪ добраго сердца, и отдаетЪ ему туфли, дабы возвратилЪ онЪ ихЪ Филезитеру.

Едва старуха окончала свою исторію, какЪ вдругЪ вскричала мельничиха: сколь благополучна сія женщина, которая имѣетЪ у себя столь неробкаго любовника! а я нещастная люблю такого юношу, которой отЪ шуму сихЪ домашнихЪ уборовЪ трепещетЪ, и боится сего презрѣннаго осла ходящаго

сЪ

съ завязанными глазами. Я употреблю возможное стараніе, говоритъ ей старуха, чтобъ склонить на твою сторону сего храбраго Филезитера, я приведу его сюда немедленно: теперь съ тобой растаюсь; ты ожидай меня съ нимъ подъ вечеръ. Она уходитъ; и цѣломудренная мельничиха въ туже минуту приказываетъ пріуготовить великолѣпный столъ; сама процѣживаетъ сладкія вина сквозь тонкое полотно, дабы они чистѣйшій имѣли цвѣтъ; сама располагаетъ всѣмъ будущимъ пиршествомъ; словомъ, она ожидаетъ къ себѣ новаго любовника подобно какъ нѣкоего бога. Къ ея щастію мельникъ вышелъ изъ дома и долженъ былъ ужинать у одного валяльщика своего знакомца и сосѣда. Полдень приближился и насъ уже отрѣшили отъ тягостной работы, дабы подкрѣпили мы силы свои хотя гнилымъ сѣномъ; я чрезвычайно обрадовался не тому впрочемъ, что избавился на нѣсколько времени отъ несносныхъ трудовъ, но что имѣя открытую голову могъ я свободно видѣть всѣ гнусные поступки сея ненавистной женщины. Наконецъ солнце ниспустясь въ Океанъ освѣ-

освѣщало подземныя страны; старуха возвращается ведя съ собою новаго любовника, онъ былъ весьма пригожъ и чрезвычайно еще молодъ. Восхищенная радостію мельничиха встрѣчаетъ его, и цѣлуетъ стократно; ужинъ былъ готовъ и они всѣ трое сѣли за великолѣпной столъ.

Едва только Филезитеръ поднесъ къ своимъ устамъ пріятный напитокъ употребляемый обыкновенно предъ кушаньемъ, вдругъ стучится у воротъ мужъ, котораго она ни мало не ожидала. Тогда неробкая мельничиха, проклиная стократно его, и прося боговъ, чтобъ переломилъ онъ на сей случай ноги свои, скрываетъ трепещущаго и блѣднаго своего любовника подъ нѣкоторой большой лотокъ, на которомъ они провѣвали пшеницу, и прочее жито; притомъ съ природнымъ своимъ коварствомъ утаевая свою невѣрность, спрашиваетъ она у мужа своего съ видомъ спокойнымъ, для чего онъ такъ скоро возвратился отъ своего пріятеля, у котораго долженъ былъ ужинать. Мельникъ показывая смущенный и печальный видъ, и тяжкіе отъ

глубины

глубины своего сердца испуская вздохи: я не могъ отвѣтствуетъ ей, не могъ я стерпѣть беззаконія нечестивой и злощастной жены моего сосѣда, и для того съ возможною убѣжалъ отъ него поспѣшностію. О боги! продолжаетъ онъ, коль благоразумною, цѣломудренною и вѣрною почиталась сія женщина, которая нынѣ свою честь, свою славу помрачила незагладимымъ преступленіемъ. Я кленусь священною Церерою, что и теперь еще не могу вѣрить ужасному зрѣлищу, которое собственными я видѣлъ очами. Безстыдная мельничиха слыша такія слова, и нетерпѣливо желая знать все случившееся, убѣждаетъ своего мужа всѣми клятвами, чтобъ онъ разсказалъ ей сіе приключеніе съ начала до конца: мельникъ долго не соглашался на ея прозьбы, однако побѣжденъ будучи женскимъ краснорѣчіемъ; и не зная впрочемъ о бѣдствіяхъ своего собственнаго дома, началъ расказыват о нещастіи ближняго такимъ образомъ: жена валяльщикова, которой мнѣ уже съ давняго времени сосѣдъ и пріятель, почитаема будучи отъ всѣхъ честною и добронравною женщиною, умѣющею править

сво-

своимъ семействомъ, влюбилась въ одного юношу, съ которымъ весьма часто находясь наединѣ, пріятными наслаждалась утѣхами. Но по случаю въ то самое время, когда мы съ валяльщикомъ вышли изъ бани, чтобъ хорошенько поужинать, сей молодой человѣкъ находился уже въ ея объятіяхъ. Нашъ приходъ чрезвычайно ее устрашилъ, она въ минуту спрятала своего любовника подъ самое большое и высокое лукошко сплетенное изъ рокитовыхъ вѣтвей и обвѣшенное полотнами, которыя на немъ бѣлили, сожигая внизу его горючую сѣру; потомъ думая, что она уже не имѣетъ никакой опасности, сѣла съ нами за столъ безъ всякаго страха.

Между тѣмъ молодой любовникъ окруженъ будучи отвсюду ѣдкимъ и противнымъ сѣрнымъ дымомъ едва уже могъ дышать; острый и проницательный запахъ сего минералла принудилъ его чихать весьма часто. Валяльщикъ сидя за столомъ прямо противъ своей жены, и думая, что это она чхаетъ; (ибо лукошко было позади ее) желалъ ей по обыкновенію здоровья, потомъ

ещё

еще разъ, другой, и третей, но видя что сіе дѣйствіе не престаетъ продолжаться, удивился онъ, и узнавъ тотчасъ, что было тому причиною, отталкиваетъ столъ, снимаетъ лукошко, и видитъ подъ нимъ молодаго человѣка уже едва душущаго.

Воспламенясь гнѣвомъ, хватается онъ мгновенно за мечь и умертвилъ бы сего нещастнаго юношу, уже и безъ того почти мертваго, естьли бы я, хотя съ превеликою трудностію не удержалъ его отъ такого безчеловѣчія, боясь, чтобъ сія лютость не была напослѣдокъ обоимъ намъ пагубна, и увѣряя, что врагъ его, задушенный сѣрнымъ дымомъ скоро самъ издохнетъ, и потому нѣтъ намъ нужды дѣлаться виновными въ его смерти. Однако не совѣтомъ моимъ, но бѣдственнымъ состояніемъ, въ какомъ въ самой вещи находился полумертвый любовникъ, будучи убѣжденъ, умягчилъ онъ ярость свою, и взявши къ себѣ на плеча сего нещастнаго отнесъ въ ближній переулокъ. Между тѣмъ убѣждалъ я, и наконецъ убѣдилъ жену его, чтобъ она вышла изъ дому и удалилась къ какой

кой нибудь своей сосѣдкѣ или пріятельницѣ, доколѣ не утушится гнѣвъ и мщеніе раздраженнаго ея мужа: ибо я не сумнѣваюсь, чтобъ въ ярости своей и въ бѣшенствѣ не дошелъ онъ до какой нибудь крайности, которая тому и другому изъ нихъ безъ сомнѣнія навлекла бы печальныя слѣдствія. Сіе то страшное приключеніе отняло у меня всю охоту бесѣдовать и ужинать у пріятеля моего валяльщика и потому возвратился я домой немедленно. Такъ расказывалъ мельникъ, но мельничиха напротивъ съ невѣроятнымъ дерзновеніемъ и безстыдствомъ ругала въ то время и всѣми клятвами обременяла жену валяльщикову, крича изъ всей мочи: ахъ невѣрная! ахъ безстыдная! она всему женскому полу служитъ теперь вѣчнымъ безчестіемъ и поношеніемъ, оскверняя домъ и ложе своего мужа такимъ презрѣннымъ стыдодѣяніемъ, она поправъ священныя узы брака ужѐ лишилась любезнаго названія жены, и должна теперь называться блудницею, но что я говорю! ее, и всѣхъ подобныхъ ей женщинъ должно живыхъ сожигать огнемъ.

Одна-

Однако сама чувствуя свое вѣроломство, и терзаясь мучительною совѣстію, а притомъ чтобъ и любовника своего Филезитера освободить скорѣе отъ невыгоднаго положенія, въ какомъ онъ находился, будучи подъ лоткомъ, совѣтуетъ мужу своему удалиться въ спальню и лечь спать поранѣе. Но мельникъ не могши ужинать у валяльщика и потому ощущая недостатокъ пищи въ своемъ желудкѣ, просилъ ее учтивымъ образомъ, чтобъ поставила ему что нибудь на столъ. Она, хотя съ негодованіемъ, но подаетъ кушанье, пріуготовленное для любезной особы. Въ сіе самое время чувствовалъ я неописанную досаду во глубинѣ моего сердца, разсуждая о проклятіяхъ и злословіяхъ ея, какими она валяльшикову жену обременила и о настоящемъ ея безстыдствѣ и продерзости: я напрягалъ всѣ силы и всю остроту моего разума, чтобъ услужить въ семъ случаѣ моему господину, открывши ему коварство и хитрости его жены. Я размышлялъ какимъ бы образомъ здвинуть лотокъ съ Филезитера, подъ которымъ онъ лежалъ подобно, какъ черепаха подъ



своею кожею, и чрезъ то представитъ молодаго сего любовника на посмѣятельное зрѣлище всѣмъ домашнимъ.

Огорченный несносною обидою, какую дѣлали моему господину, получилъ я скорую помочь отъ божескаго провидѣнія: ибо храмой старикъ, которому приказано было смотрѣть за всей домашней скотиной, погналъ всѣхъ насъ къ ближнему озеру, чтобъ мы на ночь мутной сей водою утолили свою жажду. Сіе самое подало мнѣ весьма удобный случай къ отмщенію, ибо проходя мимо лотка, и увидѣвъ персты Филезитеровы, которые выставились наружу по причинѣ тѣсной его покрышки, ступилъ я на нихъ изъ всей мочи, и раздробилъ у нихъ самые кости, любовникъ не могши стерпѣть мучительной болѣзни, закричалъ громкимъ и плачевнымъ голосомъ, и сбросивъ съ себя лотокъ, показался всѣмъ явно, и чрезъ то открылъ коварство беззаконной мельничихи. Но мельникъ нимало не смутясь симъ поноснымъ и огорчительнымъ для себя видомъ, принимаетъ ласково сего трепещущаго отъ страха

юношу;

юношу; и утѣшаетъ его сими словами: не бойся, другъ мой, не бойся, я не свирѣпъ и не съ дикими воспитанъ звѣрями; я не хочу подражать безчеловѣчному валяльщику, не задушу тебя проницательнымъ сѣрнымъ дымомъ, не поведу тебя на судъ; и не подвергну строгости законовъ, опредѣляющихъ поносную смерть прелюбодѣямъ, толь прекраснаго и младаго юношу; я всегда съ женой моею жилъ въ добромъ согласіи, и потому слѣдуя наставленіямъ благоразумныхъ философовъ, почитаю для себя пріятнымъ все, что ей понравится; но впрочемъ справедливость требуетъ, чтобъ мужъ столько же имѣлъ власти въ домѣ своемъ, сколько имѣетъ его жена; и такъ я хочу, чтобъ ты препроводилъ нынѣшнюю ночь на одной со мною постелѣ. —

Но въ слѣдующій день, какъ только солнце освѣтило землю блескомъ своихъ лучей, призываетъ мельникъ двухъ служителей, самыхъ сильныхъ и здоровыхъ изъ всего дому; потомъ приказавъ имъ поднять на себя Филезитера, билъ его шелепомъ по спинѣ,

и по нижнимъ частямъ тѣла изъ всей мочи, и къ симъ ударамъ присоединялъ отеческія увѣщанія; какъ! говорилъ онъ, ты столько будучи молодъ и нѣженъ и почти еще отрокъ, ты уже стараешься познакомиться съ прекраснымъ поломъ, и обманываешь женщинъ законнымъ бракомъ сочетавшихся? прилично ли тебѣ толь рано называться прелюбодѣемъ? Сими наставленіями соединенными съ жестокими ударами наказавши его, вытолкалъ потомъ изъ своего дому. И такъ Филезитеръ, отважнѣйшій изъ всѣхъ любовниковъ, получа сверьхъ чаянія жизнь и свободу, побѣжалъ домой, памятуя утренніе удары и ночное мученіе.... Мельникъ не преминулъ развестися съ своею женою и выбить ее изъ своего дому; но сія проклятая женщина будучи отъ природы злобна, а притомъ получа толь жестокое и безчестное отъ мужа своего мщеніе, прибѣгаетъ къ своему коварству и ко всѣмъ хитрымъ вымысламъ, какія только порочная и развращенная женщина можетъ вздумать. Она съ возможнымъ стараніемъ сыскавши одну старуху, которая своимъ чародѣй-

ствомъ

ствомъ и различными заклинаніями могла, по мнѣнію народа, все сдѣлать, проситъ ее съ покорностію, даритъ ей много денегъ и обѣщаетъ еще больше, только бы она или утолила гнѣвъ ея мужа и примирила ее съ нимъ навсегда, или, естьли то невозможно, страшнымъ какимъ нибудь привидѣніемъ и злой фуріею умучила его до смерти. Тогда волшебница имѣющая власть и надъ самыми богами, употребляетъ сперьва легкія искуства своего средства и старается раздраженнаго мужа склонить къ своей женѣ и утвердить между ими вѣчное согласіе; но видя, что не имѣетъ она въ предпріятіи своемъ желаемаго успѣха, ожесточается противъ боговъ, досадуетъ на свое волшебство толь мало дѣйствующее, и не хотя лишиться обѣщанной себѣ награды, вооружается она противу жизни злощастнаго мельника, и для погибели его выводитъ изъ самаго ада страшную тѣнь нѣкоторой женщины, погибшей насильственною смертію.

Но можетъ быть любопытный читатель сомнѣваясь о повѣсти моей, скажетъ мнѣ: глупенькой оселъ, ка-

кимъ образомъ могъ ты знать все, что сіи женщины дѣлали наединѣ, будучи самъ всегда почти при мельницахъ? Но послушай и знай по чему я, будучи отъ природы человѣкъ любопытной, и находясь въ видѣ осла, узналъ все, что дѣлалось для погибели господина моего нещастнаго мельника.

Около полудни вдругъ появилась въ мельницѣ нашей безобразная и страшная женщина, лицемъ блѣдна, печальна и смущенна, подобно преступницѣ приговоренной къ смерти, одѣта до половины только раздраннымъ рубищемъ, ноги ея были босые, волосы съ просѣдью, осыпаны притомъ сквернымъ пепеломъ и покрывали почти все ея лице. Она въ семъ видѣ подошедши къ мельнику взяла его учтиво за руку, и какъ будто хотя ему сказать нѣчто тайное, отводитъ его въ собственную его спальню, и заперши изъ нутри накрѣпко двери, остается съ нимъ одна. Домашніе служители ждали его весьма долго; но когда уже все жито было измолото, и потому работа ихъ остановилась, то пошли они къ спальнѣ,

и стоя у дверей кликали господина своего по имени, требуя приказанія, что имъ должно дѣлать; однако никто имъ не отвѣчалъ; начали стучать въ дверь; но была она заперта накрѣпко, они сумнѣваются и подозрѣваютъ не случилось ли какого нибудь нещастія съ ихъ господиномъ, и потому соединенными силами ломаютъ дверь, напослѣдокъ разрушивъ крюки и засовы, входятъ въ спальню; однако нигдѣ не могли сыскать страшной оной женщины; но увидѣли только господина своего висящаго на гвоздѣ и уже давно умершаго. Они его отвязываютъ, снимаютъ съ шеи веревку, кричатъ, вопятъ, рыдаютъ, и наконецъ омывши его по обычаю и всѣ печальныя исподняя обряды, несутъ къ погребенію въ провожаніи многолюдной толпы. Въ слѣдующій день мельникова дочь рожденная отъ первой жены прибѣгаетъ въ домъ отца своего изъ ближняго замка, гдѣ была она сопряжена брачными узами съ нѣкоторымъ юношею; она сѣтуетъ, плачетъ, стонетъ, рветъ свои волосы, терзаетъ одежду, и бьетъ себя по груди съ отчаяннымъ свирѣпствомъ. Хотя никто ее не увѣдом-

домлялъ о бѣдствіяхъ и страшныхъ приключеніяхъ родительскаго дому; но знала она все подробно: ибо мельникъ ея отецъ явился ей ночью во снѣ, имѣя на своей шеѣ веревку, и открывъ ей все злодѣйство ея мачихи, разсказалъ о студныхъ ея поступкахъ, о волшебствѣ старухи, и наконецъ какимъ образомъ удавленъ онъ былъ страшнымъ привидѣніемъ. Нещастная дочь предавшись отчаянной печали непрестанно рыдала; но прозьбами и совѣтами своихъ друзей и сродственниковъ, стекшихся къ ней отвсюду убѣждена будучи, умѣрила она свою горесть и слезы. Въ девятый послѣ смерти отца своего день, совершила она торжественно всѣ плачевные обряды надъ гробомъ родительскимъ; потомъ рабовъ, домашніе уборы, и все что ей принадлежало по наслѣдству, продала она съ публичнаго торгу. И такъ все имѣніе толь богатаго дому разсѣяно было въ различныя стороны. Я самъ бѣдный оселъ проданъ былъ убогому садовнику, которой далъ за меня пятнатцать денарій, говоря, что это весьма дорого, но хочетъ онъ моимъ и своимъ трудомъ имѣть себѣ дневное




ное пропитаніе. Теперь самой случай велитЪ мнѣ разсказать вамЪ подробно, какимЪ образомЪ препровождалЪ я жизнь свою, будучи у садовника подЪ властію.

ОнЪ каждое утро навьючивЪ спину мою разными овощами ѣздилЪ вЪ ближній городЪ, гдѣ продавши товарЪ свой возвращался домой. И когда онЪ копалЪ, чистилЪ гряды, поливалЪ свои травы, и прочіе садовые исправлялЪ нужды, я вЪ то время былЪ безЪ всякой работы. Но лѣтнее и осеннее время протекло, наступила зима; уже холодные дожди, снѣги, вѣтры, и другіе непогоды безпокоили меня чрезвычайно: стоила мои были со всѣхЪ сторонЪ отворены, и я всегда прикрытЪ былЪ однимЪ только небомЪ. ГосподинЪ мой по бѣдности своей не только для меня, но и для самаго себя не имѣлЪ убѣжища; у него и солома была вЪ великой чести, онЪ жилЪ вЪ убогой хижинѣ прикрытой листьями и мѣлкимЪ тросникомЪ. СверьхЪ того вЪ утренное время по льду и замерзлой грязи ходя изуродовалЪ я свои копыта, и при всемЪ нещастіи не имѣлЪ я и обык-

новеннаго себѣ корму. Господинъ мой и я одинакою питались пищею, которая состояла въ старой и пахучей капустѣ, въ другихъ уже сгнившихъ травахъ.

Въ нѣкоторую ночь одинъ домостроительный доброй человѣкъ потерялъ по причинѣ темноты свою дорогу, и промоченъ будучи сильнымъ дождемъ пріѣхалъ нечаянно къ нашей хижинѣ; лошадь его и онъ самъ утомленъ былъ чрезвычайно. Садовникъ принялъ его ласково, и далъ ему убѣжище, ни спокойное, ни пріятное, но по тогдашнему времени весьма для него нужное; добродѣтельный гость доволенъ будучи такимъ пріемомъ захотѣлъ господина моего наградить и обѣщалъ ему дать нѣсколько четвертей жита, два мѣха вина и также масла. Садовникъ взялъ съ собою куль и два пустые мѣха и сѣдши ко мнѣ на спину не умедлилъ отправиться въ дорогу съ симъ благодѣтелемъ; мы совершивъ путь шестидесяти стадій, наконецъ прибыли въ его деревню, онъ принялъ господина моего съ возможною благосклонностію, и посадилъ его съ

собою обѣдать; столъ былъ весьма обильной, уже рюмки у нихъ переходили изъ рукъ въ руки, и они пили довольно, какъ вдругъ приключилось неожидаемое диво: одна курица бѣгая по полу клохтала по обыкновенію, хотя по видимому снесть яицо. Хозяинъ смотря на нее, добрая, говоритъ, курица, ты всякой день кормишь насъ свѣжими яицами, и теперь хочешь пріятной кусокъ подать къ намъ на столъ: слушай, малой, постели въ извѣстномъ углу сукно, чтобъ она могла на немъ снесть яицо безъ поврежденія; слуга повинуется, и какъ было приказано, постилаетъ сукно; но курица не бѣгая въ назначенное себѣ гнѣздо, выкинула передъ ногами господина своего уже переспѣлый плодъ, которой привелъ его въ немалое безпокойствіе; ибо она не яицо снесла, но родила совершеннаго цыпленка, которой тогдажъ началъ бѣгать за своей матерью.

Не много спустя времени устрашило ихъ другое и несравненно большее диво: подъ самымъ столомъ, за которымъ они сидѣли, разверзлась нечаян-

чаянно земля и кровавой испустила источникъ, которой стремясь вверхъ окропилъ кровью весь столъ. Въ туже минуту прибѣжалъ изъ погреба слуга и сказываетъ, что все вино закупаренное въ бочкахъ, вдругъ начало кипѣть, какъ будто подложенъ былъ съ низу великой огонь. Онъ еще не окончалъ своихъ рѣчей, и всѣ увидѣли премножество маленькихъ звѣрковъ влекущихъ мертваго змія; тогда же изъ челюсти пастушей собаки выскочила зеленая маленькая лягушка, но сію собаку стоявшій близко баранъ задавилъ немедленно. Сіи толь многія и толь страшныя дива поразили гостепріимца нашего и всѣхъ домашнихъ неописаннымъ ужасомъ: никто не зналъ что должно дѣлать, или что начать, какими и коль многими жертвами должно умилостивлять раздраженныхъ боговъ, и отвращать сіи пагубныя предзнаменованія.

Когда всѣ находились въ семъ отчаянномъ и смертномъ страхѣ, прибѣгаетъ трепещущій слуга и объявляетъ господину своему что весь его домъ и вся фамилія истреблена

уже

уже до основанія. Сей добродѣтельный нашъ гостепріимецъ имѣя трехъ сыновъ изрядно воспитанныхъ и просвѣщенныхъ науками, жилъ благополучно. Сіи юноши отъ давнаго уже времени соединились узами дружества и знакомства съ однимъ добрымъ человѣкомъ, которой жилъ спокойно въ маломъ своемъ наслѣдіи, но въ сосѣдствѣ у себя имѣлъ человѣка богатаго, молодаго, знаменитаго породою и владѣющаго множествомъ деревень и полей обильныхъ; сей богачь употребляя во зло такія преимущества, и окруженъ будучи всегда своими отважными пріятелями, притомъ по знатной своей породѣ имѣя великую силу въ гражданскихъ судебныхъ мѣстахъ, не преставалъ гнать своего убогаго сосѣда, иногда убивалъ его скотину, отгонялъ стада, раззорялъ жатву и плоды еще не созрѣлые, наконецъ, лишивъ его всей надежды къ своему пропитанію, вознамѣрился онъ выгнать его изъ собственнаго наслѣдія, и для того умышленно и безъ всякой причины началъ съ нимъ ссору о рубежахъ своихъ владѣній, стараясь чрезъ то отнять у его и послѣдній

оста-

остатокъ его земли. Нещастной поселянинъ видя себя почти совсѣмъ раззоренымъ, и желая по крайней мѣрѣ, хотя гробъ имѣть на своей наслѣдственной землѣ, созываетъ своихъ пріятелей и знакомцовъ, дабы они засвидѣтельствовали о насильственномъ грабежѣ, причиненномъ нахальнымъ богачемъ; три брата сыновья добродушнаго старика хотѣвшаго насъ угостить благосклоннымъ образомъ, находились также въ числѣ сего множества, желая по возможности своей защитить обидимаго друга, но сей дерзновенный и безстыдный богачь при толикомъ множествѣ чистосердечныхъ свидѣтелей ни мало не убоялся, ни обезпокоился; онъ не щадилъ ругательствъ и бранныхъ словъ; продолжая свое хищеніе и въ то самое время, когда весь народъ старался бѣшенство его умягчить прозьбами, онъ клялся жизнію своею, и жизнію своихъ дѣтей, что онъ ни мало не думаетъ о толикомъ множествѣ заступниковъ и предстателей, и что убогаго своего сосѣда прикажетъ вытащить за волосы изъ его дому, и повергнуть въ поле. Такое гордое безстыдство произвело въ серд-




сердцахъ народныхъ чувствительное негодованіе. Тогда одинъ изъ троихъ братьевъ, отвѣчалъ ему смѣлымъ образомъ. — Тщетно ты, надѣясь на свое богатство, угрожаешь намъ съ тиранскою гордостію: есть у насъ права и законы, которые защищаютъ бѣдныхъ отъ насилія подобныхъ тебѣ грабителей. Какъ пламя питается масломъ, сѣрою вожжигается огонь, и какъ бичь въ рукахъ фуріи служитъ къ большому ея неистовству, такъ смѣлымъ симъ отвѣтомъ усугубилась ярость безчеловѣчнаго богача. —— Вы, и всѣ ваши законы достойны висѣлицы, кричалъ онъ въ безумной ярости, и въ тоже самое время приказалъ отвязать дворовыхъ и гончихъ собакъ, которыя питаясь обыкновенно мертвыми трупами поверженными въ поле, и пріобыкши кусать прихожихъ, чрезвычайно были свирѣпы: они будучи отвязаны и раздражаемы слугами устремились на всѣхъ поселянъ съ невѣроятною свирѣпостію, и наполняя воздухъ страшнымъ лаяньемъ терзаютъ ихъ и язвятъ безъ разбору; кто захотѣлъ спасаться отъ нихъ бѣгствомъ, тотъ больше подвер-

верженЪ былЪ неукротимому ихЪ бѣшенству.

Тогда вЪ стесненной толпѣ боязливой черни, гдѣ каждой старался спасаться бѣгствомЪ отЪ неистовства псовЪ, самой младшей изЪ троихЪ братьевЪ преткнувшись на дорогѣ о камень, и уязвя свою ногу повергнулся на землю, и послужилЪ добычею псамЪ разЪяреннымЪ, которые набѣжавЪ, начали терзать его вЪ мѣлкія части, но два другіе братья услышавЪ плачевный его крикЪ, спѣшатЪ кЪ нему на помочь и прикрывши его своимЪ платьемЪ употребляютЪ всѣ свои силы, чтобЪ отогнать отЪ него жестокихЪ псовЪ, бросая вЪ нихЪ каменьемЪ. Но тщетно было стремительное ихЪ усиліе, они не могли защитить своего брата и сей нещастный юноша растерзанЪ будучи предЪ ихЪ очами, послѣдній испустилЪ духЪ произнесши послѣднія слова; чтобЪ они не преминули отмстить безчеловѣчному богачу за смерть своего юнѣйшаго брата. Тогда они презрѣвЪ опасность своей жизни летятЪ прямо кЪ сему грабителю, и предводимы будучи

пра-

праведнымъ гнѣвомъ стремятъ на него непрестанный градъ каменьевъ; но сей кровопійца привыкши уже давно къ такимъ злодѣяніямъ, поразилъ одного изъ нихъ въ самое сердце дротикомъ, и хотя симъ ударомъ умерщвленъ былъ нещастной юноша, однако не упалъ онъ на землю, ибо дротикъ брошенъ былъ съ толь великимъ усиліемъ, что пролетя сквозь все тѣло, воткнулся острымъ концемъ въ землю и держалъ бѣднаго юношу на воздухѣ; въ то же время одинъ изъ слугъ сего убійцы, человѣкъ сильной и здоровой, хотя вспомоществовать своему господину, бросилъ превеликой камень въ третьяго брата, чтобы выломить у него правое плечо, но камень сверьхъ чаянія всѣхъ, повредивъ только персты его руки, упалъ на землю. Сей тщетной ударъ подалъ благоразумному юношѣ нѣкоторую надежду къ отмщенію за своихъ братьевъ. Онъ притворясь, что не можетъ владѣть рукою, говоритъ разъяренному грабителю: — Утѣшайся, утѣшайся гибелью всего нашего дому, насыщай свое несытое безчеловѣчіе кровію трехъ братій, торжествуй гордо надъ повер-

женными тобою сосѣдами; но только знай, что сколь далеко ни распространишь предѣлы своей земли, похищая наслѣдіе убогихъ; однако долженъ ты будешь имѣть всегда какихъ нибудь сосѣдовъ. Я плáчу о своемъ нещастіи, что рука моя ужè не дѣйствуетъ: она, она безъ сомнѣнія отсѣкла бы нечестивую твою голову. —— Сія рѣчь воспламенила ярость въ сердцѣ беззаконнаго человѣкоубійцы; онъ извлекаетъ свой мечь, бросается на юношу, желая умертвить его собственною рукою, но сей, будучи не меньше мужественъ, противиться ему, сверьхъ éго чаянія, и ухватя его руку исторгаетъ мечь, пронзаетъ его во многихъ мѣстахъ и повергаетъ бездушна на землю, но чтобъ избѣжать отъ свирѣпости рабовъ стекшихся на помочь къ своему господину, вонзаетъ онъ въ гортань свою тотъ же мечь еще дымящійся кровію своего непріятеля. Се вѣсть принесенная нещастному отцу! се плачевный случай предреченный ему толь многими и страшными предзнаменованіями! добросердечный старикъ услыша всѣ сіи бѣдствія, не могъ произнесть ни одного слова, ниже

испу-

испустить хотя малый стонъ, но схвативъ ножъ, которымъ онъ во время обѣда рѣзалъ для пирующихъ сыръ и мясо, пронзилъ онъ имъ свою гортань, подражая нещастному сыну, и упалъ на столъ бездушенъ; струями крови его омылись тѣ кровавыя капли, которыми столъ обагренъ былъ чудесно. И такъ во мгновенiе ока разрушился и уничтожился весь домъ благополучнаго прежде семейства. Мой садовникъ соболѣзнуя о толь нечаянномъ бѣдствiи добродушнаго старика, и заплативъ ему за обѣдъ обильными слезами, рыдая притомъ и о своемъ нещастiи, не умедлилъ сѣсть на спину мою и возвратиться въ свою хижину по прежней дорогѣ.

Однако возвратной его путь не весьма былъ ему удаченъ: нѣкоторой высокаго росту человѣкъ, и какъ по виду и одеждѣ можно было примѣтить, солдатъ изъ Римскаго легеона, встрѣтившись съ нами, спросилъ гордымъ и повелительнымъ голосомъ у моего садовника; куда онъ ведетъ осла безъ всякой поклажи? мой господинъ будучи еще печаленъ, и притомъ не зная Латинскаго языка, проѣхалъ мимо его,

 ни-

ничего ему не отвѣтствуя. Солдатъ почетши такое молчаніе за обиду и презрѣніе не могъ удержаться отъ свойственнаго воину нахальства, и немедленно виноградною (в) палкою, которую онъ несъ въ своей рукѣ, ссадилъ со спины моей садовника. Мой господинъ съ покорностію и униженіемъ извиняясь предъ нимъ говорилъ, что онъ не учившись Латинскому языку не можетъ разумѣть его рѣчей. Солдатъ спросилъ по Гречески: въ какое мѣсто ведешь ты сего осла? —— въ ближній городокъ; —„ Но я имѣю крайнюю въ немъ нужду; онъ съ прочими скотами долженъ изъ ближняго замка привесть всю поклажу нашего Капитана. Въ то же время взялъ меня за узду и повелъ насильно. Садовникъ отирая кровь текущую изъ го-

(в) Виноградная палка была знакомъ, по которому отличались сотники отъ рядовыхъ солдатъ, и которою они ихъ наказывали, но солдатъ, о которомъ здѣсь говорится не былъ точной сотникъ, какъ видно по всѣмъ признакамъ, но взялъ ее съ тѣмъ, чтобъ на дорогѣ больше имѣть безопасности и устрашать незнающихъ его поселянъ.

головы, по которой немилосердой солдатъ ударилъ его палкою; началъ просить его еще съ большею покорностію, заклиная всѣми щастливыми на войнѣ успѣхами: — Добрый человѣкъ будь ко мнѣ снисходительнѣе и благосклоннѣе, я тебя ни чѣмъ не обидѣлъ, мой оселъ весьма лѣнивъ, и подверженъ сверьхъ того падучей болѣзни, онъ съ великимъ трудомъ и усталостію возитъ на себѣ легкое бремя травъ, которыя вожу я изъ ближняго моего сада въ городъ; теперь разсуди, можетъ ли онъ возить тяжелыя ваши снаряды. Но видя, что онъ не можетъ его склонить никакими убѣдительными прозьбами, а получаетъ только въ отвѣтъ частые въ голову свою удары, отъ которыхъ весь лобъ и затылокъ скоро будетъ разломанъ; прибѣгаетъ къ послѣднему средству, и наклонившись предъ солдатомъ, притворяясь будто хочетъ обнять его колѣни, ухватилъ крѣпко за обѣ ноги и употребя всѣ силы, повергнулъ его на землю, гдѣ немедленно кулаками, локтями, зубами и камнемъ ухваченнымъ съ дороги, бьетъ его нещадно по лицу, по го-

головѣ и по бокамъ. Солдатъ не будучи въ силахъ изъ подъ него освободиться и защищать себя, угрожаетъ только словами, что непремѣнно изрубитъ его въ мѣлкія части, какъ только встанетъ съ земли. Садовникъ боясь такихъ угрозъ и мысленно благодаря солдату за такое увѣдомленіе, схватываетъ мечь и бросаетъ его сколь можно подалѣе отъ дороги, и опять принимается съ большимъ прилѣжаніемъ за прежнюю свою работу. Солдатъ будучи весь избитъ, изуродованъ и обезсиленъ, и желая спасти по крайней мѣрѣ жизнь свою, притворился мертвымъ. Садовникъ оставилъ его, взялъ мечь, скочилъ ко мнѣ на спину, и не думая о маленькомъ своемъ садѣ, поспѣшаетъ прямо въ городъ, гдѣ пріѣхавъ въ домъ къ старинному своему пріятелю, разсказалъ ему все приключившееся, и въ то же время проситъ, чтобъ онъ помогъ ему въ семъ нещастіи и скрылъ его вмѣстѣ съ осломъ на три или на четыре дни, пока пройдетъ все дѣло и не будутъ его какъ человѣкоубійцу искать на смертную казнь. Хозяинъ дома памятуя прежнюю дружбу, принялъ

нялъ насъ весьма благосклонно. Связали мнѣ веревкою ноги, и втащили по лѣсницѣ въ самой верьхней чердакъ. Садовникъ въ нижнемъ покоѣ спрятался въ большой сундукъ, которой немедленно заперли накрѣпко.

Между тѣмъ солдатъ, какъ я послѣ узналъ, вставши подобно пьяному человѣку, чрезъ долгое время шатался на своихъ ногахъ, и будучи весь израненъ едва съ помощію палки могъ дотащиться до города, гдѣ стыдясь своего безсилія, что такой храбрецъ не могъ совладѣть съ крестьяниномъ, никому не сказывалъ о своемъ бѣдственномъ приключеніи; однако увидя своихъ товарищей не могъ отъ нихъ утаить своихъ ранъ, и потому объяснилъ имъ подробно неудачное свое сраженіе. Они совѣтовали ему сидѣть чрезъ нѣсколько времени дома, пока излечатся раны; ибо сверьхъ безчестія, какое получилъ онъ, побѣжденъ будучи бѣднымъ поселяниномъ, боялись они и того, чтобъ за потеряніе своего меча по строгости воинскихъ законовъ не былъ онъ жестокимъ образомъ наказанъ; а сами распросивъ у него всѣ наши примѣ-



ты и признаки, обѣщались сыскивать насъ съ возможнымъ стараніемъ и потомъ отмстить намъ за толь безчестную обиду.

Вѣроломной гостепріимца нашего сосѣдъ указалъ имъ, что мы точно сокрылись въ семъ домѣ. Немедленно солдаты пришедши къ градскимъ судьямъ, объявили имъ ложно, что будто драгоцѣнной серебряной сосудъ принадлежащей ихъ Капитану потеряли они на дорогѣ, и что онъ найденъ однимъ садовникомъ, которой не хотя его возвратить скрывается въ домѣ своего пріятеля. Судіи слыша о такой вымышленной потерѣ, и зная довольно ихъ Капитана, дали имъ своихъ приставовъ. Тотчасъ всѣ они прибѣгаютъ къ нашему дому, и кричатъ хозяину, чтобъ онъ выдалъ насъ немедленно, не подвергая своей жизни опасности, утверждая, что они точно увѣрены, что мы находимся въ его домѣ; нашъ хозяинъ, нимало не устрашась и желая избавить отъ ихъ наглости своего друга принятаго имъ въ свое покровительство, отвѣтствуетъ смѣло, что онъ не понимаетъ, о комъ они спрашиваютъ,

и что уже давно не видалъ сего садовника. Солдаты клянутся Кесаремъ, утверждая, что онъ непремѣнно въ его домѣ и нигдѣ быть не можетъ. Наконецъ судіи опредѣлили, чтобъ сдѣлать обыскъ во всемъ домѣ, и узнать точную правду. Приставы и другіе служители вбѣгаютъ, и каждой уголъ стократно былъ пересмотрѣнъ и ощупанъ; однако все тщетно; они докладываютъ судіямъ, что не только ни одного чужаго человѣка, но никакого осла сыскать не могли во всемъ домѣ.

Тогда споръ съ обѣихъ сторонъ начинается съ большимъ жаромъ. Солдаты призываютъ во свидѣтельство Кесаря и кричатъ, что мы точно въ семъ домѣ спрятаны, но хозяинъ напротивъ клянется всѣми богами, увѣряя, что насъ не знаетъ. Я находясь въ видѣ ослиномъ, будучи отъ природы любопытенъ, слыша ихъ крикъ и нестройный шумъ, захотѣлъ узнать, что такое дѣлается; и потому выглянулъ въ маленькое окошко, но по неосторожности шею свою протянулъ я весьма далеко. Вдругъ одинъ солдатъ увидѣлъ на землѣ

тѣнь мою, и взглянувъ къ верьху, указалъ на меня рукою всѣмъ предстоящимъ: въ сіе то время усугубилося буйное смятеніе и вопль. Вдругъ приставляютъ высокія лѣстницы, и меня какъ плѣнника, вытаскиваютъ за голову, ужѐ не сомнѣваясь они о истиннѣ, бѣгаютъ по всему дому, перебирая каждой порошокъ, наконецъ открываютъ сундукъ и вынимаютъ изъ него бѣднаго садовника, отдаютъ его подъ судъ, и заключаютъ въ градскую темницу съ непремѣннымъ намѣреніемъ казнить его жестокою смертію. Всѣ зрители помирали отъ чрезмѣрнаго надо мною хохотанья, смѣясь надъ моимъ глупымъ и ослинымъ любопытствомъ. Съ того самаго времени при важномъ какомъ нибудь дѣлѣ, открытомъ смѣшными и нежидаемыми признаками, говорятъ пословицу: это (г) выглядываніе и тѣнь осла.

ПРЕ-

(г) Нынѣ сія пословица никому не извѣстна, а извѣстна только Демосфенова басня о тѣни ословой.

КОНЕЦЪ ДЕВЯТОЙ КНИГИ.





# ПРЕВРАЩЕНІЕ

## или

# ЗОЛОТОЙ ОСЕЛЪ.



## *КНИГА ДЕСЯТАЯ.*

Мнѣ ни мало не извѣстно, что въ слѣдующей день сдѣлалось съ садовникомъ, съ моимъ любимымъ господиномъ. Но меня храброй солдатъ, толь много изуродованный за свое нахальство, отвязалъ отъ стойла; въ чемъ ему никто не противорѣчилъ, и приведши къ своей квартирѣ, (ибо мнѣ такъ казалось) отяготилъ и украсилъ спину мою своимъ воинскимъ снарядомъ; онъ положилъ на меня свѣтлоблестящей свой шишакъ, сіятельной паче прочихъ щитъ, и предлинное копье; которое нужно было ему не для сраженія тогда съ непріяте-

телями, но для устрашенія бѣдныхъ путешественниковъ; въ такомъ уборѣ отправился я съ нимъ въ дорогу; совершивъ не далекій и весьма способный путь, наконецъ прибыли мы въ одинъ городокъ, гдѣ не въ постояломъ дворѣ, но въ домѣ нѣкотораго воинскаго десятника успокоиться заблаго разсудилось моему новому господину. Препоручивъ меня въ смотрѣніе одному слугѣ, пошелъ онъ самъ немедленно къ своему Полковнику, имѣющему подъ властію у себя тысячу воиновъ; спустя нѣсколько дней дошло до моихъ ушей страшное и чрезвычайное приключеніе случившееся въ то время въ семъ городѣ; оно достойно вашего вниманія, и потому хочу я разсказать вамъ оное подробно. Хозяинъ дому, въ которомъ мы находились, имѣлъ у себя молодаго сына просвѣщеннаго науками, хорошо воспитаннаго, и потому всѣми изящными добронравія, цѣломудрія и скромности дарованіями украшеннаго, словомъ столь совершеннаго, что всякой бы отецъ желалъ охотно имѣть у себя такого сына. Мать сего юноши давно уже скончалась, отецъ его соединился узами брака съ другою, и отъ

отъ сей новой супруги родилъ онъ другаго сына, которой достигнулъ уже до 12 лѣтъ. Сія новая супруга больше по прелестямъ и красотѣ своей, нежели по добротѣ нравовъ своихъ уважаема и почитаема была въ домѣ своего мужа. Она, или отъ природы была влюбчива и склонна къ прелюбодѣйству, или силою неизбѣжимаго рока влекома будучи къ учиненію ужаснаго злодѣянія, устремила страстный взоръ на своего пасынка. Лыбезный читатель знай, что я пишу тебѣ не вымышленную басню, но дѣло въ самой вещи случившееся, устреми твое вниманіе не къ забавной, но къ плачевной повѣсти. Доколѣ купидонъ возжигалъ въ груди сея женщины первую только искру любви, дотолѣ она слабымъ его усиліямъ противилась, скрывая въ молчаніи внутреннее движеніе, и утаевая отъ очей младаго юноши стыдливый ланитъ своихъ румянецъ, производимый страстнымъ огнемъ; но когда уже чрезмѣрный пламень объялъ ея сердце и всѣ чувствія; принуждена была она покориться мучительной власти непобѣдимаго божества, и чтобъ съ большимъ искуствомъ

ствомъ утаить болѣзнь душевную, притворилась она больною въ разсужденіи тѣлеснаго здоровья. Кто не знаетъ, что разслабленіе тѣла и увядшій цвѣтъ лица равно приличествуетъ и недужнымъ и влюбленнымъ особамъ. Она имѣла лице покрытое блѣдностію, глаза томныя, колѣни ея подгибались, сонъ былъ смущенной и безпокойной; частые и тяжелые вздохи спираясь въ ея груди доказывали ея печальное состояніе. Когда бы слезы не текли изъ ея очей ежеминутно обильными струями, всякъ подумалъ бы, что она самою пламенною страждетъ горячкою. Бѣдные врачи! коль вы слабы въ своемъ искуствѣ! что значитъ частое біеніе жилъ, чрезмѣрный жаръ, тяшкое дыханіе, и необычайное трепетаніе сердца? Великій Боже! видя особу снѣдаему внутреннимъ только огнемъ и неимѣющу внѣшняго пламени, коль удобно узнать можно, и незнающему врачебнаго искуства, что она любовною страждетъ болѣзнію! и такъ сія женщина день отъ дня лютѣйшею терзаема будучи страстію, прервала наконецъ свое молчаніе и приказала позвать къ себѣ своего пасынка. Ахъ

коль

коль желательно ей было, чтобъ сей юноша никогда именемъ симъ не нарицался, дабы видя его влюбленными очами, не могла она стыдиться. Онъ повинуясь немедленно супругѣ своего родителя и матери своего брата, входитъ въ ея спальню; его видъ и взоръ изображалъ печаль и сѣтованіе о слабомъ ея здоровьѣ. Она забывъ, что отъ долговременной нерѣшимости и молчанія своего, несносному подвергнулась мученію, она узрѣвъ его сдѣлалась неподвижною, и мысли ея преткнулись о камень сомнѣнія. Всѣ слова и убѣжденія вымышленныя прежде ея искуствомъ, казались ей въ настоящей часъ маловажными, и неудобными къ склоненію непорочнаго юноши. Стыдъ еще колебалъ ея разсудкомъ, она ищетъ кратчайшей стези, которою бы внити въ сердце своего пасынка; она хочетъ изъясняться, и незнаетъ какъ начать. Непорочный юноша не подозрѣвая и въ сіе время о пагубной страсти своей мачихи, вопрошаетъ ее съ видомъ почтеннымъ о причинѣ ея болѣзни. Она видя себя наединѣ съ нимъ и желая пользоваться вредоносным симъ случаемъ,

дер-

дерзаетъ уже изъясняться. И такъ, проливая источники слезъ и прикрывъ одеждою лице свое, трепещущимъ и прерывающимся голосомъ, говоритъ ему въ короткихъ словахъ: — Ты первый источникъ и единственная причина моей болѣзни, но ты равно и врачебный для меня бальсамъ; ты единъ можешь меня исхитить отъ челюстей смерти: огненный лучь твоего взора проникнувъ сквозь зѣницы моихъ очей въ глубину моего сердца и разлившись по всѣмъ чувствiямъ и жиламъ возжегъ въ самыхъ костяхъ моихъ неугасимый пламень. И такъ сжалься надъ погибающею тобою, да не ужасаетъ тебя священная любовь къ своему родителю, ты избавишь отъ смерти его супругу; вообрази, можно ли мнѣ не любить тебя созерцая въ видѣ твоемъ совершенный образъ твоего родителя. Сiе уединенiе, сiе удобное время и случай не дозволяютъ тебѣ сомнѣваться, не страшись ничего; дѣйствiе никѣмъ не видѣнное и никому неизвѣстное почитать должно, равно, какъ будто его никогда не бывало.

Добродѣтельный юноша изумленный толь неожидаемымъ нещастіемъ, и ужасаясь такого беззаконія, не разсудилъ заблаго привесть въ отчаяніе мачиху свою скорымъ и рѣшительнымъ въ любви отказомъ; но съ возможною осторожностію старался утишить волненіе сердца ея, обѣщаясь впредь исполнить ея желаніе; онъ ей подаетъ лестную надежду, и совѣтуетъ въ то же время, чтобъ она не отчаевалась, подкрѣпила бы свои силы, и поправила слабое здоровье; ожидая времени, въ которое бы супругъ ея отправившись въ дорогу для какой нибудь нужды, подалъ имъ удобный случай къ исполненію взаимной любви, потомъ удаляется онъ немедленно отъ пагубнаго ея вздоха, и разсуждая, что толь великое бѣдствіе грозящее паденіемъ всему ихъ дому, требуетъ здраваго и благоразумнаго совѣта, спѣшитъ къ одному старику, коего мудрость и добродѣтель были испытаны и повсюду извѣстны, и которой бывши ему въ лѣтахъ отроческихъ наставникомъ и руководителемъ, заслужилъ отъ него полную себѣ довѣренность: онъ расказалъ ему

все подробно, но по долговременномъ разсужденiи опредѣлено было, чтобъ юноша спасся бѣгствомъ отъ мрачной бури, уготованной ему злобнымъ рокомъ. Между тѣмъ мачиха порочнымъ сгарая пламенемъ, и подстрекаема пагубною нетерпѣливостiю, вымыслила хитро разныя причины, и убѣдила оными своего супруга путешествовать въ отдаленные города. Онъ отправился въ дорогу. Она желая мгновенно зрѣть совершенiе своей надежды, убѣждаетъ пасынка, чтобъ онъ исполнилъ свое обѣщанiе, но юноша то сей, то другою извиняясь невозможностiю убѣгалъ всегда отъ ядоноснаго ея взору. Наконецъ получа отъ него несогласные и другъ другу противорѣчущiе отвѣты, увидѣла она ясно, что пламень ея тщетенъ, и не увѣнчается желаемымъ успѣхомъ, и потому вдругъ по природному своему легкомыслiю премѣнила горячую любовь въ самую хладную къ пасынку своему ненависть, и призвавъ къ себѣ слугу, на всѣ злодѣянiя готоваго, сообщаетъ ему беззаконныя свои намѣренiя; они долго между собою разсуждали; потомъ рѣшились, чтобъ добро-

добродѣтельнаго юношу умертвить въ самомъ скоромъ времени. Коварный слуга по приказанію своей госпожи летитъ и покупаетъ ядъ; могущій умертвить въ одну минуту, онъ растворяетъ его виномъ и готовитъ для погибели старшаго въ домѣ сына. Но когда они совѣтовали, въ какое бы время удобнѣе можно поднесть сей ядъ толь упорному и несклонному юношѣ, тогда младшій его братъ, кровный сынъ нечестивыя сея женщины, пришедши домой изъ училища, и окончавъ свой обѣдъ почувствовалъ жажду; по случаю попался ему въ руки сей ядоносный сосудъ; онъ не разсмотря опоражниваетъ его безъ остатку; и едва только успѣлъ выпить пагубную брата своего смерть, упалъ онъ на полъ вдругъ безъ всякаго чувствія.

Дядька его, устрашенный толь скоропостижною смертію, началъ вопить плачевнымъ и отчаяннымъ голосомъ; на крикъ его прибѣгаетъ нечестивая мать и всѣ домашніе служители. Никто не сомнѣвался, чтобъ сильный ядъ не былъ причиною страш-

наго сего приключенія: но впрочемъ одинъ того, другой другаго обвинялъ въ семъ злодѣяніи. Проклятая женщина, единственный примѣръ всѣхъ злобныхъ и коварныхъ въ свѣтѣ мачихъ, не соболѣзнуя о преждевременной смерти своего кровнаго сына, и не чувствуя угрызенія совѣсти, будучи виновницею его погибели; не смущаясь разрушеніемъ и конечнымъ паденіемъ своего дому, и не помышляя о горестной печали, которою супругъ ея будетъ терзаться, лишившись любезнаго сына; вознамѣрилась чрезъ сіе пагубное приключеніе отмстить немедленно своему пасынку; въ ту же минуту посылаетъ она гонца во слѣдъ за своимъ мужемъ, дабы увѣдомить его о страшномъ бѣдствіи приключившемся его дому. Нещастный супругъ возвращается немедленно. Жена его вооружившись неслыханнымъ безстыдствомъ, клевещетъ, что ея сынъ опоенъ ядомъ отъ беззаконнаго пасынка; и поистиннѣ языкъ ея говорилъ правду: ибо сей отрокъ смертію своею упредилъ смерть опредѣленную своему брату. Она присоединяетъ, что къ сему злодѣянію, къ сему братоубійству при-

привлечен он был ея постоянством и цѣломудріем, на которое стократно покушался без всякаго успѣха; но сія ужасная ложь не довольна была для мстительной женщины. Она увѣряет добродушнаго мужа, что пасынок угрожал пронзить ее мечем, поелику объявляла она всѣм о безчестных его намѣреніях. Злосчастный отец лишившись обоих чад колеблется во всѣ стороны свирѣпыми отчаянія волнами: он зрѣл, что младшаго сына ужѐ готовят к погребенію; он знал, что и старшій его сын за кровосмѣшеніе, за братоубійство непремѣнно должен подвергнуться всей строгости законов, и выпить чашу горестной смерти; сверьх того чрезмѣрная любовь к своей супругѣ, умножаемая хитрыми ея слезами, раждала в нем жесточайшую ненависть противу нещастнаго и оклеветаннаго сына.

Едва только совершены были плачевные погребенія обряды, немедленно стѣсненный печалію старик, оставя сруб приготовленный для сожженія



(а) младшаго сына, поспѣшаетъ въ Сенатъ, проливая изъ томныхъ очей слезные источники, и терзая сѣдины главы своей осыпанные печальнымъ пепломъ. Онъ предсталъ въ семъ видѣ предъ судей; и обольщенный коварствомъ жены своей повергается на землю, объемлетъ колѣни ихъ, проситъ, рыдаетъ, и заклинаетъ ихъ святостію правосудія, дабы достойная казнь опредѣлена была, и послѣднему его сыну; онъ прелюбодѣй, говоритъ имъ отчаянный старикъ, онъ прелюбодѣй; ибо хотѣлъ осквернить ложе своего родителя; онъ братоубійца, ибо смертоноснымъ ядомъ исторгнулъ духъ невиннаго отрока; онъ человѣкоубійца, ибо острымъ мечемъ намѣревался умертвить свою мачиху.

Толь чувствительными жалобами не только въ судіяхъ, но и во всей черни

(а) Древніе, какъ прежде было сказано, хранили тѣло умершихъ чрезъ восемь дней, и въ девятый день сожигали ихъ на срубѣ.

черни произвелЪ онЪ гнѣвЪ и ярость противу нещастнаго сына; всѣ не дожидаясь, чтобЪ судЪ произведенЪ былЪ извѣстнымЪ порядкомЪ, чтобЪ такое обвиненіе основано было на твердыхЪ и ясныхЪ доказательствахЪ, и чтобЪ наконецЪ обвиняемый имѣлЪ свободу себя защищать, всѣ, говорю, единогласно возопили: *Да истребится общественное зло, да побіется преступникЪ немедленно каменьемЪ.* Но главные предсѣдатели опасаясь вЪ разсужденіи самихЪ себя, и чтобЪ такое народное волненіе происшедшее отЪ маловажныхЪ причинЪ, не возымѣло пагубныхЪ слѣдствій и не было предосудительно законамЪ и учрежденіямЪ общественнымЪ, начали уговаривать мятущуюся чернь, и совѣтовать прочимЪ судіямЪ, чтобЪ рѣшительное на преступника опредѣленіе, слѣдуя обыкновенію предковЪ произнесено было вЪ силу всѣхЪ законовЪ, и чтобЪ изслѣдовать доказательства обѣихЪ сторонЪ. Ибо не совмѣстно просвѣщенному народу подражать безчеловѣчію варваровЪ, и осуждать на смерть преступника не выслушавЪ его оправданій; и что наслаждаясь пріят-

нымъ спокойствіемъ и тишиною не должны они толь ужасный лютости своей примѣръ оставлять позднымъ потомкамъ.

Благоразумный ихъ совѣтъ подтвержденъ былъ единогласно. Провозвѣстникъ возопилъ: — *да соберутся судіи немедленно въ Сенатъ.* Они приходятъ и каждый по достоинству своему занимаетъ мѣсто; — *да явится доноситель;* —— онъ предстаетъ; *да предстанетъ обвиненный*, — его выводятъ на среду. Потомъ, слѣдуя закону Аѳинейскаго Ареопага объявляетъ Провозвѣстникъ ходатаямъ (Адвокатамъ) обѣихъ сторонъ, чтобъ они не употребляя излишныхъ предисловій, и не стараясь возбуждать сожалѣнія, изъяснили все дѣло короткими и ясными словами.

Но вы спросите, можетъ ли знать глупой оселъ, что дѣлается въ Сенатѣ? безъ сомнѣнія: ибо я слышалъ, какъ многіе изъ бывшихъ тамъ, разговаривали послѣ между собою и утверждали, что все сіе происходило точно такимъ образомъ. Напротивъ того дока-

доказательства предлагаемыя доносителемъ, и рѣшенія обвиняемаго, взаимные ихъ вопросы и отвѣты, не дошли до моихъ ушей, и я стоя въ конюшнѣ не могъ быть о нихъ извѣстенъ, потому и вамъ ничего не скажу; словомъ: что мнѣ извѣстно, то и пишу для вашего удовольствія.

Когда уже окончалась ихъ распря, то судіи отвѣтствовали, что злодѣянія приписуемыя обвиненному требуютъ лучшихъ и яснѣйшихъ доказательствъ; и что не должно осуждать по однимъ маловажнымъ догадкамъ и вѣроятнымъ только признакамъ; они повелѣваютъ, чтобъ слугу, котораго обвинитель представлялъ свидѣтелемъ въ семъ дѣлѣ, и который, какъ онъ говорилъ, знаетъ всѣ приключенія подробно, позвать на судъ и выслушать его доказательства. Сей беззаконный рабъ ни мало не помышляя о сомнительномъ слѣдствіи и окончаніи толь важнаго суда, притомъ не устрашаясь толь многочисленнаго великихъ людей собранія, и не терзаясь угрызеніемъ преступной совѣсти, началъ говорить, и сплетенную

ную собою ложь утверждать, какъ точную и несомнительную истинну: —— Сей юноша, говорилъ онъ, оскорбленный презрѣніемъ своей мачихи, не склонившейся на его беззаконныя убѣжденія, призвалъ меня къ себѣ и желая отмстить ей чувствительнымъ образомъ, склонялъ меня, чтобъ я умертвилъ ея кровнаго сына, обѣщая въ знакъ благодарности наградить меня щедро, естьли тайну сію въ вѣчномъ сокрою молчаніи; я съ ужасомъ отрицался отъ такого злодѣйства; онъ угрожалъ мнѣ смертію, онъ вручалъ мнѣ ядъ собственными его руками растворенный въ винѣ, чтобъ я опоилъ онымъ младшаго брата его; но видя, что сей ядъ хранится мною для открытія злобныхъ его предпріятій, похитилъ его тайно и поднесъ самъ невинному отроку. —— Вѣроломный рабъ съ притворнымъ страхомъ окончилъ свою рѣчь, которая всѣмъ показалась достойною вѣроятія, и судъ былъ немедленно совершенъ. Ни одинъ Сенаторъ не почувствовалъ сожалѣнія къ нещастному юношѣ, всѣ единогласно рѣшили, чтобъ зашить его въ куль и бросить въ

рѣку;





рѣку; ибо сія казнь опредѣляема была такого роду преступникамъ.

Уже всѣ судіи будучи одинакаго мнѣнія готовились цыдулки свои класть въ мѣдный сосудъ, наблюдая обыкновеніе принятое отъ древнихъ временъ. Сіи цыдулки положены будучи одинъ разъ рѣшили жребій обвиненнаго, и уже ничего не можно было послѣ перемѣнить, и преступникъ въ то же время отдаваемъ былъ въ руки палача. Тогда искусный врачь, украшенный уже сѣдинами, занимающій почтенное мѣсто между Сенаторами, и уважаемый отъ всѣхъ за свое благоразуміе и непорочность, прикрывъ своей рукою мѣдный сосудъ, дабы кто нибудь не бросилъ въ него стремительно своей цыдулки, началъ говорить къ судіямъ: — Почтенные сочлены! мнѣ весьма пріятна долговременная моя жизнь: ибо все ея теченіе сопровождаемо было вашими хвалами и одобреніями. И такъ я не стерплю, чтобъ предъ моимъ взоромъ явное учинилось человѣкоубійство, не стерплю, чтобъ по ложнымъ обвиненіямъ, и маловажнымъ догадкамъ

осуж-

осужденъ былъ на смерть нещастный юноша: не допущу, чтобъ вы обманувшись клеветами презрѣннаго раба нарушили священную клятву данную вами правосудію: я не могу противъ гласа вопіющей мнѣ совѣсти, противъ гласа боговъ самихъ, согласиться на произнесенное вами опредѣленіе, и хочу подробно вамъ здѣсь объяснить, какъ все сіе дѣло происходило. Сей рабъ стоящій предъ вами, недавно пришедши ко мнѣ и принесши съ собою сто златницъ, желалъ купить у меня самый смертоносный ядъ увѣряя, что одинъ человѣкъ неизцѣлимою терзаясь болѣзнію хочетъ въ скоромъ времени освободиться отъ несноснаго мученія. Но я, слыша такую ложь, и толь безумныя причины, и не сомнѣваясь, чтобъ сей нечестивецъ не имѣлъ въ своей мысли злодѣйскаго намѣренія; далъ ему немедленно просимый напитокъ; однако предвидя по своей осторожности, что будетъ наконецъ слѣдствіе сего дѣла; не взялъ я у него въ скорости златницъ; но другъ мой, говорилъ ему, въ сихъ златницахъ находятся можетъ быть ложные, и такъ положи

ихъ

ихъ обратно въ свой кошелекъ и запечатай ихъ собственною печатью; въ слѣдующій день въ присутствіи денежнаго размѣнщика освидѣтельствуемъ ихъ доброту. Онъ мнѣ повѣрилъ, положилъ деньги въ кошелекъ, и запечаталъ своей печатью, и я ихъ взялъ къ себѣ. Но увидя сего презрѣннаго раба въ семъ священномъ мѣстѣ немедленно послалъ я одного изъ слугъ моихъ въ домъ свой, дабы принесъ ко мнѣ запечатанные въ кошелькѣ златницы. Вотъ они предъ вашими очами, пусть сей рабъ посмотритъ и узнаетъ свою печать; возможно ли чтобъ сей обвиняемый юноша умертвилъ брата своего тѣмъ ядомъ, который купленъ у меня симъ беззаконнымъ рабомъ! ——— Въ сіе мгновеніе невѣроятный ужасъ обьемлетъ нечестивца, онъ трепещетъ, и на лицѣ его изобразуется смертная блѣдность, хладный потъ течетъ струями съ его тѣла; онъ не можетъ стоять спокойно, переступаетъ съ мѣста на мѣсто, и чешетъ рукою свою голову; произнося сквозь зубы неизвѣстныя слова, означающія досаду его. Всякъ видя его въ та-

комъ

комЪ состояніи могЪ догадаться, что совѣсть его смущается, и признаетЪ свое злодѣйство. НаконецЪ возобновя свою бодрость и собравЪ всѣ свои силы, вооружается онЪ противЪ почтеннаго врача, обвиняетЪ его во лжи, и сЪ большимЪ прежняго упорствомЪ защищаетЪ свою сторону.

Добродѣтельный старецЪ давшій клятву сохранять вѣчно законы правосудія, и видя, что честность его и вѣрность предЪ всѣмЪ свѣтомЪ помрачается ложью презрѣннаго раба, усугубляетЪ свои доказательства; наконецЪ судіи приказали приставамЪ держать нечестивца за руки, и сыскать у него желѣзный перстень; (6) онЪ былЪ найденЪ, печать сличили сЪ печатью бывшею на кошелькѣ, сходство ихЪ было точно и несомнительно, и утвердило вЪ судіяхЪ всѣ подозрѣнія, ко-

(6) ВЪ первыя времена Римской республики всѣ всадники и Сенаторы Римскіе носили желѣзные перстни, но когда роскошь умножилась, то начали носить золотые, а желѣзные оставили для невольниковЪ и для подлой черни.

которыя они имѣли уже въ разсужденіи сего раба. Немедленно приносится колесо и другія мучительныя орудія употребляемыя у Грековъ; начинаютъ вѣроломнаго пытать, но онъ съ удивительнымъ мужествомъ терпитъ всѣ истязанія; никакое мученіе и самый даже огонь не могъ поколебать его упорства, и онъ ни въ чемъ не признался. —— Нѣтъ, возопилъ тогда благоразумный врачь, нѣтъ, я не стерплю, чтобъ вы невиннаго юношу поносной предали смерти; я не допущу, чтобъ и сей клевещущій рабъ избѣжалъ мучительной казни, которыя достоинъ по своимъ неслыханнымъ злодѣяніямъ; и послѣ хвалился бы, что хитростію своею умѣлъ обольстить толь мудрыхъ и осторожныхъ судей; я представлю вамъ несомнительное въ семъ дѣлѣ доказательство. Внимайте: когда преступная сія тварь, сей гнусный рабъ пришелъ ко мнѣ для покупки смертнаго яду, то сообразуясь моему званію, и зная, что врачь ничего не долженъ давать смертоноснаго: ибо врачебная наука изобрѣтена для продолженія жизни, а не для ускоренія

смерти;



смерти; находился я въ недоумѣніи чрезъ долгое время; однако разсудя, что естьли откажу ему въ сей прозьбѣ, то не преминетъ онъ купить смертнаго яду въ другомъ мѣстѣ, или употребитъ мечь, или другое убійственное оружіе для исполненія своего злодѣйскаго намѣренія; далъ я ему не смертный ядъ, но усыпительной порошокъ называемый обыкновенно *Мандрагорою*, который, какъ всему свѣту извѣстно, погружаетъ въ толь необычайное и сильное забвеніе и сонъ, что всякой, кто его выпьетъ безъ сомнѣнія покажется мертвымъ человѣкомъ: впрочемъ, вы не должны удивляться, что сей отчаянный злодѣй, увѣренъ будучи внутренно, что онъ достоинъ самой жестокой смерти по строгости нашихъ правосудныхъ законовъ, претерпѣваетъ съ толикою твердостію духа всѣ истязанія; онъ дѣлаетъ сіе умышленно, желая лучше испытать всякія мученія, нежели подвергнуться смерти. И такъ естьли отрокъ дѣйствительно выпилъ тотъ порошокъ, который я собственными руками развелъ въ водѣ теплой; то онъ непремѣнно живъ, онъ покоится, онъ спитъ,

и

и по прошествіи сего глубокаго сна увидитъ обратно лучи солнечные; но когда онъ въ самой вещи мертвъ, вы можете изыскивать другія смерти его причины, мнѣ ужѐ неизвѣстныя.

Всѣ единогласно подтвердили слова сего почтеннаго старика. Немедленно идутъ ко гробу, въ которомъ положенъ былъ умершій отрокъ. Не было ни одного Вельможи, ни одного Сенатора, и ни одного человѣка изъ простаго народа, который бы не стремился на сіе мѣсто, предводимъ отмѣннымъ любопытствомъ. Тогда отецъ младаго отрока собственными руками открываетъ гробъ; и видитъ, что сынъ его, котораго почиталъ ужѐ въ числѣ мертвыхъ, сверьхъ его чаянія воскресъ: ибо въ ту самую минуту усыпительная порошка сила уничтожилась. Коль не ожидаемое отчаянному отцу утѣшеніе! онъ неимѣя довольныхъ словъ ко изъясненію своей радости, объемлетъ и стократно лобызаетъ своего сына, и показываетъ всему народу; потомъ сей отрокъ еще связанъ погребательными убрусами несется на радостныхъ рукахъ въ Сенатъ. Тако без-

 зако-

законія злаго раба, и женщины, еще стократно его злѣйшей открыты были очамъ всего народа; и ужѐ истинна явилась въ полномъ блистаніи. Злобная мачиха осуждена была на вѣчное изгнаніе. Коварный рабъ извергнулъ подлую свою душу на висѣлицѣ. Сто златницъ по согласію всѣхъ судей вручены благоразумному врачу, въ награжденіе за усыпительный порошокъ, который онъ далъ столь благовременно. Симъ то чуднымъ и божественнаго провидѣнія достойнымъ слѣдствіемъ окончалось печальное приключеніе добродушнаго старика, который въ краткое время, или сказать лучше, въ одну минуту получилъ обратно въ свои объятія двухъ любезныхъ сыновъ, которые оба готовы ужѐ были повергнуться въ Плутоново царство.

Но посмотримъ теперь на осла и на его удивительный жребій. Солдатъ, который не развязывая своего кошелька и не видавши никакого продавца, купилъ меня охотно для своей услуги, повинуясь повелѣніямъ своего Полковника, долженъ былъ итти въ Римъ и несть отъ него письмо къ

Государю: я ему не нуженъ былъ въ дорогѣ, и для того продалъ меня за одиннатцать денарій двумъ ближнимъ сосѣдямъ, которые были родные между собою братья, и служили одному знатному господину; одинъ изъ нихъ былъ искусный хлѣбникъ и пирожникъ, другой весьма хорошій поваръ. Они жили вмѣстѣ, и все между собою имѣли общее; но чтобъ въ путешествіяхъ, не рѣдко имъ случающихся, не обременять имъ плечь своихъ поваренною посудою и другими до стола надлежащими бездѣлицами, взяли меня третьяго къ себѣ въ товарищи. Я никогда еще, находясь въ видѣ ослиномъ, не наслаждался толь пріятною жизнію: ибо въ вечернее время послѣ великолѣпнаго ужина товарищи мои прятали въ комнатѣ, гдѣ я жилъ, премножество различныхъ ѣствъ, оставшихся отъ ихъ господина; одинъ приносилъ курицъ, утокъ, поросятъ, рыбу и разные похлебки, другой напротивъ того мягкіе хлѣбы, вкусные пироги, сахарные закуски, сухарики и тому подобное. Послѣ того заперши двери, уходили они обыкновенно въ торговую баню. Симъ кушаньемъ,

 какъ

какъ будто съ неба мнѣ посланнымъ, насыщалъ я свой желудокъ весьма исправно: я не столько былъ опромѣтчивъ и глупъ, и не такой оселъ, чтобъ видя передъ собою пріятную человѣческую пищу, захотѣлъ ѣсть колючее сѣно. Въ семъ искусномъ воровствѣ не мало времени служила мнѣ фортуна: я съ начала былъ весьма учтивъ, и отъ каждаго кушанья кралъ понемножку; чего въ такомъ обиліи примѣтить было не льзя. Притомъ, кто могъ подумать, чтобъ за мною было такое ремесло. Но спустя нѣсколько дней, сдѣлался я отважнѣе и потерялъ всю ослиную скромность; я началъ выбирать самые лучшіе куски: жаркое, пирожное и приправленныя искусно похлебки препровождаемы были въ мой пространный желудокъ безъ всякой отговорки. Два брата примѣтивъ сей грабежъ весьма обеспокоились, и не подозрѣвая меня ни мало, употребляли всѣ силы, чтобъ сыскать виноватаго, и ужѣ не зная что дѣлать, стали они подозрѣвать другъ друга въ семъ подломъ воровствѣ; и начали приносимое кушанье считать по кускамъ и хранить съ большимъ прилѣжаніемъ.

Наконецъ одинъ изъ нихъ вышедши изъ терпѣнія, говоритъ другому: Слушай братецъ, ты весьма несправедливо и безчестно поступаешь, воруя изъ кушанья самые лучшіе куски, ты видно ихъ продаешь и копишь себѣ деньги; да еще и остатки хочешь дѣлить со мною пополамъ: естьли тебѣ не угодно со мною быть вмѣстѣ, разлучимся и станемъ жить порознь, а чрезъ то избѣжавъ такихъ несогласій, останемся навсегда братьями и друзьями; я вижу, что твоя обида и мои жалобы умножаясь день отъ дня, произведутъ между нами вражду неукротимую. — Правда, отвѣтствуетъ ему другой, и я хвалю твою смѣлость, что ты прежде началъ упрекать меня тѣмъ, что самъ дѣлаешь, и жаловаться въ томъ, въ чемъ я на тебя долженъ былъ жаловаться. Я ужѐ давно на тебя досадую внутренно, не хотя впрочемъ тебя, какъ своего брата и друга, обличить въ толь постыдномъ воровствѣ. Однако я весьма радуюсь, что мы другъ другу изъяснились и можемъ сыскать средства къ избѣжанію отъ такой вражды; иначе взаимное наше молчаніе про-



извело бы между нами такую страшную ненависть, какая была между Этеоклом и Полиником.

Такими и тому подобными упреками обременив они себя взаимно, и заклявшись всѣми богами, что ни тот, ни другой невинен в толь безчестном и подлом воровствѣ, согласилися наконец общим старанїем изыскивать такого разбойника: ибо, говорили они, человѣческая пища несвойственна желудку ослиному, который один остается в сей комнатѣ; но при всем том большая и лучшая часть из кушанья всякой день, как будто улетает; сверьх того мы весьма увѣрены, что не водятся в сем мѣстѣ толь великїя мухи, каковы были нѣкогда Гарпїи, похищавшїя всякїя мяса и всякую пищу со стола Финеева.

Между тѣм, насыщаясь обильно прїятным кушаньем, растолстѣл я чрезвычайно; кожа моя сдѣлалась мягка от безмѣрнаго жиру и шерсть на ней лоснулась. Но сїя доброта моего тѣла помрачила доброту моего сты-

стыда и скромности: два брата, господа и товарищи мои видя меня въ такомъ изрядномъ состоянiи весьма удивились, и примѣтя, что сѣно, которое клали для меня всякой день, ни мало не уменьшалось; обратили на поступки мои все свое вниманiе. И такъ въ одинъ вечеръ заключивши двери въ обыкновенный часъ, и притворясь, что будто ушли въ торговую баню, стали они смотрѣть на меня сквозь маленькую скважину, и увидѣли, что я всѣ блюды съ жаркимъ и пирожнымъ, съ похлебками опоражниваю весьма искусно. Тогда ни мало не заботясь о утратѣ мною причиняемой, захохотали они изъ всей мочи, удивляясь странному вкусу ослинаго желудка; потомъ призвавъ къ себѣ и другихъ домашнихъ служителей, показываютъ имъ странное мое обжирство. Всѣ смѣются надрывая свой животъ, по случаю господинъ ихъ проходя мимо и услышавъ такой необычайный крикъ и смѣхъ, спрашиваетъ тому причину, и узнавъ, что я ихъ забавляю своимъ лакомствомъ, приходитъ самъ и смотритъ на меня съ удивленiемъ сквозь малую скважину.

ему поступки мои толь забавны и увеселительны показались, что уставши отъ смѣха велѣлъ отперетъ двери, чтобъ посмотрѣть на меня вблизи. Я ни мало не безпокоясь продолжалъ нарочно и съ вящшимъ успѣхомъ мою работу: я увидѣлъ, что судьба начала мнѣ благопріятствовать, и гонящая меня прежде фортуна ласковые обратила ко мнѣ очи, притомъ веселой видъ всѣхъ зрителей произвелъ во мнѣ большую отважность.

Наконецъ господинъ сей утѣшаясь толь необычайнымъ зрѣлищемъ приказалъ весть, или лучше сказать, самъ повелъ меня въ столовую залу, гдѣ велѣлъ поставить передъ меня различныхъ ѣствъ еще не отвѣданныхъ. Я хотя уже безъ того весьма исправно желудокъ свой насытилъ, но желая въ большую у господина сего притти милость, все предлагаемое ѣлъ не сумняся и безъ всякаго стыда. Домашніе служители, хотя испытать меня, давали мнѣ всякую пищу, которую почитали отвратительною и непріятною для скотины; на примѣръ: цыплятъ, или утокъ посыпанныхъ перцомъ

цомъ, холодное съ горчицею и похлебки приправленныя прянымъ зельемъ. Но видя, что каждая пища была мнѣ по вкусу; начали всѣ хохотать, и во всякомъ углу пространной залы слышенъ былъ смѣхъ и рукоплесканіе.

Между тѣмъ одинъ забавный шутъ: — Поднесите, кричитъ, новому сему гостю хорошую рюмку вина. Къ стати сказалъ этотъ блюдолизъ, отвѣтствуетъ ему господинъ; можетъ легко статься, что любимецъ мой не отречется выпить самаго лучшаго вина; слушай малой, вымой почище этотъ золотой сосудъ, и наполнивъ его виномъ поднеси учтиво умному ослу, и скажи ему прежде, что я за его здоровье ужѐ выпилъ. Всѣ гости съ чрезвычайнымъ вниманіемъ ожидаютъ, что я буду дѣлать. Но я ничего не страшась и протянувъ свои губы учтиво и скромно выпилъ однимъ духомъ превеликую чашу вина. Въ минуту всѣ зрители вопятъ и желаютъ мнѣ добраго здоровья. Господинъ сего дому чрезвычайно радуясь о толь чудныхъ моихъ ухваткахъ, призываетъ къ себѣ хлѣбника и по-

вара и платитъ имъ вчетверо больше, нежели что они за меня дали. Въ тоже время поручаетъ меня въ смотрѣнiе одному любимому и богатому своему отпущенику, читая ему длинное предисловiе о моихъ достоинствахъ и приказывая имѣть о здоровьѣ моемъ возможное старанiе.

Сей отпущеникъ содержалъ меня весьма хорошо и кормилъ изрядной пищею досыта, а чтобъ больше угождать своему благодѣтелю, и забавлять его моими шутками училъ меня подражать человѣческимъ дѣйствiямъ. Сперьва выучилъ онъ меня садиться за столъ на коверъ, и опираться на одно колѣно, какъ будто на локоть, потомъ бороться и плясать на однихъ заднихъ ногахъ, поднявъ передни на воздухъ; но то всего было удивительнѣе, что разумѣлъ онъ мысли мои по однимъ знакамъ: ибо я не могъ изъясниться ослинымъ языкомъ; на примѣръ: возвышая свою голову означалъ я, что такая то вещь мнѣ нравится, но потупя ее въ землю показывалъ я свое отвращенiе; когда мнѣ хотѣлось пить, то смотря на кравчего и мигая глаза-

ми просилЪ у него какого нибудь напитку. Словомъ, я былъ самый прилѣжный и понятный ученикЪ; и безЪ всякаго учителя могЪ бы все дѣлать искусно, но страхЪ мнѣ вЪ томЪ препятствовалЪ: потому, что большая часть людей почли бы меня страшнымЪ предзнаменованіемЪ какого нибудь нещастія, и какЪ чудовищу отсѣкли бы мнѣ голову и на счетЪ моей жизни сдѣлали обѣдЪ звѣрямЪ и птицамЪ.

СлухЪ разнесшійся по всему городу о чудномЪ моемЪ проворствѣ сдѣлалЪ господина моего славнымЪ и повсюду знаемымЪ: —— ВотЪ, кричали всѣ, тотЪ человѣкЪ у котораго осеЪ умѣетЪ плясать, бороться, пить и ѣсть вмѣстѣ сЪ людьми, притомЪ изЪясняетЪ свои желанія пристойными знаками, разумѣетЪ человѣческой языкЪ; и все дѣлаетЪ непринужденно. Но я забывши сказать вамЪ прежде, какЪ назывался новой мой господинЪ, притомЪ изЪ какой онЪ былЪ земли, по крайней мѣрѣ теперь о томЪ обЪявлю. ОнЪ назывался ТіасомЪ и родомЪ былЪ изЪ Кориноа главнаго Ахей-

скаго

скаго города, гдѣ сообразуясь своей породѣ и достоинству шелъ постепенно на высоту знаменитыхъ честей, а наконецъ назначенъ былъ главнымъ председателемъ въ Сенатѣ, а сія важная должность обыкновенно пять лѣтъ продолжалась. Желая соотвѣтствовать знатности чина ему уже опредѣленнаго, обѣщался онъ представлять народу чрезъ цѣлые три дни различные шпажныхъ бойцовъ зрѣлища; но его пышность и великолѣпіе симъ не ограничилось. Онъ хотѣлъ удивить всѣхъ, и заслужить себѣ достойное уваженіе, для сего нарочно пріѣхалъ въ Ѳессалію, чтобъ купить самыхъ рѣдкихъ и свирѣпыхъ звѣрей и нанять искусныхъ и сильныхъ бойцовъ. Наконецъ все по своему желанію расположа и учредя готовился ѣхать въ Коринѳъ обратно. Онъ пренебрегъ свои кареты и коляски; они везены были за нимъ пустыя, онъ не захотѣлъ также ѣхать ни на Гальскомъ, ни на Ѳессалійскомъ быстромъ конѣ, которые по своей добротѣ и скорости весьма дорого почитались; одинъ только мой хребетъ служилъ ему гордою колесницею. Онъ украсилъ меня золотыми попо-

попонами, узда была серебреная, седло великолѣпное, подпруги распещрены разными цвѣтами, сверьхъ того премножество колокольчиковъ привязаны были къ убору моему весьма искусно, и бряцаніемъ своимъ услаждали мои отвѣсистые уши. Во время путешествія разговаривалъ онъ со мною по дружески, и между прочимъ признавался, что онъ весьма радуется и счастливымъ себя почитаетъ имѣя товарищемъ меня въ своихъ пиршествахъ, и употребляя въ дорогѣ вмѣсто кареты. Я не словами, но пристойнымъ тѣлодвиженіемъ отвѣтствовалъ на его ласки.

Напослѣдокъ отъ части моремъ, отъ части сухимъ путемъ окончивъ свое странствованіе достигли мы до Коринѳа. Немедленно стекается великое множество народа, не такъ для засвидѣтельствованія чести знаменитому Тіасу, какъ для того, чтобъ видѣть меня, и удовольствовать свое любопытство: ибо и въ семъ городѣ давно ужѐ разнеслася обо мнѣ слава, и притомъ столь великая, что богатой отпущеникъ, которому порученъ я былъ въ смотрѣніе, весьма

знат-

знатную пошлину собиралЪ со всего народа желающаго смотрѣть на мои забавныя шутки: ОнЬ примѣтя, что всякому чрезвычайно хочется видѣть и знать мое проворство, держалЪ двери на заперьти, и впущалЪ ко мнѣ одного за другимЪ получая отЪ каждаго хорошую за то награду. ВЪ толпѣ зрителей находилась одна молодая, благородная и весьма богатая вдова, которая заплативЪ дядькѣ моему обыкновенную цѣну смотрѣла на меня весьма прилѣжно, и удивляясь моему искуству вЪ подражаніи человѣческимЪ дѣйствіямЪ возчувствовала ко мнѣ непреодолимую склонность; и по примѣру сластолюбивой Пазифаи, влюбившейся вЪ тучнаго вола, желала обЪятій ослиныхЪ. Она уговоривЪ отпущеника, ревностнаго моего дядьку, и давши ему великую сумму денегЪ откупила меня на цѣлую ночь для своего удовольствія. Сей корыстолюбецЪ ни мало ей не противился, и не думая о бѣдствѣ, которое можетЪ мнѣ случиться, обременялЪ только превеликой свой карманЪ деньгами. Мы сЪ господиномЪ окончали свой ужинЪ, и я изЪ столовой залы ве-

домъ будучи отпущеникомъ возвратился въ мою спальню, гдѣ пригожая вдова нетерпѣливо меня ожидала. О боги! какое пышное пріуготовленіе! четыре евнуха немедленно готовятъ на полу постелю. Кладутъ сперьва мягкіе пуховики, потомъ ужѐ подушки большія, среднія и маленькія, которыя молодыя дѣвушки обыкновенно кладутъ себѣ подъ шею и подъ щеки; наконецъ выносятся одѣялы Тирійскимъ багрецомъ блистающіе и вышитые по краямъ золотомъ. Но чтобъ долговременнымъ своимъ присутствіемъ не вывесть госпожу свою изъ терпѣнія, выходятъ евнухи вонъ, и оставивъ ее со мною наединѣ запираютъ отъ внѣ двери. Посреди спальни моей зазженныя въ великомъ множествѣ восковыя свѣчи разгоняли темноту ночную.

Тогда прекресная вдова снявъ съ себя платье и обнаживъ свои прелести подошла ближе къ огню и намазала тѣло свое благовоннымъ бальсамомъ; потомъ не забыла и меня натереть симъ ароматомъ. Ужѐ она цѣлуетъ меня, и цѣлуетъ какъ самая стра-

стная

стная любовница; называетъ меня всѣми нѣжными именами: *свѣтъ мой*, *душа моя*, *чижикъ мой и сизой голубокъ* непрестанно изъ устъ ея вылетали; я между тѣмъ удивлялся толь странному ея вкусу, и зналъ точно, что ослы никогда ни чижиками, ни голубями не бывали. Однако и самъ напившись довольно за ужиномъ крѣпкаго вина, притомъ съ того времени какъ растался съ любезною Фотисою, не наслаждавшись пріятными утѣхами, возчувствовалъ отмѣнное въ себѣ движеніе. Но впрочемъ я весьма безпокоился разсуждая, что можно ли мнѣ толь нѣжное и мягкое прекрасной вдовы тѣло обнимать грубыми и тяжелыми своими ногами? можно ли отвѣсистыми и скверными своими губами прикоснуться къ ея розовымъ и нектарнымъ устамъ! наконецъ можно ли ..... но что изъясняться! словомъ: она сомнѣніе мое и страхъ уничтожила и увѣрилась, что Пазифая Минотоврева мать не напрасно имѣла себѣ любовникомъ тучнаго вола.

Препроводивъ всю ночь безъ сна уходитъ моя любовница еще до восхо-

жденія солнечнаго, боясь, чтобъ при свѣтѣ ктонибудь ее не увидѣлъ. Она такою же цѣною откупила меня для слѣдующей ночи; отпущеникъ на то согласился; убѣждаемъ будучи подлымъ корыстолюбіемъ и желая своего благодѣтеля новымъ и неслыханнымъ обрадовать зрѣлищемъ; онъ ему расказалъ о моихъ съ прекрасною вдовою забавахъ. Тіасъ наградилъ его за то весьма богатымъ подаркомъ и вознамѣрился толь чудное зрѣлище представить всему народу. Но какъ для сего позорнаго со мною дѣйствія не можно было имѣть ему пригожей вдовы, поелику была она знатной породы; и притомъ зная, что ни одна женщина на толь студное и безчестное дѣло не согласится; принужденъ былъ за великую цѣну выкупить изъ темницы нѣкоторую злодѣйку, которая главнымъ правителемъ осуждена была на снѣденіе звѣрямъ. — Но я раскажу вамъ прежде ея приключеніе.

Она соединена была узами брака съ молодымъ человѣкомъ, котораго отецъ отправляясь въ дальную дорогу

и оставляя свою жену, мать сего юноши беременною, приказалЪ, чтобЪ она умертвила свое дитя немедленно, естьли оно будетЪ женскаго полу. Сія женщина вЪ отсутствіи мужа своего родила по нещастію дѣвочку. Природа и матерняя нѣжность овладѣли ея сердцемЪ, и не допустили умертвить невинную тварь; она отдала ее для воспитанія ближнимЪ сосѣдямЪ. МужЪ возвратился; она сказываетЪ, что его приказаніе исполнено; между тѣмЪ нещастная дочь воспитывается, и уже достигла цвѣтущаго возраста; ея мать начала безпокоиться, увѣрена будучи совершенно, что не можетЪ выдать ее за мужЪ сЪ достойнымЪ породѣ ея приданымЪ, естьли не откроетЪ хранимой тайны своему супругу; вЪ такомЪ недоумѣніи рѣшилась она обЪявить сію тайну женатому своему сыну; и больше для того, чтобЪ сей юноша по младости своей жегомой всегда огнемЪ любовнымЪ не обольстилЪ сію дѣвицу, не зная, что она ему сестра, равно какЪ и она не знала, что онЪ ей братЪ кровный.

Сей

Сей юноша будучи отъ природы великодушнаго и добродѣтельнаго сердца, и наблюдая свято сыновный долгъ къ своей родительницѣ, запечатлѣлъ тайну сію молчаніемъ, и узнавъ свою сестру, имѣлъ къ ней самую чистѣйшую братнюю любовь, прилагая возможное о ней стараніе; но такъ осторожно, что весь народъ почиталъ сію склонность обыкновеннымъ дружествомъ. Онъ началъ исполнять священный долгъ родства такою добродѣтелью, которая всего нужнѣе была для юной дѣвицы. Онъ принялъ ее въ свой домъ, какъ дочь бѣднаго сосѣда, лишенную помощи своихъ родителей; и въ то же время предпріемлетъ благое намѣреніе, готовясь дать ей изъ собственнаго имѣнія знатное приданое, и совокупить бракомъ съ однимъ искреннимъ и добродушнымъ своимъ другомъ. Но толь непорочное расположеніе не могло утаиться отъ злобныхъ очей завистныя фортуны. Она раждаетъ въ домѣ сего юноши пагубную ревность; его жена готовится къ самымъ страшнымъ злодѣяніямъ, за которыя, какъ я уже сказалъ, приговорена къ смертной

 казни,

казни, служа пищею звѣриному чреву. Она сперва подозрѣвала нещастную дѣвицу, и почитала ее любовницею своего мужа, потомъ возчувствовала къ ней ужасную ненависть и злобу; наконецъ умыслила погубить ее самымъ жестокимъ и безчеловѣчнымъ образомъ. Внимайте какимъ средствомъ злоба ея успѣхъ свой получила. Она отправившись въ деревню украла у своего мужа перстень и послала оттуда своего вѣрнаго, но беззаконнаго и на всѣ злодѣянія готоваго слугу; которой бы увѣдомилъ сію дѣвицу, что ея благодѣтель зоветъ ее къ себѣ въ деревню; присоединивъ къ тому, чтобъ она шла немедленно и безъ всякаго проводника: для большаго увѣренія дала сія злодѣйка мужній слугѣ своему перстень, чтобъ онъ его показалъ дѣвицѣ, и чрезъ то убѣдилъ ее совершенно. Нещастная узнавъ перстень своего брата повинуется и немедленно къ нему спѣшитъ не имѣя ни одного спутника. Она приближается къ деревнѣ, и упадаетъ въ сѣти пріуготовленныя коварствомъ злобныя женщины. Злодѣйка воспаленная ревностію, и дышущая какъ Фурія

гнѣв-

гнѣвнымъ отмщеніемъ, хватаетъ невинную дѣвицу, сѣчетъ ее розгами, бьетъ руками и ногами, и повергаетъ полумертву на землю. Нещастная вопитъ, что она ни мало не достойна за безпорочные и отъ всякихъ порицаній изъятые свои поступки, толь жестокаго мученія; она тщетно увѣряетъ, тщетно повторяетъ, что младой юноша одними только братства узами соединенъ съ нею, злодѣйка ничему не вѣритъ, и почитая всѣ сіи клятвы скорою выдумкою, беретъ горящую головню и кладетъ ее между ногъ кричащей дѣвицы, и симъ безчеловѣчіемъ насильно исторгаетъ ея непорочную душу. Братъ сея дѣвицы, и съ нимъ ея женихъ, услыша о такомъ плачевномъ и неожидаемомъ приключеніи прибѣгаютъ немедленно и нашедши ее бездыханну отдаютъ ей послѣдній долгъ человѣчества, проливая горестные слезы и неописанною терзаясь печалію; а особливо нещастный братъ воображая мучительную смерть нанесенную сестрѣ своей отъ такой особы, отъ которой онъ всего меньше надѣялся, въ толь сильное повергнулся отчаяніе и досаду, что пламенная

 бо-

болѣзнь, самая страшная горячка, овладѣвъ всѣми чувствами, приближала его ко гробу. Его вѣроломная жена давно уже не ощущая къ нему супружней любви, спѣшитъ къ одному лекарю, который повсюду прославился отмѣннымъ искуствомъ и премножество людей отправилъ на тотъ свѣтъ полезными своими лекарствами: къ сему, говорю, убійцѣ спѣшитъ и обѣщая дать ему пятнатцать тысячь сестерцій (*), проситъ у него для своего мужа ядъ смертоносный. Онъ соглашается, приходитъ къ ея мужу, и совѣтуетъ ему принять нѣкоторое полезное лекарство, называсмое отъ ученыхъ людей священнымъ; онъ его увѣряетъ, что сіе лекарство непремѣнно уничтожитъ его болѣзнь, и возвратитъ прежнее здоровье: но въ самой вещи приуготовлено было питіе посылающее въ царство Презерпины. Когда уже въ присутствіи домашнихъ сродниковъ и друзей сребролюбивый лекарь хотѣлъ поднесть больному ядъ сво-

(*) Нашими деньгами около 1250 рублей.

своими руками растворенный, то коварная жена невѣроятнымъ исполнившись безстыдствомъ, не хотя лишиться денегъ обѣщанныхъ ему прежде, и не показаться виновницею мужней смерти удерживаетъ его руку, и дерзновенно говоритъ: — Нѣтъ, господинъ лекарь, нѣтъ, я не допущу, чтобъ ты подалъ сей напитокъ моему любезному супругу, не выпивши прежде самъ половину: кто знаетъ, можетъ быть, сїе лекарство растворено ядомъ; и ты, какъ человѣкъ благоразумный, ни мало не долженъ оскорбляться, естьли я въ семъ важномъ случаѣ усумнѣлась: священный долгъ и любовь супружняя причиною моего сомнѣнїя. — Лекарь пораженный громовымъ симъ ударомъ, не знаетъ что дѣлать; но не имѣя времени къ размышленїю, притомъ, чтобъ медлѣнїемъ своимъ и боязнїю не объявить своего злодѣйства и преступной совѣсти, выпиваетъ цѣлую половину сего яду; больной юноша полагаясь на сїе доказательство допиваетъ остатки безъ всякаго сомнѣнїя.

Такимъ образомъ исполнилось неслыханное злодѣйство, и лекарь поспѣ-

спѣшаетъ домой, чтобъ ядоносную силу спасительнымъ уничтожить напиткомъ; но беззаконная женщина не дозволяетъ ему и на шагъ отлучиться; подожди, говоритъ она ему, доколѣ твое лекарство не возымѣетъ своей силы, и не покажетъ, какое будетъ отъ него дѣйствіе, однако усильной прозьбою и клятвами его убѣждена будучи, отпустила его домой. Между тѣмъ по всей его нутренности и по всѣмъ жиламъ ядоносная разливается влага, онъ несетъ черную смерть въ себѣ самомъ, уже трепещутъ его колѣни, меркнетъ взоръ, кружится голова, и онъ едва въ домъ свой входитъ; гдѣ съ великимъ усиліемъ объяснивъ женѣ своей все подробно, приказываетъ ей требовать у злодѣйки, по крайней мѣрѣ обѣщанную цѣну, за смерть его, и за смерть ея мужа. Послѣ сего искусный сей лекарь извергаетъ свою душу, обманутъ будучи коварствомъ женщины. Нещастный юноша не долѣе жилъ своего убійцы, онъ съ равнымъ мученіемъ нисходитъ во гробъ и орошается притворными жены своей слезами. Уже его погребли, и чрезъ нѣсколько дней испол-

исполняются печальные обряды. По прошествіи сего времени приходитъ лекарева жена къ беззаконной и безчеловѣчной злодѣйкѣ и проситъ у нее обѣщанные деньги за смерть своего и ея супруга. Но сія не измѣняя ни мало злости своей отвѣтствуетъ ласково, и обѣщается непремѣнно устоять въ своемъ словѣ и отдать ей достойную цѣну; но только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ она еще нѣсколько сего яду сообщила ей для окончанія предпріятаго намѣренія. Вдова лекарева обольщенная коварствомъ ея и хитрыми прозьбами соглашается на ея требованіе тѣмъ съ большею охотою, что она желала получить немедленно свою награду, а притомъ заслужить и впредь довѣренность отъ такой богатой женщины, какова была сія нечестивая злодѣйка: она спѣшитъ въ домъ свой, сыскиваетъ ящикъ съ ядомъ, и возвратившись вручаетъ его преступницѣ, которая получивъ толь сильное и страшное оружіе готовится умножать число своихъ злодѣяній. Она имѣла отъ супруга своего, котораго недавно умертвила малолѣтную дочь, и не хотя, чтобъ сія дѣвица была наслѣдницею

нѣкоторой части родительскаго имѣнія, чего непремѣнно требовали общественные законы; вознамѣрилась ее погубить тѣмъ же ядомъ: и такъ зная, что мать въ силу законовъ получаетъ все имѣніе по смерти своихъ дѣтей, доказала себя столь же нѣжною родительницею, сколь была нѣжною и вѣрною супругою. Она дѣлаетъ великолѣпной обѣдъ, и во время стола отравляетъ ядомъ дочь свою и жену покойнаго лекаря. Смертная влага возымѣла скоро свое дѣйствіе въ нѣжномъ и не укрѣпившемся тѣлѣ юной дѣвицы, и въ минуту ее умертвила. Но вдова лекарева чувствуя въ груди своей и во всѣхъ жилахъ разлившійся пагубный напитокъ, догадалась, что было причиною. Потомъ приходя въ большее изнеможеніе и отчаяваясь жизни своей увѣрилась, что она опоена смертоносным ядомъ; и такъ спѣшитъ немедленно къ дому градскаго правителя, гдѣ вопитъ, кричитъ и проситъ скораго и справедливаго отмщенія: народъ ее окружаетъ въ великомъ множествѣ; она требуетъ, чтобъ ее допустили къ сему начальнику; увѣряя, что намѣрена ему открыть неслыхан-

ныя злодѣянія; ее не удерживаютъ и въ скоромъ времени домъ и слухъ правосуднаго начальника для ней отверзается. Ужѐ расказываетъ она ему подробно всѣ коварства и злодѣянія беззаконной женщины; какъ вдругъ мрачный обморокъ чувства ея обьемлетъ; ея уста отверстые хотѣли докончать начатую рѣчь, но вдругъ сомкнулись; зубы ея ударясь другъ о друга производили страшный скрежетъ; и она упадаетъ бездушна предъ стопами градскаго начальника. Но онъ будучи мужъ благоразумный не медлитъ и готовится толь ужасную преступницу, толь ядоносную женщину казнить смертію. Ужѐ призываетъ къ себѣ комнатныхъ ея служанокъ и различными истязаніями принуждаетъ ихъ сказать истинну; они признаются, что госпожа ихъ безчеловѣчная злодѣйка; и такъ осуждаютъ ее немедленно хищнымъ звѣрямъ на снѣденіе; и сія казнь хотя несразмѣрна толь лютымъ и толь многимъ ея злодѣйствамъ, но другой жесточайшей казни выдумать было не можно.

Теперь вообразите сколь чувствительною досадою и печалію терзался я, представляя въ умѣ своемъ, что съ такою беззаконною и безчестною женщиною принужденъ буду при всемъ народѣ совокупиться бракомъ. Я часто намѣревался умертвить лучше самаго себя, нежели прикоснуться къ ней и притерпѣть студный позоръ при толикомъ множествѣ; но не имѣя рукъ человѣческихъ не могъ я копытомъ своимъ обнажить меча и пронзить на вылетъ свое тѣло. Въ такомъ нещастіи утѣшался я симъ только воображеніемъ, которое льстило мысли мои, что ужѐ весна возвратомъ своимъ начинаетъ всю природу оживлять; одѣваетъ поля и долины злакомъ и цвѣтами, и что наконецъ прелестныя розы ощущая лобзанія зефира наполнятъ воздухъ пріятнымъ ароматомъ, и скоро возвратятъ мнѣ прежній Луціевъ образъ.

Наконецъ день торжества приближился; меня выводятъ на зрѣлище, толпа народная сопутствуетъ и радостныя восклицанія слышны повсюду. Игры начинаются веселыми и пріятными

плясками. Я стоя предъ вратами открытаго амфитеатра, питался сладостною зеленью растущею на томъ самомъ мѣстѣ, а между тѣмъ часто устремлялъ быстрый и любопытный свой взоръ на веселыя и забавныя утѣхи: юные отроки и дѣвицы всѣ отмѣнной цвѣтущіе красотою, и облеченные въ великолѣпныя одежды, различнымъ, но пріятнымъ своимъ тѣлодвиженіемъ и разнымъ ступаніемъ ногъ своихъ представляли хоръ Пирической (в) пляски: они, то всѣ вмѣстѣ составляли цѣлой кругъ, то взявшись за руки шли по театру вкось изъ одного края въ другой; иногда дѣлали изъ себя четвероугольный полкъ, иногда раздѣлялись на два хора. Словомъ, они безчисленное множество различныхъ оборотовъ сдѣлали самымъ искуснымъ образомъ, наконецъ трубнымъ гласомъ данъ былъ знакъ; и сіи первыя забавы окончались. Въ туже

(в) Сей родъ пляски изобрѣтенъ былъ Пирромъ сыномъ Ахиллесовымъ, который первый такимъ образомъ плясалъ предъ гробомъ Патрокла Ахиллесова друга.



тужеминуту поднимается вверьхъ завѣса, и открывается великолѣпное расположенiе прiуготовленное изображать судъ Парисовъ.

Видима была высокая, изъ древа сдѣланная гора, на подобiе славной горы Иды воспѣтой божественнымъ Гомеромъ; она покрыта была тѣнистыми и цвѣтущими древами, и зелеными кусточками. Хитрая рука изъ самой ея высоты произвела кристальный источникъ; козы и овцы паслися въ ея долинахъ, питаясь мягкимъ злакомъ. Пастухъ сего стада былъ прекрасный юноша изображающiй Париса и одѣтый великолѣпною одеждою разпещренною различными цвѣтами по обыкновенiю Фригiйцовъ. На головѣ его была шапка вышитая золотомъ. Послѣ того явился прелестный отрокъ почти совсѣмъ нагой, и тонкая только епанча лѣвое плечо его покрывала, желтые волосы развѣвались по его раменамъ, а золотыя крылья блистали за спиною. Жезлъ въ его рукѣ обвитый змiемъ показывалъ, что онъ Меркурiй всегдашнiй посланникъ боговъ. Онъ плясучи приближился къ пастуху, который пред-

представлялъ Париса, и вручивъ ему золотое яблоко, изъяснилъ волю Юпитерову приличнымъ знакомъ; потомъ скрылся отъ очей зрителей какъ свойственно божеству. Тогда является юная дѣвица представляющая богиню Юнону; видъ и взоръ ея величественъ, глава ея увѣнчана бѣлой діадимою, и въ рукѣ своей имѣла она скипетръ. Потомъ выходитъ другая съ видомъ гордымъ, на главѣ ея блисталъ шлемъ обвитый оливною вѣтвію; шуйца ея держала щитъ, но десница потрясала грознымъ копіемъ. Словомъ, это была Минерва сражающаяся на Марсовомъ полѣ. Наконецъ является третія, и красотой своей ослѣпляетъ очи зрителей. Божественный лица ея цвѣтъ изображалъ Венеру, но Венеру еще непорочную и нерастлившую свое цѣломудренное дѣвство: выключая нѣкоторые прелести осѣняемыя тонкимъ и прозрачнымъ шелковымъ покрываломъ, всѣ прочіе тѣла ея пріятности были обнажены: но рѣзвый и любопытный зефиръ легкими и любовными крилами поднималъ на воздухъ и сіе покрывало. Сія богиня имѣла два различ-



личные цвѣта: все ея тѣло блистая совершенною бѣлизною, означало ея небесное поколѣніе; но легкій и тонкій ея покровъ былъ лазореваго цвѣту; ибо она во глубинѣ морской родилась.

Каждая изъ сихъ мнимыхъ богинь имѣла своихъ спутниковъ. Юнону провождали два юноши, это были Касторъ и Поллуксъ. На ихъ главахъ были круглые шишаки, у которыхъ на самомъ верьху блистали двѣ звѣзды. Богиня при сладостномъ свирѣлей гласѣ подходитъ къ пастуху являя видъ скромный и непритворный; потомъ благопристойнымъ движеніемъ тѣла даетъ знать ему, что сдѣлаетъ его Царемъ и владѣтелемъ всея Асіи, естьли онъ красоту ея предпочтетъ красотѣ прочихъ богинь и вручитъ ей золотое яблоко. Но Минерва сопутствуема была также двумя юношами повсемѣстными ея оруженосцами, которые держа въ рукахъ своихъ обнаженные мечи изображали собою *страхъ* и *трепетъ*; позади ея Дорическая слышна была музыка, которая съ трубнымъ военнымъ гласомъ

со-

соединяя пронзительный тонъ возбуждала къ мужественной и важной пляскѣ. Богиня потрясая главою и благородной исполнена гордости приближается къ пастуху величественной поступью; и живыми знаками обѣщаетъ ему, что прославитъ она его знаменитыми на войнѣ дѣйствіями, увѣнчаетъ главу его лаврами, и учинитъ его побѣдителемъ надъ всѣми непріятелями; естьли только онъ предпочтетъ ея прелести красотѣ двухъ богинь, и сдѣлаетъ ее побѣдительницею въ сей важной враждѣ. Наконецъ Венера является среди самаго зрѣлища, и пріятной усмѣшкой восхищаетъ сердца всѣхъ зрителей. Она окружена была многочисленнымъ хоромъ отроковъ, столь юныхъ и прекрасныхъ, что всякой не усумнѣлся бы ихъ назвать точными купидонами, слетѣвшими съ небесной высоты, или исшедшими изъ глубины морскія: они имѣли блестящіе крылья, и вооружены златыми стрѣлами; нѣкоторые изъ нихъ горящіе пламенники несли передъ нею, какъ будто бы она шла на торжество брачное; сверьхъ того сопутствовало

ей великое множество юныхъ дѣвицъ, не считая Нимфъ, Грацій, и прелестныхъ Минутъ, которые во угожденье своей Царицы и матери утѣхъ разсыпали благоуханные цвѣты предъ ея стопами; и всѣ пріятности смѣющейся весны истощали для увеселенія: немедленно Лидійская музыка стройнымъ и согласнымъ звукомъ услаждаетъ слухъ и сердца всего народа. Но сама Венера стократно въ пріятнѣйшій восторгъ привела зрителей, когда начала она плясать; и когда прелестнымъ обращеніемъ тѣла, искуснымъ и тихимъ движеніемъ головы, легкимъ и нѣжнымъ ступаніемъ ногъ своихъ согласовала увеселительному и сладостному тону музыки. Въ ея блистающихъ очахъ иногда видима была томность изображающая страстную любовь, иногда лучезарный пламень и благородная гордость; иногда казалось, что едиными только взорами очей своихъ пляшетъ она самымъ пріятнымъ образомъ. Она приближась къ Парису обѣщаетъ ему нѣжнымъ движеніемъ розовыхъ раменъ, что съ самою прекрасною и себѣ подобною жен-

женщиною соединитъ его узами брака. Тогда мнимый Фригійскій пастухъ немедленно вручаетъ ей златое яблоко и отдаетъ красотѣ ея преимущество предъ прочими двумя богинями.

Подлые человѣки! не достойные имени человѣческаго, должны ли вы удивляться, что въ сіи развращенныя времена при священныхъ Ѳемидиныхъ олтаряхъ не стыдятся продавать судъ, правду и милость за гнусную цѣну сребра и злата; естьли въ началѣ вѣковъ между тремя богинями происшедшая распря рѣшена несправедливымъ благопріятствомъ и пристрастіемъ; естьли простой пастухъ избранный судіею отъ самаго Юпитера продалъ свое мнѣніе за маловременныя утѣхи, за малое сладострастіе и съ разрушеніемъ впрочемъ всего своего отечества? не видимъ ли мы и другаго подобнаго сему примѣра, когда мудрый Паламедъ, знаменитый питомецъ Минервинъ, по ложнымъ обвиненіямъ и доказательствамъ всѣми Греческихъ полковъ вождями осужденъ былъ на смерть какъ измѣнникъ и пре-

предатель? трепещущій на сраженіяхъ Улиссъ не предпочтенъ ли славному и побѣдоносному Аяксу, получа божественное Ахиллесово оружіе? но что мы изречемъ о Аѳинейскомъ Ареопагѣ? не тамъ ли толь благородные законоподатели, толь просвѣщенные мужи, руководители ко всякой премудрости произнесли неправедный судъ противъ невиннаго Сократа? сей почтенный старикъ носящій въ разумѣ своемъ божеское вдохненіе, и устами самаго Аполлона премудрѣйшимъ изъ всѣхъ смертныхъ нареченный, не окруженъ ли былъ сѣтями коварства и зависти? озаряя чистѣйшимъ нравоученіемъ мысли юношей и утверждая стопы ихъ на стези добродѣтели, не обвиненъ ли онъ, какъ растлитель чистоты и цѣломудрія? и не окончалъ ли своей жизни смертоносною отравою; оставляя впрочемъ неблагодарнымъ своимъ согражданамъ вѣчное и незагладимое пятно безрассуднаго ихъ пристрастія и несправедливости? ибо и нынѣ еще великіе умы и славнѣйшіе Философы послѣдуютъ священному и божественному его ученію, и стараясь снискать высочайшее благо кленутся

его

его именемъ. Но чтобъ не оскорбился ктонибудь толь ревностнымъ и толь праведнымъ моимъ негодованіемъ, и не сказалъ самъ себѣ; можно ли стерпѣть нравоученіе глупаго осла? возвращаюсь я на свою стезю, отъ которой недавно удалился.

Когда уже мнимый Парисъ окончалъ свой судъ и рѣшилъ распрю между тремя богинями; то Юнона и Минерва уходятъ съ театра терзаясь досадою и печаліею; они различными знаками изъясняли гнѣвъ свой и чувствіе обиды и безчестія толь несправедливо имъ нанесеннаго. Но богиня любви радость свою и удовольствіе доказывала пріятною пляскою, въ чемъ весь ея прелестный хоръ подражалъ ей весьма искусно. Послѣ того вдругъ изъ самой высоты горы чрезъ потаенную трубу устремился источникъ вина растворЕннаго шафраномъ, и раздѣлившись на воздухѣ упадалъ на пасущееся стадо и орошалъ его благоуханнымъ дождемъ, доколѣ природная бѣлизна овецъ и козъ не пременилась въ цвѣтъ желтоватый. Но когда пріятный запахъ сего благовоннаго

дождя разлился по всему мѣсту и усладилъ чувствія всѣхъ зрителей, то вдругъ земля разверзлась и деревянная гора исчезла. Въ то же время выбѣгаетъ на средину площади нѣкоторый солдатъ, и кричитъ, что уже весь народъ требуетъ, чтобъ вывесть изъ темницы беззаконную женщину, осужденную на снѣденіе звѣрямъ хищнымъ. Уже готовятъ постелю, на которой я съ нею долженъ забавлять народное множество. Кровать была сдѣлана весьма искусно и украшена по мѣстамъ кожею черепахъ Индейскихъ, мягкіе пуховики и шелковыя одѣяла совсѣмъ были готовы. Но я сверьхъ стыда и безчестія, которое чувствовалъ видя себя опредѣленнымъ претерпѣть гнусный позоръ при всемъ народѣ и оскверниться прикосновеніемъ къ толь преступной и безчеловѣчной женщинѣ, трепеталъ еще и въ разсужденіи моей жизни: размышляя самъ съ собою по Философски, что никакой звѣрь, какого бы не выпустили для разтерзанія сей злодѣйки, не будетъ столько уменъ, разсудителенъ и скроменъ, чтобъ видя меня съ нею и не прикоснувшись ни мало ко мнѣ, по-

елику

елику я невиненЪ и кЪ смерти неприговоренЪ; устремился прямо на нее какЪ на жертву опредѣленную законами вЪ пищу его чреву.

И такЪ уже не о стыдѣ, но больше о сохраненіи жизни моей безпокоясь; и примѣтя, что господинЪ мой старается о постелѣ намЪ пріуготовляемой, а его слуги иные стерегутЪ звѣрей и ловчихЪ собакЪ, иные смотрятЪ со вниманіемЪ на зрѣлище, и никто не думаетЪ хранить толь смирнаго осла, какимЪ они почитали меня; вознамѣрился я исполнить свое предпріятіе, уже давно вЪ мысли мои воображаемое, я удалялся мало помалу и никто не подозрѣвалЪ о моемЪ побѣгѣ; пришедши кЪ ближнимЪ градскимЪ вратамЪ устремился вЪ бѣгство сЪ возможною скоростію, и пролетѣвЪ пятнатцать верстЪ достигЪ до города Цинареи, который почитается самымЪ знаменитымЪ КориноскимЪ поселеніемЪ, и стоитЪ при ЭгинскомЪ заливѣ, составляющемЪ часть Эгейскаго моря; онЪ весьма многолюденЪ и притомЪ имѣетЪ пространную и безопасную для мореплавателей пристань. Я не желая ни

жемъ быть примѣченъ сыскалъ для себя на берегу моря отдаленное и пустое мѣсто и легъ на мягкій песокъ для отдохновенія. Солнце ужè совершило почти дневный свой путь, и сладкій сонъ объялъ всѣ мои чувства.

## КОНЕЦЪ ДЕСЯТОЙ КНИГИ.



ПРЕ-



# ПРЕВРАЩЕНИЕ
# ИЛИ
# ЗОЛОТОЙ ОСЕЛЪ.



## *КНИГА ПЕРВАЯНАДЕСЯТЬ.*

Уже мрачная завѣса ночи распростерта была надъ всею поднебесною тварью; какъ вдругъ незапный ужасъ возбудилъ меня отъ сна пріятнаго. Я вижу отъ волнъ морскихъ исходящую луну блистающую полнымъ свѣтомъ. Зная, что могущество сея великія богини повсемѣстно (а), что всѣ земнаго круга вещи управляются ея прови-



(а) Луна нарицаясь Изидою, Гекатою, Прозерпиною, Цересою и другими именами, означаетъ всѣхъ богинь; равно какъ Озирисъ, или Сераписъ, или по Перситски Митра, означаетъ всѣхъ боговъ, какъ то Юпитера, Аполлона, Бахуса и прочихъ.

дѣнiемъ, и не только животные, но также и неодушевленныя твари чувствуютъ силу и благотворное содѣйствiе лучей ея, и что наконецъ всѣ небесныя, земныя и во глубинѣ моря находящiяся тѣла возрастаютъ или умаляются, сообразуясь приращенiю или ущербу (б) сея планеты, восхотѣлъ я при толь способномъ уединенiи простерть мольбу свою къ сей величественной богинѣ; ибо я ощутилъ внутренно, что злобная судьба, насытившись моими бѣдствiями, подаетъ мнѣ хотя поздно лестную надежду къ прекращенiю моихъ нещастiй; и такъ воставъ немедленно спѣшу къ морю, дабы омывшись его водами (в) очи-

(б) Нынѣшнiе испытатели природы ужѣ не имѣютъ о лунѣ такихъ мыслей: ибо различные дѣланные ими опыты не могутъ подтвердить сего древняго мнѣнiя.

(в) Древнiе народы приступая къ богослуженiю, или къ другимъ дѣйствiямъ касающимся до благочестiя, омывались сперва въ рѣкѣ или въ морѣ. Турки, Индiане, и другiе народы и нынѣ еще хранятъ сiе обыкновенiе.

очиститься отъ всякой скверны; я седмь кратъ погружалъ голову мою въ волны, послѣдуя закону премудраго Пиѳагора, который научалъ насъ, что седмеричное число всего больше приличествуетъ вещамъ относящимся до вѣры и богопочтенія. Послѣ сего исполнясь радости и надежды, и усердные проливая слезы, простерлъ я мольбу свою ко всемогущей богинѣ.

Величественная небесъ Царица, кто бы ты ни была, плодоносящая ли Церера и благотворная мать сельныхъ класовъ, обрадованная дщери своей *обрѣтеніемъ* и въ знакъ щедротъ своихъ научившая смертныхъ питаться сладчайшею пищею, отвергнувъ грубую снѣдь единымъ только безсловеснымъ приличную; и обитающая нынѣ въ злачныхъ поляхъ Элевзинскихъ! или небесная ты Венера, произведшая въ началѣ вѣковъ священную любовь и неразрывными ея узами соединившая во едино два различные пола и непрерывнымъ чадородіемъ умножающая родъ человѣческій; и нынѣ благоговѣйно покланяемая во храмѣ Пафоскомъ!

или сестра ты лучезарнаго Феба, изведшая на свѣтъ толикое множество народовъ, вспомоществуя женамъ въ болѣзняхъ родящимъ, и чтимая днесь тучными жертвами въ великолѣпномъ Эфескомъ храмѣ! или наконецъ грозная Прозерпина стократно повторяемая страшными ночными воплями, и трличнымъ своимъ образомъ (г), укрощающая стремленіе призраковъ и мечтаній, содержа ихъ въ цѣпяхъ земнаго нѣдра! ты протекая мрачные лѣса отъ разныхъ народовъ различныя пріемлешь почести и жертвы! ты вторый блистательный свѣтильникъ міру! ты влажными своими лучами изливаешь животворные и питательные соки въ сердце древъ и всѣхъ

(г) Луна изображалась въ трояком видѣ, и съ тремя различными головами, то есть съ лошадиною, дабы означить ея быстрое на небесахъ теченіе, потомъ съ оленьею, ибо она почитается и Діаною, богинею звѣриной ловли. Наконецъ съ песьею головою, означая что Прозерпина богиня мрачнаго ада, гдѣ находится страшный песъ Церберъ.

растѣній, ты по мѣрѣ приближенія, или удаленія твоего отъ солнечнаго круга различно мещешь сребровидное дѣвическое свое блистаніе. Великая богиня! какимъ бы не нарицалася именемъ, какими бы тя ни чтили жертвами и обрядами, и какой бы наконецъ ни былъ твой образъ, коснися мнѣ благодѣтельною твоею десницею, исхити меня отъ бездны моихъ нещастій, воставь отъ бѣдственнаго паденія, содѣлай, да стопы мои утвердятся на стези мира и спокойствія, повели гонящей меня судьбѣ здержать свое стремленіе и укротить свою ярость: довольно золъ, довольно бѣдствій, довольно стрѣлъ поражавшихъ меня въ пути моей жизни. Отними отъ меня сей гнусный четвероногаго скота образъ и возврати мнѣ прежній видъ Луціевъ, возврати меня моимъ сродникамъ, друзьямъ и благодѣтелямъ. Но естьли какое грозное божество раздраженное нѣкогда мною претитъ моей усердной мольбѣ достигнуть кроткаго твоего слуха, и не хощетъ укротить своей неукротимой ярости; благоволи богиня, да уничтожится мое смертное бытіе, когда уже не можно

мнѣ



мнѣ надѣяться лучшаго состоянія въ сей плачевной юдоли.

Сія смиренная мольба сопутствуема была токомъ слезъ и тяжкими стенаніями; но утомленные мои члены объялъ вторично глубокій сонъ, и я на томъ же повергнулся мѣстѣ. Едва сомкнулъ я свои очи, и ужѣ мечтается мнѣ, что изъ самой глубины моря подъемлетъ нѣкая богиня главу свою, къ которой должны благоговѣть самые небеса и всѣ боги; потомъ исходя помалу отъ волнъ лазоревыхъ является всѣмъ тѣломъ и предстаетъ предъ мой смущенный взоръ. Я потщусь описать вамъ чудный ея образъ, естьли только смертные уста и слабая человѣческаго витійства сила можетъ летѣть въ превыспренность, и естьли сія богиня вдохновеніемъ своимъ изліетъ на мой языкъ небесное краснорѣчіе сразмѣрное толь великому предпріятію. Во первыхъ ея кудрявые, густые и долгіе власы, развѣваясь по волѣ Зефира, украшали ея рамена и божественную выю. Ея величественная глава различными увѣнчанна была цвѣтами, которыхъ многообразное со-

пле-

плетеніе представляло разные виды; по верьхъ ея чела блисталъ плоской кругъ, на подобіе зеркала, или лучше сказать, кругловидный бѣлый свѣтъ; по сему признаку узналъ я, что сія богиня есть сама луна, ошую и одесную ея страну зрѣлися два извивающіеся змія, и на нихъ видимы были зрѣющіе класы. Ея одежда сошвена была изъ самаго тонкаго льнянаго полотна, котораго цвѣтъ различно перемѣнялся: иногда казался онъ блестящимъ (д) и сребровиднымъ, иногда нѣсколько желтымъ и подобнымъ шафрану, иногда багрянымъ и подобнымъ розѣ. Но верхняя риза ея чернымъ блистая лоскомъ притупила и помрачила остроту моего взора. Сія риза прикрывая богиню съ обѣихъ сторонъ, и подобно перевязи изъ подъ праваго плеча стягнута будучи однимъ кра-

---

(д) Луна при восходѣ своемъ кажется красноватою, по причинѣ сгущенныхъ паровъ отъ земли поднимающихся; но возвысившись на горизонтѣ имѣетъ цвѣтъ желтой, и когда уже въ самой срединѣ теченія своего, тогда кажется бѣлою или сребровидною.

краемъ на левое опускалась внизъ во многихъ и различныхъ изгибахъ, она по краямъ обложена была тончайшею бахрамою, развѣваемою отъ самаго легкаго движенія; на воскриліяхъ сея ризы и на другихъ мѣстахъ разсѣянны блистали звѣзды, и среди ихъ полная луна живѣйшимъ сіяла свѣтомъ. Вокругъ сея великолѣпныя ризы видима еще была неразрывная цѣпь составленная изъ всѣхъ плодовъ и цвѣтовъ весеннихъ. Въ рукахъ сея богини видимы были различныя вещи: въ десницѣ несла она мѣдяный систръ, у котораго чрезъ ускую и на подобіе пояса согнутую полосу были проложены три желѣзныя палочки, производящія весьма проницательный звонъ при самомъ малѣйшемъ движеніи руки богининой: въ шуйцѣ имѣла она золотой сосудъ, сдѣланный на подобіе маленькой (е) ладіи, но впрочемъ съ рукояткою; наверьху сея рукоятки видимъ былъ Аспидъ,

---

(е) Египтяне изображали Изиду держащею въ рукѣ своей сосудъ сдѣланной на подобіе маленькой ладіи, означая чрезъ то теченіе водъ, и особливо разлитіе Нила.

Аспидъ, который въ верьхъ поднималъ свою голову имѣя шею надмѣнну. На сребровидныхъ богини сея ногахъ были сандаліи изъ пальмовыхъ листвій здѣланныя. Въ семъ великолѣпномъ и благоговѣйный ужасъ вселяющемъ видѣ явившись мнѣ величественная Царица, орошенна лучшими щастливой Аравіи благовоніями, удостоила меня своихъ божескихъ вѣщаній.

Нещастный Луцій, рекла она, твои слезы, твои воздыханія и мольбы уже достигли моего слуха, и произвели во мнѣ чувствіе милосердія. Ты зришь меня предъ собою. Вѣдай, что я природа, мать всѣхъ существъ, владычица всѣхъ стихій, источникъ и начало вѣковъ, Царица тѣней адскихъ, первая въ ликѣ небожителей, единообразное зерцало всѣхъ боговъ и богинь; я мановеніемъ своимъ правлю свѣтозарные небесные холмы, моей повинуются волѣ шумящія морскія бездны, и неукротимые вихри словесъ моихъ трепещутъ. Безмолвіе печальнаго ада въ моей власти; я едино во всѣмъ мірѣ божество, но въ разномъ видѣ, подъ различными названіями, и раз-

ными обрядами чтитъ меня вся вселенная. Фригіяне древнѣйшіе изъ всѣхъ народовъ нарицаютъ меня матерью боговъ и Пессинунтійскою (ж) богинею; Аѳиняне (з) Цекропскою Минервою; жители острова Кипра Пафоской Венерою, Критяне искусные стрѣлъ метатели Діаною Диктинною; (и) Сициліане, говорящіе тремя языками, именуютъ меня Стикскою (і) Прозерпиною; Элевзинскіе жители древнею богинею Церерою; иные именуютъ меня Юноною, другіе Беллоною, иные Гека-

тою

---

(ж) Пессинунтъ Фригійскій городъ, въ которомъ Цибелла храмъ свой имѣла, и откол ѣ ея статуя принесена была въ Римъ во время второй Пунической войны.

(з) Минерва была особенною покровительницею Аѳинянъ, и называлась Цекропскою потому, что и сей народъ нарицался сперва Цекропскимъ, отъ имени Цекропа своего перваго Государя.

(и) Диктинна, слово Греческое и значитъ сѣть или тенета, употребляемыя при звѣриной ловлѣ, которой луна или Діана почитается богинею.

(і) Потому что въ Сициліи Плутонъ похитилъ Прозерпину.

тою, другіе Рамнузійскою (к) Немезисою; но Еѳіопы озаряемые всегда первыми восходящаго солнца лучами, притом Арійскіе (л) народы, и Египтяне, древнѣйшіе мудрецы во всем свѣтѣ, нарицают меня точным и собственным моим именем, то есть богинею Изисою, и они только истинными и справедливыми обрядами совершают при олтарях моих богослуженіе. И так престань Луцій проливать слезные токи, отринь мрачную печаль и скорбное сѣтованіе; ты зришь меня перед собою, я о тебѣ милосердствую; уже скоро, скоро возсіяет спасительный день, назначенный моим промыслом для прекращенія твоих нещастій; внимай прилѣжным слухом повелѣнія, которыя хощу тебѣ произнесть нынѣ: день, который из мрака сея нощи родится, посвящен мнѣ от самых первобытных



(к) Рамнонт Аттическій город, в котором она под именем Немезисы почиталась: Немезис была богиня награждающая добрых и казнящая злых людей.

(л) Сіи народы жили около Каспійскаго моря при подошвѣ горы Кавкаса.

ныхъ временъ. Заутра мои жрецы должны принесть мнѣ въ жертву начатки мореплаванія, посвящая въ честь мою корабль новый и не коснувшійся волнъ морскихъ, назнаменуя чрезъ сіе, что вихри и непогоды царствующія во время хладной зимы, уже не будутъ свирѣпствовать, и что волны лазоревыя, укротивъ свою ярость и разливая поверхъ морей томное и пріятное спокойствіе, дозволяютъ быстрымъ кораблямъ нестися въ дальныя страны. Ожидай сего торжественнаго празднества, но ожидай съ благоговѣніемъ и спокойнымъ духомъ: ибо великій первосвященникъ исполняя мою волю имѣть будетъ въ десницѣ своей вѣнокъ розовой присоединенный къ систру, когда онъ въ великолѣпіи достойномъ моего торжества простретъ свои стопы по стогнамъ града: и такъ послѣдуй тщательно за множествомъ народнымъ и надѣясь на мое благоволеніе старайся сквозь толпу шествующихъ достигнуть до сего первосвященника; приближась къ нему смиренно и какъ будто желая лобзать его десницу, снѣдай несомыя имъ розы, послѣ того немедленно уничтожится

сей

сей гнусный и толико противный мнѣ твой образъ и ты обратно явишься Луцїемъ. Не сомнѣвайся и не помышляй, чтобъ сїи мои повелѣнїя исполнить тебѣ не удобно и не возможно: ибо въ сїе самое время, въ которое находясь я съ тобою, въ сїе мгновенїе увѣдомляю первосвященника чрезъ пророческий сонъ о всемъ, что ему должно въ разсужденiи тебя дѣлать. Весь народъ не смотря на тѣсноту, и чувствуя мановенїе мое, дозволитъ тебѣ свободный путь; никто среди радостныхъ восклицанiй, среди торжественныхъ плесковъ, среди великолѣпнаго празднества не возгнушается презрѣннымъ образомъ и безобразнымъ твоимъ видомъ, въ которомъ ты находишься нынѣ; притомъ никто незапное образа твоего премѣненїе не будетъ почитать страшнымъ предзнаменованїемъ какого нибудь нещастїя; но только помни вѣчно, и незабвенно содержи въ мысли своей, что ты все оставшееся теченїе жизни твоея долженъ посвятить мнѣ даже до послѣдняго твоего дыханїя: сама справедливость требуетъ, чтобъ ты признавалъ себя одолженнымъ всею жиз-

 нїю

нію той богинѣ, которыя помощію возвращенъ тебѣ человѣческій образъ. Впрочемъ ты подъ моимъ покровительствомъ и защитою будешь жить благополучно и цвѣтъ славы твоея никогда не увянетъ. Но совершивъ странствованіе въ сей юдоли снидешь ты во адъ; однако и на семъ подземномъ полукружіи не оставитъ тебя щастіе, ты будешь обитать въ радостныхъ Элисейскихъ долинахъ, ты не преминешь покланяться мнѣ и въ семъ мѣстѣ, мнѣ сіяющей посреди мрачнаго Эреба и царствующей въ Плутоновыхъ чертогахъ. Естьли прежде сего времени усерднымъ ко мнѣ благоговѣніемъ, и всегдашнимъ храненіемъ священныхъ обрядовъ, касающихся до моего богослуженія, притомъ непорочностью и чистотою своею явишься достойнымъ моихъ щедротъ и благодѣяній, то узнаешь, что я едина теченіе жизни твоей сильна простерть за предѣлы предписанные тебѣ отъ вѣка судьбою.

Тако величественная богиня открывъ мнѣ свою волю невидимо сама

въ

въ себѣ сокрылась. (м) Я въ тужe минуту воспрягнулъ отъ сна, и востaлъ покрытъ весь хладнымъ потомъ, исполненъ ужаса, удивленія и радости отъ толь явнаго и очевиднаго присутствія благодѣтельныя богини. Я вторично омывшись въ лазоревыхъ струяхъ моря углублялся въ благоговѣйныхъ размышленіяхъ о щедромъ ея благоволеніи, и стократно повторялъ съ начала до конца всѣ ея божественныя завѣщанія. Не много протекло времени и ужѐ Фебова колесница разсыпая огненныя искры по стезямъ своимъ, и животворные изливая лучи гонитъ съ Ѳирныхъ полей темноту ночную. Мгновенно всѣ стогны покрыты были безчисленнымъ множествомъ народа, который съ веселіемъ стекался для священнаго торжества. Кромѣ собственной моей радости, восхитившей всѣ мои чувствія, казалось мнѣ, что вся тварь утѣшительнымъ объята веселіемъ. Всѣ животныя, всѣ не-



(м) Луна какъ Царица всея природы, или самая природа, не могла ни въ какое мѣсто удалиться, но сокрылась сама въ себя in se recessit.

неодушевленныя существа, и самой день явился въ пріятнѣйшемъ видѣ. Словомъ, благотворное солнце отъ вѣка толь великолѣпно съ высоты своей не блистало, никогда лучезарные власы его въ лучшемъ сіяніи не развивались на колеблющемся Ѳеирѣ. Пернаты сонмы птицъ не потрясая крылами плавали по волнамъ воздушнымъ, изъ нихъ одаренныя нѣжнѣйшею гортанью, обрадованныя желаннымъ возвратомъ смѣющейся весны, изливали на воздухъ сладостныя трѣли, и пріятнымъ согласіемъ воздавали почести державной виновницѣ временъ, матери всѣхъ свѣтилъ, и владычицѣ всѣхъ міровъ: но что! самыя древа, равно какъ плодоносящія, такъ и безплодныя, и одною только прохладною гордящіяся тѣнію, одушевлены будучи животворною теплотою полуденнаго вѣтра покрылись пріятнымъ возраждающимся злакомъ, и производили сладостное журчаніе, принимая въ густоту вѣтвей и листвій своихъ играющаго Зефира; море уже не колебалось бурнымъ вихремъ, шумящія волны уже не отягощали бреговъ своимъ бременемъ, но кротко изливаясь орошали ихъ спокойными стру-




ями; блистательные своды небесъ не были покрыты ни самымъ тонкимъ облакомъ.

Ужѐ великолѣпное сего празднества соборище начинаетъ торжественное свое шествіе. Каждый въ семъ многолюдствѣ по склонности своей одѣтъ былъ различно, и разную представлялъ особу: иной препоясанъ будучи воинскимъ поясомъ изображалъ солдата; иной одѣвшись въ короткое платье, имѣя при одной бедрѣ мечь, и въ рукѣ держа рогатину, сдѣлался ловцемъ звѣрей; другой надѣвъ на свои ноги золотомъ вышитые башмаки, прикрывшись съ верьху шелковою одеждою и украсившись всѣми великолѣпными нарядами свойственными прелестному полу, а притомъ зачесавъ свои волосы на самой верьхъ головы, представлялъ женщину уборомъ своимъ и походкою: иной имѣя въ рукахъ своихъ щитъ, копье и мечь казался недавно сражавшимся на зрѣлищѣ, гдѣ шпажные бойцы показываютъ свое искуство и храбрость. Предъ другимъ одѣтымъ въ порфиру несли пуки

 розгъ

розгъ и острую сѣкиру, какъ будто предъ знаменитымъ Сенаторомъ; были и такіе, которые широкой епанчею, тупоносыми башмаками, длинною въ рукахъ палкою, и козлиной бородою искусно изображали Философа; сверьхъ того иной какъ рыболовъ несетъ въ рукахъ уду, другой какъ птицеловъ разные силки и сѣти. Видѣлъ я притомъ кроткую и пріобученную къ рукамъ медвѣдицу, одѣтую въ платье знаменитой вдовицы и несомую на стулѣ; видѣлъ я обезьяну, которая имѣя на головѣ своей сплетенную изъ цвѣтовъ шапку, одѣта была во фригійское шафраннаго цвѣту платье, и держа въ рукахъ золотой сосудъ изображала Ганимеда; наконецъ выступалъ храбро за дряхлымъ старикомъ, дряхлый, но крылатый оселъ; одного почелъ бы ты быстрымъ Пегазомъ, другаго неустрашимымъ Беллерофонтомъ: но впрочемъ тотъ и другой принудилъ бы тебя смѣяться.

Посреди сей многочисленной и радостной толпы одѣтой чуднымъ, различнымъ и забавнымъ образомъ шествуютъ

ствуютъ особенные покровительствующей богини спутники и спутницы. Тамъ зрѣлися въ великомъ множествѣ женщины, облеченныя въ бѣлыя одежды, и являя радость на лицахъ, несли въ рукахъ своихъ разныя вещи. Онѣ имѣли на главахъ своихъ прекрасные вѣнки, сплетенные изъ цвѣтовъ весеннихъ, но такіе же цвѣты разсыпали они по стезямъ, по которымъ священное богини соборище должно будетъ шествовать. Иные изъ нихъ позади раменъ своихъ имѣли блистающія зеркала, которыя представляли богинѣ всѣхъ грядущихъ ей во слѣдъ такъ, что лица ихъ казались обращенными къ ея лицу, иные напротивъ имѣя гребни изъ слоновой сдѣланные кости и различныя показывая движенія рукъ своихъ и перстовъ, старались по видимому разчесывать и украшать сребровидные власы благодѣтельной Царицы. Иные предъ стопами ея изливали бальсамъ и прочіе благовонные ароматы. Кромѣ сего безчисленное множество мущинъ и женщинъ одинъ предъ другимъ старались умилостивлять державную сію богиню планетъ, неся въ рукахъ своихъ

факлы,

факлы, свѣтильники, восковыя свѣщи и другіе всякаго рода огни, изливающіе блескъ различнаго и возможнымъ искуствомъ содѣланнаго цвѣта; наконецъ хоръ пѣвцовъ громкимъ, но стройнымъ голосовъ своихъ шумомъ, и сладостными трелями разныхъ свирѣлей наполнялъ воздухъ и восхищалъ все соборище; за симъ хоромъ слѣдовалъ прелестный ликъ самыхъ прекрасныхъ отроковъ, облеченныхъ въ бѣлыя и сему торжеству приличныя одежды.

Они пѣли съ повтореніемъ сладостную пѣснь, сочиненную однимъ славнымъ стихотворцемъ, вдохновеннымъ устами чистыхъ музъ. Въ сей пѣсни изъяснены были причины толь великолѣпнаго и священнаго торжества, и воспѣты всѣ благодѣянія великія небесъ Царицы. Между ими шествовали также музыканты, посвященные богу Серапису; они съ великимъ искуствомъ играли на извитыхъ флейтахъ сладостную пѣснь, которую обыкновенно играютъ во храмѣ сего великаго божества. Многіе приставы и гражданскіе надзиратели увѣщевали народъ, чтобъ онъ

онъ на обѣ стороны раздѣлился и не препятствовалъ тѣснотою своею свободному шествію богининыхъ статуй, несомыхъ благоговѣйными руками. Послѣ того шли новопросвѣщенные и недавно принятые къ познанію великихъ и дивныхъ таинствъ: ихъ было великое множество обоего пола и всякаго возраста, и всѣ облечены въ одежды изъ тонкаго полотна сошвенные и подобные бѣлизною чистому сребру, или снѣгу.

Изъ нихъ женщины на власистыхъ своихъ главахъ, орошенныхъ разными благовоніями, тонкіе и прозрачные имѣли покровы, но у мущинъ головы были совсѣмъ обриты, которыхъ тѣмя блистало отъ лучей солнечныхъ. Сіи земныя свѣтила, сіи почтенные истиннаго благочестія хранители и неподвижные столпы наполняли воздухъ громкимъ звукомъ, ударяя въ мѣдныя, серебреныя и золотыя систры. Наконецъ главные жрецы и первосвященники облеченные въ бѣлыя изъ тонкаго льна сдѣланныя одежды, которыя простиралися почти до самой земли, несли благо-

говѣйными своими руками изображенія и признаки боговъ. Первой изъ нихъ держалъ свѣтоносную лампаду; однако не уподоблялась она лампадамъ, употребляемымъ при вечернихъ нашихъ пиршествахъ, но сдѣлана была изъ золота на подобіе ладіи, и огненнымъ сіяла блескомъ. Другой несъ обѣими руками малые жертвенники, называемые *помощниками*: такимъ именемъ нарекло ихъ благотворительное и повсюду вспомоществующее провидѣніе великія богини. Третій несъ Меркуріевъ жезлъ и пальмовую вѣтвь, на которой листвія были золотыя. Четвертый изъ нихъ шествуя показывалъ всѣмъ признакъ *правды*: это была лѣвая рука имѣющая простертые персты: ибо шуйца наша будучи не такъ дѣйствительна, проворна и способна къ разнымъ и хитрымъ обращеніямъ, приличнѣе можетъ изобразить чистосердечную правду, нежели десница. Сей же самой жрецъ имѣлъ въ рукѣ своей золотой сосудъ, сдѣланной на подобіе женскаго (н) сосца, и онъ изъ него про-

(н) Сей сосудъ былъ знакомъ обилія и плодоносія всея природы.

проливалъ чистое млеко. Пятой несъ превеликой золотой лотокъ, наполненной мѣлкими золотыми вѣтвями. Наконецъ шестой имѣлъ въ рукѣ своей скляницу.

Непосредственно шествуютъ самые боги, соблаговолившие нестися руками смертныхъ. Одинъ, (это былъ Анубисъ) поднималъ въ верьхъ страшную свою песью главу; другой, будучи небесъ и ада посланникъ, держалъ оную прямо, одна половина лица его была черна (о), другая напротивъ позлащенна; онъ въ шуйцѣ своей имѣлъ жезлъ, а въ десницѣ зеленый пальмъ. За нимъ слѣдовала тучная крава (богиня Изиса) стоящая на заднихъ только ногахъ; она изображала великую богиню, плодоносную матъ всѣхъ творений, и несома была на раменахъ одного жреца. Нѣкоторой благоговѣйной мужъ несъ въ рукахъ своихъ кошницу, заключающую въ себѣ

(о) Златой цвѣтъ означалъ небо, а черной изображалъ адъ; ибо Меркурий почитался посланникомъ небесъ и ада.

бѣ всѣ сокровенныя богослуженія таинства: за нимъ слѣдующій имѣлъ въ щастливыхъ своихъ нѣдрахъ величественный образъ высочайшаго божества. Сей образъ не представлялъ видомъ своимъ ни человѣка, ни птицу, ни рыбу, ни звѣря, словомъ никакого животнаго: и сею отъ прочихъ божескихъ изображеній отмѣною, сею новостію будучи вящшаго достоинъ благоговѣнія показывалъ величіе и святость высочайшаго богослуженія яснѣе, нежели сколь витійственныя человѣческія уста описать могутъ; и чрезъ сіе же самое назнаменовалъ, что таинства сего божества должны хранимы быть во всегдашней сокровенности и молчаніи. Словомъ, это былъ невеликой золотой сосудъ, сдѣланной со возможнымъ искуствомъ; дно его было круглое, на которомъ отвнѣ начертаны зрѣлися удивительные Египетскіе Гіероглифы; горло его будучи не высоко и простираясь въ одну сторону составляло долгую трубочку; но съ другой стороны была на немъ рукоятка весьма великая и которую до самой высоты окружалъ изгибами своими

Аспидъ

Аспидъ подъемлющій чешуйчетую и клубящуюся выю.

Наконецъ желанная минута обѣщанная мнѣ великою богинею приближилась, ужѣ первосвященникъ предреченный мнѣ ею шествовалъ и несъ мою свободу и спасеніе. Онъ въ десницѣ имѣлъ систръ благодѣтельныя сея богини и притомъ вѣнокъ соплетенный изъ нѣжныхъ розъ; которой по истиннѣ былъ для меня драгоцѣннымъ вѣнцемъ: ибо всесильною великія богини десницею предводимъ и вспомоществуемъ будучи, побѣдилъ я враждебную и гонящую меня Фортуну, претерпя съ мужественнымъ духомъ всѣ нещастія, и почти неизбѣжимыя опасности. И такъ хотя я неописанную чувствовалъ радость, не отважился однако устремиться съ поспѣшностію въ толпу народную, боясь чтобъ скорымъ и необычайнымъ бѣгомъ такого скота, каковъ тогда я казался, не былъ смущенъ и востревоженъ стройной порядокъ торжественнаго шествія; но смиреннымъ и тихимъ шагомъ шелъ я посреди множества, которое вдохно-

венно будучи богинею разширялось на обѣ стороны дозволяя мнѣ путь свободный; я нечувствительно приближился къ первосвященнику, которой едва меня усмотря, воспомнилъ божеское о мнѣ велѣніе чрезъ сонъ ему изреченное, и видя, что все по предсказанію богини совершается, остановился и самъ простерши руку свою поднесъ къ моимъ устамъ вѣнокъ розовой; которой съ благоговѣйнымъ ужасомъ и съ чрезмѣрнымъ трепетаніемъ моего сердца принялъ я отъ его десницы и съѣлъ его съ великою жадностію. Ужѐ я зрю скорое исполненіе обѣтовъ сея Царицы: немедленно уничтожается презрѣнный скотскій видъ, въ которомъ я до сего времени находился; жоская и гнусная шерсть ниспадаетъ съ моего тѣла, кожа моя мягкою и нѣжною дѣлается; пространный желудокъ умаляется, копыта ногъ моихъ распростираются и составляютъ персты; руки мои ужѐ престали быть передними ногами, и дѣлаются способными къ исполненію человѣческихъ рукодѣлій; моя долгая шея сдѣлалась короткою, мое лице и голова пріемлютъ видъ круглой; отвѣ-

сисшые





ѣистые и длинные уши уменьшаются, страшные мои зубы уже равняются зубамъ человѣческимъ; и тотъ длинный и превеликiй хвостъ, которой столько меня безпокоилъ, совсѣмъ уничтожился. Тогда весь народъ изумляется; благоговѣйныя особы видя толь дивное превращенiе совершившееся въ одну минуту, превращенiе подобное невѣроятнымъ чудесамъ мечтающимся въ мысляхъ нашихъ во время сна ночнаго, со страхомъ чтутъ толико явное доказательство неограниченнаго богинина могущества; и подъемля свои длани къ небесамъ всѣ громкимъ гласомъ возсылаютъ хвалу богинѣ, и свидѣтельствуютъ о толь великомъ и дивномъ ея благодѣянiи. Что касается до меня, то я объятъ будучи удивленiемъ и ужасомъ, и неописанною восхищаясь радостiю стоялъ въ безмолвiи подобясь мраморному истукану, и хотя человѣческимъ языкомъ можно мнѣ было говорить, но не могъ я отверсть свои уста, и не зналъ какъ начать, и какими достойными хвалами, какимъ витiйствомъ изъяснить благодарность мою величественной богинѣ,

которая толь многія щедроты и благодѣянія изліять на меня благоволила.

Великій первосвященникъ будучи извѣщенъ богинею о всѣхъ бѣдствіяхъ понесенныхъ мною съ самаго начала моего превращенія въ ослиной образъ, не менѣе и самъ удивлялся толь великому чудеси. Онъ немедленно далъ знакъ, чтобъ подали мнѣ для прикрытія наготы моей одежду льняную; ибо превратившись обратно въ Луція увидѣлъ я себя совсѣмъ обнаженнымъ, и только руками своими могъ я прикрыть свое тѣло; немедленно одинъ изъ числа священнослужителей снимаетъ съ себя верьхнюю одежду и оною меня прикрываетъ; послѣ того первосвященникъ воззрѣвъ на меня кроткимъ и веселымъ взоромъ, вѣщалъ мнѣ тако: любезный Луцій, ты преодолѣвъ толь многія напасти, преопобѣдивъ шумящіе валы устремляемые на тебя злобнымъ дыханіемъ фортуны, и спасшись отъ ярыхъ и ядоносныхъ ея стрѣлъ достигъ наконецъ въ пристанище мирной тишины и спокойствія, и обрѣлъ себѣ милость предъ олтаремъ божественнаго милосердія.

Твоя

твоя знаменитая порода, твои собственныя заслуги, твой разумъ толико озаренный свѣтомъ премудрости, ни въ какую пользу тебѣ не послужили, и ни какихъ добрыхъ плодовъ не принесли; и ты стремленіемъ поползновенной и кипящей юности влекомъ будучи предался постыднымъ любовнымъ забавамъ, и за свое неосторожное любопытство нещастное, но достойное получилъ воздаяніе. Но впрочемъ сія слѣпая фортуна погрузившая тебя въ несчетныя бѣдствія, сія фортуна сверьхъ чаянія своего, и самою злобною мщенія своего рукою привела тебя къ сему благополучному состоянію. И такъ пусть она удалится, пусть ищетъ другой себѣ жертвы, надъ которой бы могла истощать свое неукротимое свирѣпство: ибо ея стрѣлы уже ни мало недѣйствительны противу тѣхъ людей, которыхъ великая наша богиня удостоила принять въ свое покровительство, и прикрыть щитомъ своего милосердія, и которые жизнь свою посвящаютъ ея богослуженію. Повергая тебя въ руки безчеловѣчныхъ разбойниковъ, обременяя оковами рабства,

 упруж-

утруждая непроходимыми путями, и смущая духъ твой повседневнымъ страхомъ лютой смерти, какой успѣхъ могла получить сія злобная и слѣпая фортуна? се ты нынѣ подъ тѣнію уже благотворной фортуны, которая видитъ ясно и озаряетъ своимъ блескомъ прочихъ боговъ. И такъ возрадуйся *Луцій* и сообразуйся свѣтлымъ веселіемъ бѣлизнѣ твоей одежды, и сопутствуй радостно торжественному шествію сея богини явившей тебѣ толь великую щедроту и толь милосердое снисхожденіе. Да узрятъ нечестивые дивное чудо содѣевщееся надъ тобою сея могуществомъ; да узрятъ и познаютъ свое беззаконное *заблужденіе*: уже *Луцій* исторгнутъ изъ бездны всѣхъ нещастій, уже покоясь подъ щитомъ благодѣтельныя Изиды торжествуетъ надъ грознымъ стремленіемъ ожесточенныя фортуны. Но чтобъ тебѣ пріятнѣйшею наслаждаться тишиною и безопаснѣйшимъ оградиться миромъ, причисли ты себя къ священному воинству сея богини, ты стократно возрадуешься о благополучномъ избраніи такого щастливаго жребія, не медли и въ сіе мгновеніе посвяти

святи себя добровольно великимъ таинствамъ и богослуженію нашему, ибо едва явишься ты подъ знаменемъ сея богини, то сладостный плодъ свободы своея возчувствуешь несравненно утѣшительнѣе и пріятнѣе.

Тако вѣщалъ первосвященникъ извлекая отъ глубины сердца своего тяжкія воздыханія. Онъ умолкъ; и торжественное шествіе возобновляется. Я шелъ во слѣдъ богини посреди ея жрецовъ, и немедленно всему народу сдѣлался извѣстенъ и примѣтенъ, всѣ разсуждали о моемъ превращеніи; и указывая на меня одинъ другому перстомъ, говорили: се щастливой изъ смертныхъ, которому великая богиня могуществомъ своимъ возвратила человѣческій образъ; по истиннѣ онъ блаженъ и стократно блаженъ! когда непорочностію жизни своей и нелестнымъ чистосердіемъ удостоился получить толь великую отъ щедрыхъ небесъ милость, что едва родившись, такъ сказать, и воспріявши человѣческой видъ, ужѐ усыновляется богинѣ, и приступаетъ къ познанію сокровенныхъ ея таинствъ.

Совершивъ нѣсколько пути при гласѣ громкихъ восклицаній и при всеобщей усердной мольбѣ достигли мы наконецъ морскаго брега, и того точно мѣста, на которомъ я находясь еще въ ослиномъ образѣ препроводилъ ночь лежа на мягкомъ пескѣ: на семъ брегѣ поставили, какъ должно было, всѣ божескія изображенія, потомъ великій первосвященникъ произнеся нѣкоторыя священныя молитвы, посвятилъ богинѣ новой корабль сдѣланной со всевозможнымъ искуствомъ: на немъ видимы были со всѣхъ сторонъ чудныя писмена Египетскія, и разные Іероглифы, притомъ очищенъ онъ былъ горящимъ свѣтильникомъ, свѣжимъ яицомъ и сѣрою. На бѣломъ парусѣ щастливаго сего корабля начертаны зрѣлися крупные и древніе писмена, изображающія желаніе благополучнаго мореплаванія, и они каждой годъ были возобновляемы. Ужѐ постановляется сосновая круглая мачта, которая была весьма велика, и украшена различною рѣзбою: на кормѣ видѣнъ былъ искусно сдѣланной гусь весь позлащенной, и его долгая шея приклонялась ко гру-

ди: словомъ, весь корабль сдѣланъ былъ изъ цитроннаго дерева хитрыми руками самаго совершеннаго въ искуствѣ своемъ художника. Тогда весь народъ и всѣ жрецы съ горящимъ усердіемъ неся кошницы наполненныя ароматами и другими разными вещами служащими для жертвоприношенія, бросаютъ ихъ въ корабль; сверьхъ того изливаютъ въ море чистое млеко, и млеко смѣшанное съ другими вещами. Когда уже корабль наполнился благоговѣйными приношеніями и дарами, то поднимаютъ якорь, отрѣшаютъ канаты, и въ минуту способный и пріятный вѣтръ удаляетъ его отъ брега и стремитъ на открытое море. Наконецъ сокрылся онъ отъ нашего взора: жрецы подъемлютъ съ земли обратно всѣ священныя вещи и возвращаются во храмъ съ радостію, и такимъ точно порядкомъ, какъ шли они къ сему брегу.

Когда вступили мы въ сей храмъ, то первосвященникъ и жрецы, которые несли изображенія и признаки боговъ, и также всѣ уже

отъ давнаго времени просвященные великими и сокровенными тайнами вошли во внутреннее святилище богини, и тамъ поставили по порядку всѣ божескія статуи толь искусно сдѣланныя, что они всѣмъ казались одушевленными и живыми. Послѣ сего одинъ изъ жрецовъ, именуемый отъ всѣхъ проповѣдникомъ, стоя у дверей призвалъ, какъ будто для общаго собранія всѣхъ (п) Пастофоровъ (такъ нарицались всѣ члены сего священнѣйшаго общества); потомъ восшедши на возвышенное мѣсто, и держа въ рукахъ книгу читалъ громкимъ голосомъ молитву о здравіи Императора, всѣхъ Сенаторовъ, всадниковъ, и о благополучіи всего Римскаго народа; желалъ притомъ щастія всѣмъ плавающимъ на морѣ, и всѣмъ подданнымъ и союзникамъ Римскія державы: онъ окончалъ молитву произнеся два Греческія слова λαοῖς ἀφεσεῖς; то есть, народъ ужѐ отпущается. Всѣ на сіе отвѣтствовали единогласнымъ желаніемъ; дабы все, что сдѣлано и совер-

(п) Пастофорами назывались тѣ, которые облечены были въ жреческія одежды.

совершено служило къ пользѣ и блаженству всего міра. Наконецъ каждой положа оливныя вѣтви и вѣнки сплетенные изъ разныхъ цвѣтовъ предъ сребренною статуею богини стоящей на жертвенникѣ, и облобызавъ ея ноги, возвращался домой съ радостію. Но я не могши ни на одну минуту удалиться, и устремя со вниманіемъ взоръ свой на сію священную богини статую, размышлялъ въ умѣ своемъ о всѣхъ прешедщихъ моихъ бѣдствіяхъ. Между тѣмъ слава ужѐ распростерла крилѣ свои, дабы летѣть въ мое отечество и возвѣстить всѣмъ чудное мое приключеніе и всѣ благодѣянія полученныя мною отъ щедрой богини. Немедленно мои ближніе сродственники и всѣ домашніе служители отринувъ скорбное сѣтованіе причиненное имъ несправедливымъ и ложнымъ слухомъ о моей смерти, спѣшатъ ко мнѣ съ разными дарами, восхищаясь радостію, и желая увидѣть человѣка спасеннаго, и отъ челюстей почти адскихъ изъятаго всемогущею десницею великія богини. Толь неожидаемое сихъ любезныхъ мнѣ особъ пришествіе обрадовало меня чрезвы-

вычайно. Я отъ искренняго сердца благодарю ихъ за всѣ усердныя мнѣ дары. Мои служители принесли мнѣ довольно всего, что только нужно было для прохладной жизни. Послѣ того поздравивъ и облобызавъ изъ нихъ каждаго, объяснилъ имъ подробно всѣ прошедшія мои бѣды и злоключенія; и увѣдомивши ихъ о настоящемъ благополучіи, возвратился обратно къ богининой статуѣ. Я откупилъ во оградѣ храма сего маленькой домикъ, дабы прожить въ немъ нѣсколько времени. Я всегда находился въ особенныхъ жрецовъ собраніяхъ и служилъ вседневно великой богинѣ, не отлучаясь никогда отъ ея храма.

Не было ни одной ночи, въ которую бы сія величественная небесъ Царица не явилась мнѣ, и чрезъ пріятный сонъ не изрекла бы различныхъ завѣщаній; она многократно повелѣвала мнѣ просвѣтиться ея таинствами и приступить къ ея богослуженію, къ которому я ужѐ давно былъ назначенъ. Но я хотя чрезмѣрнымъ къ тому горѣлъ желаніемъ, однако благо-

го-

говѣйный и священный ужасъ удерживалъ стремленіе мое отъ сего предпріятія. Ибо разсуждая со вниманіемъ о всѣхъ обязанностяхъ, которымъ подвергаетъ себя служитель толь великія богини, увидѣлъ я, что весьма трудно исполнить безъ всякаго порицанія такую должность, при которой требуется непорочность и цѣломудріе, и притомъ всевозможное благоразуміе для избѣжанія отъ разныхъ и многихъ преткновеній случающихся намъ непредвидимо въ сей жизни. И такъ углубляясь въ сихъ размышленіяхъ медлилъ, хотя и желалъ просвѣтить себя таинствами и вступить въ служеніе великой богини.

Въ нѣкоторую ночь видѣлъ я во снѣ первосвященника представшаго предъ мои очи, и въ нѣдрѣ своемъ имѣющаго различныя для меня вещи; и когда я спросилъ, что сіе значитъ? отвѣтствовалъ онъ, что все сіе послано мнѣ изъ Ѳессаліи, и что слуга мой по имени Кандидусъ (бѣлый) ужѐ пришелъ изъ сея страны. Разсуждалъ проснувшись я долго въ умѣ своемъ къ чему бы клонилося такое чудное видѣніе; и тѣмъ

тѣмъ паче я безпокоился, что никогда не было у меня слуги называющагося такимъ именемъ. Впрочемъ, какъ я ни толковалъ сїе сновидѣнїе, всегда оно предвѣщало мнѣ знатную прибыль. И такъ питаясь надеждою получить какую нибудь выгоду, ожидалъ я доколѣ не отворятся двери храма, отверзаемые въ урече́нное время въ каждое утро. Но когда уже вступили мы во храмъ, и завѣса покрывающая статую богини была подъята, то всѣ поверглись на землю предъ величественнымъ изображенїемъ сея Царицы. Между тѣмъ первосвященникъ обходя по порядку жертвенники прїуготовлялъ все нужное для богослуженїя; потомъ приличныя читая молитвы излилъ изъ золотаго сосуда воду почерпнутую изъ чистаго источника, сокровеннаго въ самомъ тайномъ мѣстѣ сего храма. Послѣ того всѣ жрецы провозвѣстя что наступилъ уже первый часъ дня, начали съ благоговѣнїемъ читать утреннїя молитвы. Въ сїе время пришли ко мнѣ изъ Ѳессалїи мои слуги, которыхъ я оставилъ въ сей странѣ будучи превращенъ въ осла неосторожностїю Фотисы; сродствен-

ственники мои не преминули прислать ко мнѣ также моего коня, которой разным и многим служил господам, но по примѣтѣ бывшей на его спинѣ сыскан был моими служителями. Я чрезвычайно удивился точному и справедливому событію моего сновидѣнія: ибо сверьх обѣщанной прибыли, предвѣщало оно мнѣ обратное полученіе моего коня, нарекши его именем слуги Кандидуса, по причинѣ бѣлой его шерсти.

Я вседневно упражнялся в благоговѣйном служеніи великой богини; питаясь надеждою обрѣсть пред нею милость, и получить впредь вся благая обѣщанная мнѣ ея устами; и в сем упованіи утвердили меня еще больше настоящія благости ея дары и благодѣянія. С сего времени усугублялось во мнѣ день от дня желаніе, чтоб озариться священными ея тайнами. Я многократно ходил к первосвященнику и заклинал его с возможным убѣжденіем и мольбами, дабы он принял меня в число своих сочленов, и просвѣтил мой разум познаніем сокровенных таинств совер-

вершаемыхъ въ ночь освященную. Но онъ, будучи мужъ важной и строгой хранитель всѣхъ законовъ сего непорочнаго и чистѣйшаго богослуженія, отлагалъ мое принятіе до другаго времени, говоря со мною благосклонно и ласково, подражая благоразумнымъ родителямъ, которые тихимъ и пріятнымъ образомъ умѣряютъ и воздерживаютъ преждевременныя чадъ своихъ желанія; онъ стараясь утишить безпокойствіе и волненіе моего духа, совѣтовалъ мнѣ не отчаяваться, но ободриться терпѣніемъ и надеждою. Онъ увѣрялъ меня отечески, что день, въ которой долженъ ктонибудь просвѣтиться обыкновенно волею и мановеніемъ самой богини означается, и что священникъ долженствующій исполнять величественные при семъ случаѣ обряды, ея же провидѣніемъ избираемъ бываетъ, и что наконецъ самое число денегъ и прочихъ къ тому потребныхъ вещей опредѣляется всегда по ея божескому повелѣнію: для сего и я долженъ терпѣливо, великодушно и со смиреніемъ ожидать ея воли, и остерегаться притомъ двухъ крайностей, то есть,

чтобъ не имѣть, какъ безразсудной и стремительной поспѣшности прежде времени, такъ равно не отрицаться бы преслушнымъ медлѣніемъ, когда уже особеннымъ сея богини гласомъ призванъ буду къ просвѣщенію. Впрочемъ, продолжалъ онъ, нѣтъ у насъ толь безразсуднаго жреца и толь мало пекущагося о своей жизни, которой бы не имѣя точнаго отъ богини повелѣнія отважился принять тебя въ число тайно просвѣщенныхъ, и учинить чрезъ то самое беззаконное и святотатское злодѣйство: ибо жизнь и смерть наша находится во власти сея богини; и притомъ самое вступленіе къ познанію сихъ таинствъ торжествуется съ обрядами приличными самовольной смерти, и такой жизни, которою уже одолжены мы единой благости и щедротѣ великія богини: сверьхъ того сія богиня обыкновенно избираетъ для своего богослуженія мужей престарѣлыхъ, благоразумныхъ и могущихъ священнымъ молчаніемъ запечатлѣть всѣ ея таинства; она ихъ своимъ промысломъ вторично, такъ сказать, раждая, выводитъ на стези новыя и отмѣнныя жизни. И такъ,

хотя ужѐ благость великія Царицы толь явно и достовѣрно на тебѣ явившаяся, назначила тебя къ щасливому сему жребію, однако долженъ ты благоговѣйно ожидать рѣшительнаго небесъ соизволенія, и долженъ съ сего времени воздерживаться отъ мясъ запрещенныхъ, подражая другимъ сочленамъ нашего сообщества, дабы съ вящимъ усердіемъ и чистотою духа приступить къ познанію сокровенныхъ таинствъ святѣйшаго богослуженія.

Тако увѣщевалъ меня первосвященникъ, я повиновался ему всегда, умѣряя свое нетерпѣливое желаніе; и притомъ успокоя мысли свои и храня благоговѣйное молчаніе находился вседневно при служеніяхъ совершаемыхъ въ честь великой богинѣ: наконецъ она по благости своей не умедлила совершить мою надежду; и во время сна моего при миракѣ ночномъ, не мрачными впрочемъ но ясными увѣреніями открыла мнѣ, что ужѐ день толико много желанный приближился; она мнѣ объявила сколько долженъ я употребить денегъ для своего принятія къ просвѣще-

щенію, и притомъ тогоже самого первосвященника назначила быть моимъ просвѣтителемъ; увѣряя, что между имъ и мною есть нѣкоторое тайное соединеніе и согласіе производимое содѣйствіемъ свѣтилъ небесныхъ. Такимъ образомъ открывши мнѣ волю свою благодѣтельная богиня, обрадовала и успокоила духъ мой совершенно. Я предъ восходомъ солнечнымъ воспрянувши отъ сна поспѣшаю немедленно къ первосвященнику. Онъ выходилъ тогда изъ своей ложницы; я увидя его, поклонился по обыкновенію и пошелъ за нимъ во слѣдъ, намѣреваясь съ возможнымъ усиліемъ просить его, дабы принялъ меня въ число просвѣщенныхъ, какъ такого человѣка, которому ужѐ сама богиня открыла свое благоволеніе: но онъ какъ только усмотрѣлъ меня, то не ожидая никакой моей прозьбы началъ перьвой говорить мнѣ: — О любезный мой Луцій, сколь ты щастливъ и блаженъ! ты, котораго великая богиня удостоила толикихъ щедротъ и благодѣяній! что еще медлишь? чего ожидаешь? ужѐ наступилъ спасительный день, толь усердно и

толь нетерпѣливо тобою ожидаемый: въ сей день исполняя велѣніе нашея богини просвѣщу я тебя великими сея таинствами. — Въ то же время взявши онъ меня за руку повелъ ко вратамъ храма; они съ обыкновенными обрядами отверзаются; потомъ совершается утреннее жертвоприношеніе; послѣ того вынимаетъ онъ изъ сокровеннаго мѣста нѣкоторыя книги, исполненныя писменъ совсѣмъ неизвѣстныхъ. Сіи писмена заключали въ краткихъ словахъ весь смыслъ и все содержаніе священныхъ таинствъ и молитвъ, изъ нихъ одни изображены были въ видѣ различныхъ звѣрей; другія составляли изъ себя нерѣшимой узелъ, иныя были круглыя на подобіе колеса, иныя извиты различнымъ образомъ: и сіе для того единственно, дабы непросвѣщенные будучи любопытны не могли ничего читать въ сихъ книгахъ. Онъ изъ нихъ прочиталъ мнѣ тѣ завѣщанія, по которымъ долженъ я пріуготовить все нужное для жертвы при случаѣ моего вступленія къ познанію священныхъ таинствъ.

Я всѣ сіи вещи то самъ, то чрезъ моихъ пріятелей купилъ немедленно

щенно и въ большемъ количествѣ, нежели сколь нужно было. По наступленіи уреченнаго часа повелъ меня первосвященникъ въ ближнюю баню, и всѣ члены сего благочестиваго сообщества насъ провождали. Когда я омылся, и обыкновенная при семъ случаѣ молитва ужѐ совершилась; то освѣтивъ и очистивъ онъ меня кропленіемъ воды̑, повелъ обратно ко храму; двѣ трети дня ужѐ протекли, и я представленъ былъ предъ статую великія богини; въ семъ мѣстѣ проговорилъ онъ мнѣ тайныя слова и завѣщанія, которыхъ я не долженъ никому объявлять, пото̀мъ громкимъ голосомъ и предъ всѣми присутствующими повелѣлъ мнѣ десять дней поститься, не употреблять въ пищу никакого мяса, и не пить также вина. Сей законъ наблюдалъ я свято. Наконецъ день моего просвѣщенія наступилъ, и солнце ужѐ склонялось къ западу; какъ вдругъ отвсюду стекается великое множество зрителей, которые сообразуясь древнему обыкновенію и благочестію несли мнѣ различные дары. Но первосвященникъ повелѣвши удалиться всѣмъ не-

 про-



просвѣщеннымъ взялъ меня за руку и повелъ въ самое внутреннее святилище сего храма; я облеченъ былъ въ новую и бѣлую одежду сошвенную изъ тонкаго полотна.

Любезный читатель, можетъ быть влекомъ природнымъ любопытствомъ, спросишь ты меня, что при семъ случаѣ было говорено и что дѣлано? Я бы тебѣ объявилъ, когдабъ позволено было, и ты бы узналъ, естьли бы тебѣ можно было слушать. Но уста дерзающія возвѣщать сіи таинства, и слухъ хотящій ихъ внимать равному подвергаются жребію за свое безразсудное любопытство и нескромность. Однако сколь мнѣ позволяется, удовольствую я твое благочестивое желаніе. И такъ внимай и будь увѣренъ, что всѣ мои слова будутъ истинны. Я приведенъ былъ сперва ко вратамъ смерти, и нога моя касалась самаго праха чертоговъ Прозерпининыхъ; я возвращаясь изъ сего мѣста веденъ былъ чрезъ всѣ стихіи; и среди мрачной полночи видѣлъ солнце сіяющее чистѣйшимъ свѣтомъ; потомъ зрѣлъ лицемъ къ лицу небесныхъ и адскихъ боговъ

и

и покланялся имъ въ близости. Се таинства, которыя хотя и слышалъ ты, но понять не можешь. Я еще тебѣ объявлю, что мнѣ только можно открыть и что не запрещается разумѣть непросвѣщеннымъ. Утренній часъ приближился и обыкновенныя молитвы и обряды совершились; я вышелъ изъ внутренняго святилища облеченъ въ священныя одежды, которыхъ ровно было дванадесять. Сей уборъ весьма былъ чуденъ и сдѣланъ таинственнымъ образомъ; но никакой законъ говорить мнѣ о томъ не запрещаетъ, тѣмъ паче, что всѣ тогда бывшіе видѣли меня въ семъ одѣяніи; ибо великій первосвященникъ повелѣлъ мнѣ взыти на возвышенное мѣсто, бывшее посреди храма противъ самой статуи богининой. Я облеченъ былъ въ одежду льняную, различными разпещренную цвѣтами, верьхнее одѣяніе было весьма великолѣпно и висѣло съ тылу моихъ раменъ до самой земли: но съ какой бы стороны ни смотрѣлъ ты на меня, отвсюду и на всемъ убранствѣ увидѣлъ бы ты разныхъ животныхъ, разными изображенныхъ цвѣтами. Тамъ видимы были Индій-

 скіе

скіе драконы и страшные Гиперборейскіе грифоны, имѣющіе птичью голову и крылья, но все прочее тѣло львиное. Сіе одѣяніе называется отъ всѣхъ жрецовъ Олимпійскимъ. Въ правой рукѣ держалъ я возженный свѣтильникъ, и увѣнчанъ былъ пальмовымъ вѣнцемъ, котораго листвія изображали вокругъ моей головы нѣкоторый видъ лучей блистающихъ. Такимъ великолѣпнымъ убранствомъ подобясь солнцу, стоялъ я на высокомъ мѣстѣ какъ статуя. Вдругъ подъемлется завѣса скрывавшая меня отъ зрителей, и я представился любопытнымъ очамъ всего народа. По совершеніи всѣхъ обрядовъ торжествовалъ я щастливо день моего просвѣщенія и угощалъ всѣхъ жрецовъ и пріятелей великолѣпнымъ и веселымъ пиршествомъ. Сіи благоговѣйные обряды продолжались три дни, начинаясь всегда утренними молитвами, и скончеваясь жертвоприношеніемъ; однако еще нѣсколько времени живя близь храма сего, восхищался я неописанною радостію, взирая всегда на священный образъ великія богини, явившей мнѣ щедроты неизреченныя и благость превышшую всякихъ похвалъ и благодарности. Нако-

конецЪ повинуясь ея велѣнію и принесши ей смиренное и моимЪ только силамЪ и усердію, а не ея благодѣяніямЪ сразмѣрное благодареніе, началЪ я пріуготовляться кЪ отшествію вЪ мое отечество. Но коль тяжко и несносно было для меня разрѣшать тѣ священныя и любезныя узы, которыми душа моя связана была, желая вѣчно пребывать предЪ величественнымЪ изображеніемЪ сея Царицы. Но должно исполнять ея волю и возвратиться вЪ домЪ свой. И такЪ вЪ нѣкоторой день повергшись предЪ ея стопами проливая слезныя источники и стократно лобзая прахЪ земли, простерлЪ я кЪ ней сію смиренную благодарственную мольбу, прерываемую вздохами и рыданіемЪ.

,,О ты святая и неотступная хра-
,,нительница рода человѣческаго! ты
,,всегда, изливая на смертныхЪ обиль-
,,ныя щедроты, являешься чадолюбивою
,,матерью всѣмЪ нещастнымЪ. Не про-
,,ходитЪ день, не протекаетЪ ночь,
,,не минуетЪ ни одно мгновеніе, ко-
,,торое бы ты не запечатлѣла своею
,,благостію, покровительствомЪ и сни-

,,схожденіемъ ко смертнымъ, какъ на
,,волнующемся морѣ, такъ равно и на
,,земли. Ты уничтоживъ бурные вихри
,,и волненіе колеблющее ладію жизни
,,нашей, простираешь спасительную
,,десницу, которыя могуществомъ от-
,,вращается неизбѣжимость рока и са-
,,мый часъ смерти опредѣленный судь-
,,бою; укрощается стремленіе злобной
,,и слѣпой фортуны, и предваряется
,,вредоносное изліяніе и содѣйствіе не-
,,щастливыхъ созвѣздій. Тебѣ покла-
,,няются небеса, и благоговѣютъ предъ
,,лицемъ твоимъ жители адской без-
,,дны. Ты владычествуешь всѣмъ свѣ-
,,томъ, управляя движеніемъ небесъ;
,,тобою озаряется солнце (р), ты по-
,,пираешь тартаръ; планеты въ тече-
,,ніи своемъ твоему слѣдуютъ мано-
,,венію. О тебѣ радуются всѣ боги и
,,богини. Ты учреждаешь времена и
,,лѣта; стихіи тебѣ повинуются, отъ
,,тво-

(р) Изъ сего можно видѣть, что Апулей чрезъ сію богиню не разумѣетъ одну только луну, но всю природу, или высочайшее существо, которое есть душа всего міра: ибо какъ можетъ быть, чтобъ луна озаряла собою солнце?

,,твоего дохновенія колеблется вѣтрами
,,воздухъ, сгущаются облаки, раждает-
,,ся, роститъ и зрѣетъ всякое сѣмя.
,,Пернатыхъ тварей сонмы летающіе
,,на зыбяхъ воздушныхъ, свирѣпые
,,звѣри обитающіе въ пустыняхъ и го-
,,рахъ, страшные зміи кроющіеся въ
,,разсѣлинахъ и вертепахъ, пресмыкаю-
,,щіеся по земли, ужасныя и много-
,,образныя чудовища насѣляющія глу-
,,бину морскую, трепещутъ и боят-
,,ся твоего имени; но что, можно ли
,,мнѣ вѣщать хвалы твои! я не въ си-
,,лахъ изобразить словами чувствій
,,моего сердца и тѣхъ благоговѣйнѣй-
,,шихъ мыслей, которыя имѣю я о
,,величествѣ и славѣ твоего божества;
,,и будучи смертенъ, могу ли при-
,,личными почтить тебя дарами и
,,жертвами. Несчетные и парящимъ
,,витіиствомъ исполненные уста слабы
,,къ прославленію твоего имени; вѣч-
,,ныхъ и повсемѣстныхъ олтарей ку-
,,ренія и ѳиміамы не довлѣютъ твоей
,,благости и щедротамъ. И такъ я
,,все, что только можетъ бренной и
,,убогой человѣкъ, но чистѣйшею впро-
,,чемъ пылающій благодарностію и
,,благоговѣніемъ, содѣлать въ честь
,,твою,

„твою, я все содѣлаю; я до послѣд-
„няго моего издыханія сохраню во глу-
„бинѣ сердца моего божественный твой
„зракъ и блескъ твоего священнаго
„величества. Я днемъ и нощію углуб-
„ляться буду въ размышленіи о тво-
„ихъ щедротахъ и благодѣяніяхъ.„

Скончавъ сію мольбу, пошелъ я къ первосвященнику, дабы съ нимъ проститься; я обѣемля его лобызалъ стократно какъ своего истиннаго отца и учителя; изъясняясь притомъ, что не могу сразмѣрной благодѣяніямъ его воздать благодарности. Наконецъ я съ нимъ растался; и началъ пріуготовляться къ отшествію въ родительской свой домъ, отъ котораго отлученъ я былъ чрезъ толь долгое время. По прошествіи нѣсколькихъ дней извѣстила мнѣ богиня, что ужѐ день моего отъѣзда приближился; и такъ собравши малое свое стяжаніе сѣлъ я на корабль, которой долженъ плыть въ Римъ. Вѣтры намъ благопріятствовали и мы въ краткое время безъ всякаго притомъ опаснаго приключенія достигли до пристани называемой Остія, и оттолѣ сидя въ легкой и быстрой коляскѣ при-

прiѣхалъ я въ священный сей (с) градъ 12 Декабря, когда уже солнце склонилось къ Западу. Единственное мое и всегдашнее въ семъ градѣ упражненiе въ томъ состояло, что я всякой день ходилъ поклоняться великой Царицѣ Изидѣ, которую всѣ жители съ глубочайшимъ почитали благоговѣнiемъ, нарицая ее Изидою Марсова поля, ибо храмъ ея воздвигнутъ былъ на семъ полѣ. Я вседневно приносилъ смиренныя мольбы сей богинѣ; и былъ только пришлецъ въ разсужденiи храма; но богослуженiе и таинства ея уже мнѣ были совсѣмъ открыты. Между тѣмъ солнце совѣршивъ теченiе свое исполнило цѣлый годъ того благополучнаго дня, въ которой я просвѣтился таинствами сея великiя богини. Однако она еще явившись въ сонномъ видѣнiи возвѣстила мнѣ, что я вторично долженъ просвѣтиться. Внимая такое велѣнiе изумился я чрезвычайно и не могъ понять, что значитъ ея воля,

---

(с) Римъ назывался священнымъ градомъ потому, что всѣ языческiя различныя вѣры и богослуженiя были въ немъ приняты.

воля, и какое будетъ слѣдствіе; ибо казалось мнѣ, что я ужѐ довольно и совершенно знаю всѣ таинства ея богослушенія.

Но стараясь какъ собственнымъ разсудкомъ, такъ равно и совѣтами благоразумныхъ жрецовъ испытать волю богини сея и уничтожить свое сомнѣніе, познаьъ и увидѣлъ я вещь чудную и для меня совсѣмъ еще новую; то есть, что я великія только богини просвѣщенъ тайнами; но непобѣдимаго Озириса, сего великаго бога и отца всѣхъ боговъ, священныя таинства мнѣ были еще неизвѣстны. И хотя сіи два божества нераздѣльны между собою и одинакимъ чтутся поклоненіемъ, однако весьма великое различіе наблюдается въ обрядахъ; естьли кто приступаетъ къ познанію таинствъ того или другаго; и потому я долженъ былъ чувствовать, что божеское провидѣніе призываетъ меня къ служенію и таинствамъ великаго бога Озириса: въ чемъ сомнѣніе мое скоро уничтожилось: ибо въ слѣдующую ночь одинъ изъ священниковъ облеченъ будучи во льняную одежду и въ ру-

кахъ своихъ имѣя *тирсы* и *плющъ* и другія вещи, которыхъ не должно открывать, явился мнѣ въ сонномъ видѣніи. Онъ все сіе положа въ моей спальнѣ, и сѣдши на стулъ объявилъ мнѣ о торжественномъ пиршествѣ, которымъ долженъ я угостить жрецовъ, дабы приступить къ величественному и священному богослуженію; но чтобъ я могъ узнать его по какой нибудь примѣтѣ; всталъ онъ и пошелъ тихимъ шагомъ, хромая притомъ лѣвою ногою. И такъ извѣщенъ я будучи толь ясными свидѣтельствами о божескомъ благоволеніи, не могъ ужѐ нимало колебаться мыслями: но вставши поутру весьма рано и принесши великой богинѣ благодарственную мольбу, спрашивалъ у всѣхъ жителей: нѣтъ ли какого нибудь священника храмлющаго лѣвой ногою. Дѣйствительно такой находился и я немедленно увидѣлъ одного изъ Пастофоровъ, которой походкою, одеждою и видомъ своимъ совсѣмъ подобенъ былъ жрецу явившемуся мнѣ въ сновидѣніи. Я узналъ послѣ, что называется онъ Азиніемъ Марцелломъ, и сіе имя имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ тому

пла-



плачевному (m) состоянію, въ которомъ я находился. Я съ поспѣшностію къ нему подошелъ, но онъ будучи извѣстенъ, равно какъ и я, что долженъ просвѣтить меня священными великаго бога таинствами, узналъ напередъ еще что я намѣренъ ему говорить: ибо въ прошедшую ночь мечталось ему во снѣ, что въ то самое время, когда онъ сплеталъ для Озириса вѣнцы, услышалъ величественный гласъ сего бога происходящій изъ такихъ же устъ, какими онъ произноситъ судьбу всѣхъ смертныхъ; услышалъ гласъ вѣщающій: внимай Азиніи, къ тебѣ посылается гражданинъ Мадавріиской, человѣкъ впрочемъ убогой, но достойный, чтобъ принять его немедленно въ число просвѣщенныхъ моими таинствами, предводимъ будучи моею десницею, прославился онъ повсюду знаніемъ и науками, а ты которой долженъ ему открыть мои сокровенныя таинства и богослуженіе, ты будешь мною не забвенъ и получишь достойное отъ меня воздаяніе.

Такимъ

---

(m) Потому что оселъ на Латинскомъ языкѣ *asinus*.

Такимъ образомъ будучи назначенъ къ познанію таинствъ непобѣдимаго Озириса медлилъ я, противъ желанія моего, вторичнымъ симъ просвѣщеніемъ; не имѣя довольнаго достатка для толь великаго торжества: ибо малое мое стяжаніе истощилъ я въ путешествіяхъ, и притомъ въ семъ градѣ требовалось несравненно большее число денегъ для сего случая, нежели сколько употребилъ я въ Греческой провинціи. И такъ крайнимъ своимъ убожествомъ воспящаемъ будучи отъ такого великаго богослуженія находился я въ отчаянномъ недоумѣніи: между тѣмъ великій Озирисъ многократно повелѣвалъ мнѣ исполнить его волю немедленно. И сіе повергало меня въ крайнюю печаль и смущеніе. Наконецъ по его рѣшительному велѣнію продалъ я свои одежды и другія вещи, которыя хотя были весьма посредственны, однако пріобрѣлъ я чрезъ то все нужное для моего просвѣщенія. Естьли бы ты, вѣщало мнѣ сіе неописанное божество, захотѣлъ веселыя и пріятныя для себя учредить забавы и утѣхи, ты не пожа-

 лѣлъ



лѣлъ бы ни мало и послѣдней одежды; но когда повелѣваю тебѣ моими просвѣтиться таинствами, и приступить къ моему богослуженїю; ты сомнѣваешься, медлишь и боишься ввергнуться чрезъ то въ бѣдность и убожество, о которомъ ты никогда не будешь сожалѣть и раскаеваться.

Слыша такїя божественныя слова, прїуготовилъ я все нужное, вторично постившись десять дней не употребляя никакого мяса ни вина, просвѣщенъ я былъ сокровенными таинствами державнаго бога Сераписа, и уже съ совершеннымъ спокойствїемъ и надеждою исполнялъ всѣ обязанности и законы сего великаго служенїя, и сїе самое служило мнѣ великимъ утѣшенїемъ во всѣхъ случаяхъ; и подало средства къ жизни прїятнѣйшей: ибо въ судебныхъ мѣстахъ исполняя стряпческую должность на Латинскомъ языкѣ, получалъ я довольное число денегъ, въ чемъ мнѣ божеское провидѣнїе и сама Фортуна споспѣшествовала больше нежели прочимъ. Но по прошествїи нѣкотораго времени

чуд-

чудное и неожидаемое велѣніе боговъ понуждаетъ меня, дабы я въ третій разъ просвѣтился. Тогда уже отягощенъ печалію и смущеніемъ углубился я въ различныя мысли, стараясь узнать, къ чему клонится сіе новое и чрезвычайное велѣніе; я не могъ понять чего еще не доставало и что упущено въ обрядахъ моего сугубаго просвѣщенія. Видно, говорилъ я самъ себѣ, что оба сіи первосвященники не желая мнѣ совершеннаго благополучія неточно и несправедливо исполняли свою должность и не всѣ приличныя сохранили обряды. Такъ разсуждая началъ я сомнѣваться о ихъ добродѣтели и вѣрности.

Но когда я различными колеблясь мыслями находился въ крайнемъ недоумѣніи подобясь лишенному всего разсудка, то щедрое божество явившись мнѣ во время ночнаго сна, уничтожило мрачный облакъ моего сомнѣнія. —— Не долженъ ты, вѣщало оно мнѣ, страшиться толь долговременныхъ и многочисленныхъ обрядовъ служащихъ къ твоему просвѣщенію, и не думай также, чтобъ не сохранено

или забыто было что нибудь жрецами при сей торжественной и священной должности; напротивъ того радуйся получая толикія щедроты отъ боговъ безсмертныхъ, и утѣшайся, когда они благоволили трикратно озарить тебя неизреченнымъ свѣтомъ недовѣдомыхъ своихъ таинствъ, которыми другія изъ смертныхъ и единожды просвѣтиться едва удостоились; притомъ будь благонадеженъ и уповай безъ сомнѣнія, что ты симъ троякимъ озарившись свѣтомъ пребудешь всегда благополученъ. Впрочемъ ты самъ узнаешь, что сіе третіе просвѣщеніе нужно тебѣ непремѣнно; когда разсудишь, что одежда великой богини, въ которой ты приступилъ къ познанію ея таинствъ въ Греческой провинціи, осталась въ ея храмѣ; и что для сей причины не можно тебѣ имѣть ее въ здѣшнемъ храмѣ при торжественномъ священнослуженіи во время всеобщихъ празниковъ, или когда приказано будетъ явиться въ сей одеждѣ. И такъ исполняя съ благоговѣйною радостію веленіе державныхъ боговъ, озари сокровенными

таин-

таинствами разумъ свой еще единожды; и сiеда послужитъ къ твоему блаженству, здравiю и спасенiю. —— Наконецъ сiе неописанное и неизреченное божество извѣстило меня о всемъ, что я долженъ прiуготовить.

Исполняя съ возможнымъ усердiемъ всещедрыхъ небесъ волю, немедлилъ я ни одной минуты, но въ то же время объяснивши прежнему первосвященнику свое сновидѣнiе, рѣшился я еще десять дней возможную хранить чистоту и не употреблять въ снѣдь себѣ никакого мяса, и не пить также ни какого вина, сообразуясь непремѣнному сего богослуженiя закону. Послѣ того купилъ я всѣ нужныя для торжества сего вещи, и притомъ въ большемъ количествѣ, нежели сколько требовалось; къ чему поощряло меня благочестивое усердiе. И по истиннѣ я не могъ и не долженъ былъ сожалѣть о разныхъ и многихъ расходахъ употребленныхъ на сiи случаи: ибо щедрое божеское провидѣнiе усугубляло вседневно мои доходы и сдѣлало меня довольно богатымъ, благопрiятствуя и вспомоществуя мнѣ въ исполненiи

 стран-

стряпческой должности при мѣстахъ судебныхъ. Наконецъ спустя нѣсколько дней самъ Озирисъ, богъ великихъ боговъ большій, и вышшихъ высочайшій, и высочайшихъ превосходнѣйшій, и превосходнѣйшихъ державный Царь, явился мнѣ въ сновидѣніи въ точномъ своемъ видѣ, не скрывъ своего величества ни въ какомъ странномъ и отмѣнномъ образѣ, онъ удостоевая меня божественныхъ своихъ вѣщаній, повелѣлъ мнѣ съ большимъ стараніемъ и ревностію упражняться въ исполненіи стряпческой должности и пріобрѣтать чрезъ то уваженіе себѣ и славу; презирая злобныя клеветы всѣхъ злоязычниковъ завидующихъ моему знанію и превосходнымъ наукамъ пріобрѣтеннымъ мною чрезъ неусыпное стараніе и всегдашніе труды. И наконецъ, дабы не быть мнѣ въ числѣ простыхъ и обыкновенныхъ жрецовъ, возвысилъ меня сей великій богъ на степень Пастофоровъ и почтилъ достоинствомъ десятоначальника, (у) ко-

(у) Десятоначальниками назывались тѣ, у которыхъ подъ властію находились десять жрецовъ, а иногда меньше или больше.





которое обыкновенно пять лѣтъ продолжалося. Съ сего вожделѣннаго часа, имѣя голову свою обриту и не стараясь ее ни чѣмъ прикрывать, прилѣпился я съ радостію къ сему святому и благоговѣйному сообществу, учрежденному около временъ Суллы, и вседневно исполнялъ законы и обязанности его съ возможнымъ усердіемъ и ревностію.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙНАДЕСЯТЬ

И

ПОСЛѢДНЕЙ КНИГИ.

